

Главный редактор:

Тимирясов В.Г., ректор Института экономики, управления и права (г. Казань), профессор

Заместитель главного редактора:

Бикеев И.И., проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе, доцент

Редакционная коллегия:

Рабинович Л.М., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор экономических наук, куратор направления экономических наук
Малков В.П., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, куратор направления юридических наук
Абузярова Н.А., доктор юридических наук
Агеев Ш.Р., доктор экономических наук
Безверхов А.Г., доктор юридических наук
Бурганов Р.А., доктор экономических наук
Быков В.М., доктор юридических наук
Демченко С.Г., доктор экономических наук
Дуюнов В.К., доктор юридических наук
Епихин А.Ю., доктор юридических наук
Зиятдинов Ф.С., доктор экономических наук
Иванцова Н.В., доктор юридических наук
Ильин С.С., доктор экономических наук
Кадышев Е.Н., доктор экономических наук
Клемин А.В., доктор юридических наук
Клычкова Г.С., доктор экономических наук
Кругликов Л.Л., доктор юридических наук
Кураков В.Л., доктор экономических наук
Кураков Л.П., доктор экономических наук
Лазарева В.А., доктор юридических наук
Левченко О.В., доктор юридических наук
Мальгин В.А., доктор экономических наук
Мокичев С.В., доктор экономических наук
Нагаев Р.Т., доктор экономических наук
Ольков С.Г., доктор юридических наук
Орлов С.Л., доктор экономических наук
Салиева Р.Н., доктор юридических наук
Саттарова Н.А., доктор юридических наук
Сафиуллин Н.З., доктор экономических наук
Скоробогатов А.В., доктор исторических наук
Тимофеев В.Г., доктор юридических наук
Фазылов Р.Р., кандидат юридических наук
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук
Филиппов Н.К., доктор юридических наук
Хабриева М.Н., доктор экономических наук
Цагарелли Ю.А., доктор психологических наук
Шейфер С.А., доктор юридических наук
Юнусов А.А., кандидат юридических наук
Ярандайкин Р.С., доктор юридических наук

Ответственный секретарь:

Дарчинова Г.Я.

Учредитель –
негосударственное
образовательное
учреждение
«Институт экономики,
управления и права
(г. Казань)»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, д. 42

Тел. (843) 293-11-25,
293-08-57.
E-mail: apel@ieml.ru

Подписка на
журнал
по Объединенному
каталогу «Пресса
России».

Наш индекс – 86303

Редактор:
Галеева Р.И.

Корректор:
Пахомова Д.Б.

**Компьютерная
верстка:**
Файзолов И.Ф.

Содержание

Экономическая теория	
Э.С. Аллатова. Факторы формирования новой институциональной среды в банковском секторе	4
P.А. Бурганов. Семейно-культурные ценности как центральное звено социально-экономической системы	10
T.Н. Губайдуллина. Реализация концептуальных основ устойчивого развития на региональном уровне	14
M.Б. Демин. К вопросу об уточнении содержания категории «естественная монополия»	20
C.С. Ильин. Экономические формы и методы конкуренции в рыночной сфере АПК	24
B.А. Мальгин. Импорт институтов и критерии оценки его эффективности	31
L.М. Рабинович. Экономические проблемы агропромышленного комплекса: причины возникновения и пути решения	37
L.Н. Сафиуллин. Теоретико-методологические аспекты роста общественного благосостояния	46
H.З. Сафиуллин. Теория многомерных рынков в условиях преобразования российской экономики	51
M.Н. Хабриева. Экономика научных исследований.....	56
Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика, экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами)	
P.В. Кашибразиев, M.В. Панасюк. Региональные кластеры как форма территориальной организации производства	61
T.В. Крамин. Институциональный подход как основа системы управления стоимостью компаний	69
A.Л. Кураков. Повышение качества высшего профессионального образования как важнейший фактор экономического роста	75
C.Л. Орлов. Финансовые ресурсы для региональной экономики	81
B.А. Рубцов, A.Г. Степин. Вопросы оптимизации распределения средств как проблема согласования территориально-производственных интересов	89
A.М. Туфетулов. Основы концепции отраслевой реструктуризации региональной экономики ..	97
Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)	
H.Н. Ермолаева. Новый импульс повышения качества услуг в розничной торговле	102
Теория и история права и государства	
M.В. Байтееева. Нормативные идеи прав и свобод человека в современном обществе	108
A.В. Краснов. К вопросу о правовых стимулах в действующем законодательстве	113
Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	
H.А. Абузярова. Договорный режим имущества супругов: Некоторые семейно-правовые и гражданско-правовые аспекты	119
R.H. Салиева. Рациональное пользование недрами при разработке газовых (газоконденсатных) месторождений: вопросы правового обеспечения	124
H.А. Саттарова. Некоторые вопросы представительства	130
Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	
Ю.В. Баранов. Система стадий ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания	135
I.И. Бикеев. Понятие и виды объектов повышенной опасности в уголовном праве	141
B.М. Быков. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ	150
P.А. Кабанов. Жертвы политических преступлений: понятие, содержание и виды	159
C.Г. Ольков. Моделирование частот рационального преступного поведения	164
P.R. Фазылов. Некоторые вопросы объективной стороны состава нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики	168
Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность	
A.Ю. Епихин. Генезис проблемы безопасности личности в уголовном судопроизводстве	174
A.А. Юнусов. Особенности подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в странах ангlosаксонской и континентальной системы права	183
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права»	
191	191
Требования к оформлению рукописей	
192	192
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»	

Contents

Economic Theory

<i>E.S. Alpatova.</i> The factors of new institutional environment forming in the banking sector.....	4
<i>R.A. Burganov.</i> Family and cultural values as the central link of social and economic system	10
<i>T.N. Gubajdullina.</i> Conceptual basis realization of sustainable development at the regional leve	14
<i>M.B. Demin.</i> To the question of the content elaboration of the category «natural monopoly»	20
<i>S.S. Iljin.</i> Economic forms and competition method in the market sphere of agroindustrial complex...	24
<i>V.A. Malgin.</i> Institute import and estimation criteria of its efficiency.....	31
<i>L.M. Rabinovich.</i> The economic problems of agroindustrial complex: the causesof origin and the way of solution.....	37
<i>L.N. Safullin.</i> Theoretical and metodological aspekts of national welfare growth.....	46
<i>N.Z. Safiullin.</i> The theory of multidimensional markets in the condition ofRussian economics reorganization.....	51
<i>M.N. Habrieva.</i> The economics of scientific researches.....	56

Economics and national economy management (regional economics, economics, organization, and enterprise, branches and complexes management)	
<i>R.V. Kashbraziev, M. V. Panasjuk.</i> Regional clusters as a form of enterprise areal organization	61
<i>T.V. Kramin.</i> Institutional view as the fundamental prinzipal of the system of company cost management	69
<i>A.L. Kurakov.</i> The refinement of higher professional education as the most important means of economic advance	75
<i>S.L. Orlov.</i> Financial resources for regional economics.....	81
<i>V.A. Rubtsov, A.G. Stepin.</i> The questions of disposition of funds optimization as a problem of areal and enterprise interests coordination.	89
<i>A.M. Tufetulov.</i> The principles of branch restrukturazation of regional economics.....	97

Economics and agricultural management (marketing)

<i>N.N. Ermolaeva.</i> New impulse in the improvement of retail business service.	102
--	-----

Theory and history of law and government

<i>M.V. Bayteeva.</i> Normative ideas of personal rightsand freedoms in modern society	108
<i>A.V. Krasnov.</i> About legal incentives in applicable legislation.....	113

Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law

<i>N.A. Abuzjarova.</i> Conjoints property treaty regime: Several aspects of family and civil law.	119
<i>R. N. Salieva.</i> Rational use of mineral recourses at gas (condensate) field devilmel: questions of legal groundwork.....	124
<i>N. A. Satarova.</i> Some questions of legation.....	130

Penal law and criminology; correctional law

<i>Y.V. Baranov.</i> System of convicted offenders and persons free from penalty resocialization.....	135
<i>I.I. Bikeev.</i> Idea and types of heightened danger objects in criminal law.....	141
<i>V.M. Bykov.</i> Legal basis and conditions of investigations making according to Russian criminal procedure code.....	150
<i>P.A. Kabanov.</i> Political crimes victims: notion, contents and types	159
<i>S.G. Ollkov.</i> Simulation of rational criminal behavior frequency.	164
<i>R.R. Fazylov.</i> Some questions of safety regulations breaking at atomics facilities.....	168

Criminal procedure; criminal law and forensic enquiry; executive search

<i>A.Y. Epikhin.</i> Genesis of person's safety problems in criminal proceedings.	174
<i>A. A. Yunusov.</i> Trial preparation to asseze in English speaking countries and countries of continental system of law.	183

<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» magazine.....</i>	191
<i>The requirements to manuscript appearance .....</i>	191
<i>Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» magazine .....</i>	192

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330:336.71

Э.С. АЛПАТОВА,
кандидат исторических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ

В формировании новой институциональной среды в банковском секторе основополагающую роль сыграли, главным образом, следующие факторы: во-первых, импорт зарубежных формальных институтов, поскольку дореволюционная традиция была прочно утеряна; во-вторых, зависимость от прошлой траектории развития, выразившаяся во влиянии на современное состояние банковской системы Российской Федерации кредитной системы, сложившейся в условиях централизованной плановой экономики; в-третьих, большее, чем в развитых западных странах, значение для развития банковской системы неформальных институтов, истоки которых кроются в ментальности россиян.

В неоинституциональной теории институты определяются как правила, создающие порядок во взаимодействиях между людьми. Эти правила распадаются на неформальные (культурный контекст), формальные (институциональная среда) и локальные (институциональное устройство) [1, р. 595–613; 2, с. 74; 3, с. 688]. Таким образом, институциональная среда – это совокупность «правил игры»¹, норм и санкций, образующих политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми; иными словами, рамки, в которых заключаются институциональные соглашения. Составляющими институциональной среды выступают правила социальной жизни общества, функционирования его политической сферы, базовые правовые нормы – конституция, конституционные и иные законы

и т.п. Формальные правила фиксируются в правовых актах, а на уровне отдельных компаний – в заключенных ими деловых контрактах.

Ведущим агентом модернизации в реформируемой экономике (наряду с крупным бизнесом) является государство. В табл. 1 приведена сравнительная характеристика институциональной среды на финансовых рынках в зависимости от характера государственного регулирования.

Как видно из табл. 1, Россия, по сравнению с США и Западной Европой, отличается высокой степенью вмешательства государства в экономическую жизнь вообще и в ситуацию на финансовых рынках в частности. Крупные реформы проводятся правительствами – и уже поэтому роль государства в период реформ неизбежно возрастает. Это справедливо для России, равно как и для большинства стран, осуществляющих переход к рыночной экономике, но не для всех.

¹ Термин «институты», понимаемый как совокупность принятых в обществе «правил игры», был употреблен Д. Нортом и Р. Томасом в их книге «The rise of the Western world: a new economic history» [14, р. 2].

Таблица 1

Сравнительная характеристика институциональной среды [4, с. 93]

Характеристика институциональной среды	США	Западная Европа	Россия
Финансовый рынок	Ориентирован на рынок ценных бумаг; менеджеры контролируются правилами раскрытия информации и рыночными механизмами (слияния и поглощения)	Ориентирован на банки; мониторинг за счет перекрестного владения акциями и советом директоров	Неразвит; неликвидный рынок акций; слабый мониторинг со стороны государственной бюрократии
Государственное регулирование	Низкий уровень вмешательства; относительно низкая коррупция	Умеренное вмешательство; относительно низкая коррупция	Высокая степень вмешательства; высокая коррупция

Дело в том, что возможны два варианта формирования и развития новой институциональной среды в условиях реформ. Один путь – эволюционный, который заключается в легализации неформальных рамок, т.е. при дании лежащим в их основе нормам силы закона и превращения этих рамок в формальные. Эволюционный сценарий предполагает, что новые формальные институты возникают не на пустом месте, а в процессе трансформации существующих неформальных. Развитие формальных институтов воспроизводит уже сложившиеся на уровне неформальных рамок тенденции.

Другой вариант институционального развития – революционный – заключается в попытках изменить, прежде всего, формальные рамки, ориентируясь на уже известные образцы. Речь идет об импорте формальных институтов, уже доказавших свою эффективность в обеспечении взаимодействий, и отходе на этой основе от тупиковой траектории развития. Иначе говоря, преобразования ориентируются на достижение определенного результата и исходные условия – существующие в обществе неформальные институты принимаются в расчет в последнюю очередь, то есть в данном случае желаемая ситуация проецируется на общество. Еще одно отличие от эволюционного варианта развития заключается в необходимости политической воли для осуществления революционных преобразований. Роль государства из чисто

технической, сведенной к законодательной фиксации неформальных норм (как в случае эволюционного варианта), превращается в главенствующую.

Особенностью современной банковской системы России является то, что она была сформирована не эволюционным путем, а по инициативе государства, причем в короткий срок (1987–1992 гг.).

На первоначальной стадии перехода к рынку существовало ошибочное представление о том, что государство должно отойти от непосредственного участия в экономике, предоставив простор рыночному саморегулированию. Поэтому первый этап развития банковской системы (1988–1990 гг.) характеризуется крайне либеральным подходом к созданию новых банков, однако создание негосударственных коммерческих банков означало отход от монополизма в банковской сфере. Первый такой банк появился в августе 1988 г., когда был принят Закон «О кооперации в СССР» [5], предусматривающий возможность создания кооперативных банков и ТОО на паевых началах. Несмотря на отсутствие соответствующей правовой базы, процесс создания коммерческих банков в 1988–1989 гг. характеризовался высокими темпами. К концу 1988 г. были зарегистрированы уставы более 40 коммерческих банков, к 1 июля 1989 г. их число возросло до 125, а на 1 января 1990 г. – до 144. Зарегистрировать банк было делом едва ли не

более простым, чем открыть коммерческий ларек.

В 1991–1995 годах российская банковская система развивалась в максимально благоприятных для нее условиях высокой инфляции и слабого государственного регулирования, позволявших коммерческим банкам ускоренно аккумулировать финансовые ресурсы и экспансивно расширять деятельность. Негативными последствиями такого развития стали ориентация банковской системы на обслуживание финансового сектора экономики, то есть существенное расхождение между потребностями экономики в целом и интересами коммерческих банков, неспособность адаптироваться к изменению макроэкономической ситуации, которое произошло в 1996–1997 годах, и, соответственно, невозможность эффективно противостоять кризису 1998 года.

Эти радикальные изменения были закреплены в специально разработанном банковском законодательстве. Принятые Верховным Советом РСФСР 2 декабря 1990 г. законы «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» [6] и «О банках и банковской деятельности в РСФСР» [7] стали законодательной основой новой банковской системы, базирующейся на рыночных принципах. С их помощью окончательно сформировалась двухуровневая банковская система.

С тех пор банковское законодательство подверглось существенному реформированию. Банковские правоотношения регулируются в настоящее время следующими законами: Федеральный закон от 27 июля 2002 г. №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в редакции от 12 июня 2006 г. №85-ФЗ) [8], Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в редакции от 27 июля 2006 г. № 140-ФЗ) [7], Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. №40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» (в редакции от 20 августа 2004 г. №121-ФЗ) [9].

Важным шагом в деле развития банковского законодательства стало принятие Федерального закона от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ «О

валютном регулировании и валютном контроле» (в редакции от 18 июля 2005 г. №218-ФЗ) [10]. Начал действовать Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. №177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (в редакции от 20 октября 2005 г. №132-ФЗ) [11], был принят Федеральный закон от 29 июля 2004 г. №96-ФЗ (в редакции от 27 июля 2006 г. № 140-ФЗ) «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [12]. Одним из законов, способных улучшить инвестиционный климат, призван стать Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. №218-ФЗ «О кредитных историях» (в редакции от 21 июля 2005 г. №110-ФЗ) [13].

Таким образом, на первоначальной стадии реформ институциональные изменения возникали спонтанно за счет стихийного взаимодействия отдельных хозяйствующих субъектов, вмешательство же государства в процессы, происходящие в банковской сфере, было минимальным. В дальнейшем это влияние со стороны государства усилилось, и формирование институциональной среды в банковской сфере в целом произошло революционным путем (в принятых терминах). Российская банковская система была сформирована, главным образом, в результате импорта формальных зарубежных институтов. Это не могли быть институты, когда-то существовавшие в истории нашей страны и исчезнувшие в процессе исторической эволюции общества, поскольку отечественные институты дореволюционной России были настолько основательно уничтожены, что вряд ли их воспроизводство могло быть успешным.

Это не могли быть и институты административной системы, поскольку современная банковская система России создавалась на основе принципов, кардинально отличающихся от принципов построения действовавшей ранее банковской системы. Государственная кредитная система СССР включала в себя три банка-монополиста: Госбанк СССР, Стройбанк

СССР и Внешторгбанк СССР, выполнивших многочисленные операции по перекредитованию хозяйств (прощение и списывание долгов предприятий). Сущность кредитных отношений выхолащивалась, стиралась грань между бюджетно-налоговыми и кредитными ресурсами. По своей сущности кредитные отношения в командной экономической системе заменялись распределительными отношениями. Банки базировались на единой форме собственности государства и субсидировали предприятия и отрасли, скрывая их низкую рентабельность, так как не существовало выбора кредитного источника. Банковская система была неэффективной, ее воздействие на производство было недостаточным. На начало перехода к рынку условия для свободного перелива капитала и формирования финансового рынка в России отсутствовали, одноуровневая неэффективная структура кредитной системы не отвечала потребностям рождающихся рыночных отношений.

В этих условиях возникает необходимость дальнейшей реформы кредитной системы, т.е. приближения ее к системе развитых стран. Децентрализация управления экономикой в условиях перехода к рынку в России потребовала изменения роли банковской системы в механизме управления экономикой. Предусматривались изменение организационной структуры банковской системы, повышение роли банков, усиление их влияния на развитие народного хозяйства, превращение кредита в действенный экономический рычаг.

Таким образом, изначально в построении российской банковской системы в качестве образца для подражания были взяты западные модели. На мировом рынке институтов всегда существует выбор институтов. Например, если не оправдывает надежд банковская система, построенная по принципам американского банковского права (ограничивающего участие банков в капитале акционерных обществ), то всегда можно обратиться к германской модели.

В мире сложились разные типы банковских систем, которые условно можно охарактеризовать как англо-саксонскую, германскую и

восточно-азиатскую, основанные на различном подходе к совмещению коммерческой и инвестиционной активности, к контролю над нефинансовыми предприятиями. Российская модель банковской системы возникла как некое сочетание всех трех систем, поскольку западные консультанты, включая экспертов МВФ и МБРР, представляли в основном англо-саксонскую школу, большая часть кредитов поступала из Европы, а российские банкиры предпочитали корейский вариант закрытых холдингов.

Однако подобный импорт институтов встречал серьезное препятствие, вызванное существованием неформальных правил. Формальные правила, импортированные из-за границы, не вполне соответствовали обычаям и традициям, принятым в нашем обществе. Дело в том, что для экономических взглядов россиян и сегодня характерна традиционалистская ориентация с ее наивной верой в натурально-хозяйственные основы экономики как способа выживания, приоритетом государства и общества над личностью, с представлением о «вторичности», неестественности денежных отношений.

Этот скрытый уровень неформальных правил нередко остается вне поля зрения. Между тем их роль в реальной (а не в выдуманной, идеальной) экономике поистине огромна. Д. Норт писал: «Мы, живущие в современном западном мире, считаем, что жизнь и экономические процессы подчиняются писанным законам и правам собственности. Однако даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора... Наше поведение в огромной степени определяется неписанными кодексами, нормами и условностями» [2, с. 56; 15]. Очевидно, что в России неформальные правила намного более значимы, чем в упомянутом Нортом развитом западном мире.

Общественное сознание пока еще не приняло идею приоритета прав человека. Оно признает право государства функционировать вне правового поля ради целесообразности,

наполнено патерналистскими ожиданиями по отношению к государству, не осознало значение личной ответственности, слабо ориентировано на установление «правил игры», в рамках которых можно самостоятельно действовать в экономическом пространстве.

Неформальные правила игры под влиянием государства приводятся в соответствие друг с другом, однако, процесс этот долгий. Новый закон может быть принят относительно быстро, неформальные же правила с трудом поддаются изменениям. Темп изменений здесь совсем иной, в данной области существенную роль играют культура, случай и естественный отбор.

Отмеченный инерционный характер развития получил название зависимости от предшествующей траектории развития, или эффекта исторической обусловленности развития (path-dependency). В этом случае общество и экономика воспроизводят социокультурные институты прошлого, постепенно внося в них изменения. Выражаясь кратко, «история значима». Данный тезис хорошо подтверждается на примере банковского сектора России.

Еще в XVII в. для России была характерна государственная экономическая политика, направленная на искусственное сдерживание такой формы предпринимательства, как ростовщичество (предшественника банковской системы)². Это способствовало формированию системы общественного осуждения богатства, особенно в его денежной форме. Вместе с ней проявилась и проблема недоверия к предпринимателю, столь важная для нормального функционирования финансовых институтов как раньше, так и теперь.

Сами же российские банки до второй половины XIX в. были государственными, не занимались коммерческой деятельностью, а кредитно-финансовая политика в целом была направлена на поддержку отмирающих, паразитических классов. Только после буржуазных

реформ 60–70-х гг. XIX в. сфера финансов и кредита вливается в русло рыночных отношений, ограниченных, правда, системой государственного вмешательства в банковскую сферу. Советский период развития банковской системы существенно ограничил функциональное предназначение банковской деятельности, превратив его в часть неэффективного механизма социалистического хозяйствования.

Этот исторический субстрат объективно накладывает отпечаток на характер формирующейся банковской системы современной России. Основополагающим элементом в эволюции современной банковской системы является тот непреложный факт, что Россия еще не прошла этап социокультурной либерализации [14, с.35], а это автоматически накладывает ограничения на перспективы развития банковской сферы.

Инерционность институционального развития, обусловленная зависимостью от прошлой траектории, в значительной степени тормозила развитие банковской системы страны. Не случайно до сих пор российская банковская система страдает проблемами, которые берут начало в более чем 70-летней истории своего развития: централизованное перераспределение ресурсов, монопольная структура банковской отрасли, ограничения перелива капитала во внутренне-ориентированные отрасли и др.

Нынешнее отставание российской банковской системы объясняется в значительной степени тем, что мы получили в наследство от Советского Союза. В обычных условиях при постепенном и сбалансированном развитии банковская система формируется вместе с экономикой и, как правило, соответствует ее потребностям. Однако мы находимся в других условиях. Соотношение в развитии отдельных сфер хозяйства, прежде всего банков и реального сектора, определяется у нас в значительной степени наследством прошлого, где административная система не нуждалась в банковской системе современного типа. Дело даже не в том, что банковская система была слабо развита, она была другая и выполняла другие функции. Основные задачи по аккумулированию средств,

²Россия – не единственная страна, где институциональная структура экономики формировалась под влиянием этой меры. В Англии в средние века существовал прямой запрет католической церкви на ростовщичество и, соответственно, ссудный процент.

перераспределению их между отраслями и предприятиями, формированию инвестиционных ресурсов и их использованию решались в плановом порядке, а банки лишь обслуживали этот процесс. При отсутствии механизмов регулирования, характерных для плановой экономики, значительная часть соответствующих функций обеспечивается банковской системой.

Таким образом, в формировании новой институциональной среды в банковском секторе ставка была сделана на политику импорта институтов с ориентацией на «лучшие образцы», характерные для наиболее развитых стран. Но на практике мы столкнулись с серьезными проблемами приживаемости таких институтов в российской социокультурной среде. Большое влияние на этот процесс также оказали трудности реформирования государственной кредитной системы, сложившейся в период централизованной плановой экономики. Очевидно, государство должно активно влиять на институциональную среду в экономике вообще и в банковском секторе в частности, потому что спонтанная селекция институтов, как убедительно показывает эволюционная теория, далеко не всегда отбирает лучшие, оптимальные варианты. Напротив, она может укрепить такие институты, которые противоречат интересам общества.

Список литературы

1. Williamson O.E. The New Institutional Economics Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol.38. No 3. P. 595-613.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – 197 с.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая» кон contraktion. – СПб.: Лениздат, 1996.
4. Дынкин А., Соколов А. Интегрированные бизнес-группы в российской экономике// Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 78–95.
5. О кооперации в СССР: закон СССР от 26.05.1988 г. №8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1988. – № 22. – Ст. 355.
6. О Центральном банке РСФСР (Банке России): Федеральный закон от 02.12.1990 № 394-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 27. – Ст. 356.
7. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 в ред. ФЗ РФ от 27.07.2006 № 140-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1990. – № 27. – Ст.357; Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (I). – Ст. 3439.
8. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный Закон от 27.07.2002. № 86-ФЗ в ред. ФЗ РФ от 12.06.2006 № 85-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №28. – Ст.2790; Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 25. – Ст. 2648.
9. О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций: Федеральный закон от 25.02.1999 № 40-ФЗ. в ред. ФЗ РФ от 20.08.2004 № 121-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. - № 9. – Ст. 1097; Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3536.
10. О валютном регулировании и валютном контроле: Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ. в ред. ФЗ РФ от 26.07.2006 № 131-ФЗ // С3 РФ. – 2003. – №50. – Ст. 4859; С3 РФ. – 2006. – № 31 (I). – Ст. 3430.
11. О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: Федеральный закон от 23.12.2003. №177-ФЗ в ред. ФЗ РФ от 20.10.2005 №132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 52. – Ст. 5029; Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 43. – Ст. 4351.
12. О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2004 № 96-ФЗ в ред. ФЗ от 27.07.2006 № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. - № 31. – Ст. 3232; Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (I). – Ст. 3449.
13. О кредитных историях: Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ в ред. ФЗ РФ от 21.07.2005 № 110-ФЗ // С3 РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 44; С3 РФ. – 2005. - № 30 (II). – Ст. 3121.
14. Тихонова Н.Е. Россияне: нормативная модель взаимоотношений общества, личности и государства // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6. – С. 34–45.
15. Nort D.C., Thomas R.P. The rise of the Western world: a new economic history. – Cambridge, 1973. – P.2.

В редакцию материал поступил 18.12.06.

УДК 316.356.2

Р.А. БУРГАНОВ,
доктор экономических наук, профессор

Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета

СЕМЕЙНО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЗВЕНО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются некоторые проблемы развития социально-экономической системы, основанной на приоритетном использовании семейно-культурных ценностей в общественном воспроизводстве. Особое место отводится анализу роли семейной собственности в процессе функционирования рыночной экономики. По мнению автора, система государственного регулирования должна учитывать противоречивое влияние концентрации семейной собственности на устойчивость экономического роста.

Использование принципов детерминированности развития социально-экономической системы от производственных отношений, географического расположения (концепция «географический детерминизм»), состояния науки и техники (концепция «технократический детерминизм») определяет вектор развития экономик многих государств.

В последние годы особо возрастает роль технократического детерминизма, для которого характерны ориентация на уровень развития техники, технологический способ производства, структуру экономики, норму накопления. Ярким представителем данного направления, как известно, является У. Ростоу, разработавший теорию стадий экономического роста, в рамках которой он выделил традиционное общество, стадию созревания предпосылок для экономического роста, стадию экономического подъема, стадию зрелости общества и стадию массового потребления. В дальнейшем он добавил шестую стадию – стадию поиска качества жизни, в которой находится современное общество Запада. Другим представителем технократизма является американский социолог Д. Белл, который считает необходимым выделять три составные части любого общества: социальную структуру с экономикой,

государственное устройство и культуру, между которыми отрицается какая-либо детерминированность. В основе характеристики социальной структуры и экономики он выделяет отраслевую структуру экономики, уровень развития технологий и знания, степень развитости разделения труда. Он различает три типа общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное, которые различаются по многочисленным критериям. Что касается Запада, то он переживает этап переходности к постиндустриальному обществу.

Особого внимания заслуживает систематизация общества, предложенная Х. Ричлом, который в качестве критериев избрал три принципа (дух общества, дух хозяйства, дух техники) и множество форм. По его мнению, дух общества может быть социалистическим, индивидуалистическим и этатическим. Дух хозяйства определяется мотивацией экономического поведения и хозяйственной этикой. Дух техники представлен либо традиционно-экспериментальным, либо эмпирически-научным характером деятельности. Данный подход к систематизации социально-экономических систем наиболее близок русской общественной мысли, которая всегда в себе органически сочетала этику и экономику.

Социально-экономические системы можно классифицировать и по уровню использования семейно-культурных ценностей в производстве, распределения и потребления общественного богатства. В связи с этим семья решает многообразные проблемы домашнего хозяйства, семейного бизнеса, воспроизводства рабочей силы, создания инвестиционного потенциала и др.

Во многих развитых странах мира давно сложились устойчивые и общепринятые отношения по решению противоречий между интересами различных групп населения. А российскому обществу еще предстоит переосмысление новых реалий, связанных с концентрацией семейной собственности.

Семейный капитализм (Family Capitalism) и семейные бизнес-группы имеют давние исторические традиции и являются самыми распространенными в мире. Они превалируют во многих странах Азии и Латинской Америки, а также широко представлены в таких развитых государствах, как Италия, Швеция, Канада, Франция [1]. По данным исследователей, 85% всего бизнеса США – семейные фирмы. В Европе семейного бизнеса еще больше: по разным странам называются цифры вплоть до 90%. По данным журнала «Fortune 500», семейных фирм 35%. Половина всей рабочей силы в США работает именно в семейном бизнесе. Статистика по наследованию бизнеса в мире примерно одинакова: из 100 семейных фирм только 30 передаются от первого поколения во второе; в третье – переходят 15, а до четвертого – доживают 12 фирм [2]. Первоначально финансовые группы носили семейно-династический характер: Морганы, Рокфеллеры, Дюпонны, Ротшильды и т.д. И теперь еще сохранились финансовые группы, в которых потомки основателей кланов прямо или косвенно владеют контрольными пакетами акций ведущих корпораций, входящих в советы директоров. Возникают и новые семейные группы.

При этой модели капитализма управление крупнейшими корпорациями страны доверено членам нескольких богатейших семей страны. Капитал аккумулируется и распределяется по

семейным каналам. В стране с функционирующим фондовым рынком семейные фирмы могут составлять его значительную часть, однако контроль над такими бизнес-группами всегда остается в руках членов семьи.

Экономическая роль семейной собственности в рыночной экономике чрезвычайно сложна. В экономической науке вопросу о формах собственности и об отношениях вокруг собственности всегда уделялось большое внимание. Несмотря на процесс переосмысления категории «собственность» как экономической, правовой, политической и философской, семейная (родственная) собственность остается системообразующим элементом любой социально-экономической системы. Собственность определяет характер развития общества, экономическое положение социальных групп, цель производства и средства ее достижения, экономическую форму производства, распределения, обмена и потребления. Кто владеет собственностью, тот владеет экономической и политической властью в государстве и управляет обществом независимо от того, желает этого данное общество или нет. В экономической литературе концентрацию собственности связывают с обладанием права контроля деятельности предприятия.

Начало изучению проблем концентрации акционерной собственности было положено классической работой А. Берли и Г. Минза, где был сформулирован тезис об «отделении собственности от контроля» в современной публичной корпорации [5]. Известно, что контроль может быть осуществлен при наличии в собственности семьи 4–5% акций, если при этом имеет место широкое представительство этой семьи в совете директоров [4]. По данным журнала «Топ-менеджер», в состав 50 крупнейших семейных фирм мира входят такие известные россиянам компании, как Samsung Group (Семья Ли), Южная Корея; LG Group (Семья Ко), Южная Корея; BMW (Семья Кундт), Германия; Motorola (Семья Гэлвин), США; Mars (Семья Марс), США.

Формирование государственной политики по преобразованию отношений форм собствен-

ности, в том числе и семейной, в последние годы происходило с желанием расширить действие рыночных сил во всех областях и сферах национальной экономики. Потребность в исследовании концентрации семейной собственности связана с совершенствованием рыночного механизма хозяйствования и снижением его негативных сторон. Процесс концентрации семейной собственности в России прошел ряд этапов. 1987–1990 годы можно характеризовать как период небольших преобразований в отношениях семейной собственности. Передача ряда государственных средств производства (здания, сооружения, машины, оборудование и т.д.) в собственность кооперативов способствовала началу изменений концентрации семейной собственности. С начала 1990-х годов после 70-летнего перерыва начинается ускоренная концентрация и формализация семейной собственности. История появления россиян в списках богатейших людей планеты начинается с 1997 года, когда там оказалось шесть наших соотечественников. В настоящее время контролируемые активы российских олигархов достигают огромных размеров. В 2006 году, по данным журнала «Финанс», совокупное состояние 500 богатейших граждан нашей страны составляло 425,1 млрд долларов. Это в два раза больше, чем расходы бюджета в 2007 году. По числу миллиардеров Россия занимает второе место после США.

В условиях усиления накопления семейного капитала для обеспечения стабильного развития российского общества требуется комплексная перестройка всей системы социально-экономических и правовых отношений как вне, так и внутри хозяйствующих субъектов с учетом возможностей расширения семейной собственности, что особенно остро ставит проблему анализа соотношений концентрации различных прав собственности.

Необходимо также учитывать усиление концентрации семейной собственности в кредитно-банковской сфере. Около 90% кредитных организаций напрямую или опосредованно принадлежат физическим лицам. Именно они,

а не сотни тысяч российских предприятий выступают главными привилегированными клиентами данных коммерческих банков, получая таким образом конкурентные преимущества. Активная концентрация семейной собственности наблюдается и в топливно-энергетической сфере национальной экономики.

Концентрация семейной собственности, вызванная системными изменениями отношений собственности в трансформационной экономике, приводит к необходимости перераспределения прав собственности в рамках корпоративных организаций, институтов, домашних хозяйств, отраслей национальной экономики, региональных образований и даже мирового хозяйства. Рассредоточение прав собственности между различными представителями семейного бизнеса либо способствует, либо сдерживает экономический рост, что требует координации эффективного управления собственностью.

Ученые постоянно проводят исследования на предмет возможности передачи предпринимательских способностей по наследству, то есть генным путем, но пока ни к каким определенным выводам они не пришли. Известная народная мудрость «Природа отдыхает на потомках» подтверждает возможность спада деловой активности семейного бизнеса. При передаче бизнеса от одного поколения к другому происходит смена не только деловых ролей, но и смена ролей семейных. Отец, передавая бизнес в руки сына, уходит не только с позиции номер один в бизнесе, но фактически перестает быть главой, и вряд ли нужно пояснить, что такой уход сопровождается кризисом личности. Сын, в свою очередь, входит в стадию зрелости и вместе с правами получает огромный пакет обязанностей.

В семейном бизнесе все построено на доверии, общих ценностях и понимании с полуслова, следовательно, снижаются трансакционные издержки. Новое исследование, проведенное в 2003 году учеными США Рональдом Андерсоном и Дэвидом Рибом, выявило, что доходность семейных фирм в среднем выше, чем в не семейных (отдача на

единицу капитала в среднем выше) [2]. Кроме того, семья всегда ориентирована на долгосрочные перспективы; семья, в отличие от наемного менеджмента и членов совета директоров, не боится потерять работу из-за неблагоприятных показателей в краткосрочном масштабе. Но общий доход владельца будет зависеть, в конечном счете, от его предпринимательского таланта, то есть от умения сформировать жизнеспособную, эффективную команду.

В XX веке Япония и Китай, «азиатские тигры», продемонстрировали такое развитие рыночных отношений, когда, не отказываясь от своих этических и культурных ценностей, они приспосабливали рыночную экономику к последним. КНР развивает рыночную экономику на основе симбиоза этики конфуцианства, идеологии марксизма-ленинизма и базиса смешанной экономики. В России также возможно оптимальное сочетание рыночных преобразований с семейно-культурными и национальными ценностями, а не навязывание чуждых нам этики и культуры.

Семейная собственность испытывает на себе влияние экономических, правовых, идеологических, нравственных и религиозных отношений. В частности, во многих религиозных учениях богатство рассматривается как результат дара Божьего и труда человека. На первое место ставится не накопление материальных ценностей (при этом не отрицая их), а сам человек со всеми его достоинствами: здоровьем, навыками, опытом, способностями, развитостью ума и духа. Такой акцент в категории богатства в русской этике получил освещение в западной мысли лишь во второй половине XX века посредством введения в научный оборот категории «человеческий капитал». Православная этика порицает потребительство и накопительство как самоцель. Ее принцип можно сформулировать как принцип необходимой достаточности, который, кстати, распространяется исключительно на материальные, но не на духовные блага. Наращивание последних лишь преумножает основное богатство – достоинство человека.

Но дело не только и не столько в уровне

доходов. Гораздо важнее происхождение этого богатства и его влияние на социально-экономический климат общества. В частности, в российском обществе в целях усиления борьбы с коррупцией предлагается использовать обязательное декларирование дохода и имущества не только самих чиновников, но и их близких родственников. В 2006 году Россияratифицировала конвенцию ООН о противодействии коррупции и конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. А это означает, что с 2007 года Россия автоматически подпадает под режим международного контроля над тем, как реализуются эти документы.

Но есть и другая проблема, которую обозначил еще Дж. Сисмонди: «Благодаря концентрации имущества в руках небольшого числа собственников, внутренний рынок сокращается» [3], то есть происходит неэффективное использование наличных ресурсов. Это связано с тем, что собственник в целях стабилизации прибыли без дополнительных рисков вкладывает свои ресурсы в инвестиционные проекты с низкой или средней отдачей, а мог бы вложить в отрасли с более высокой нормой прибыли и как более необходимые обществу.

Таким образом, усиление роли семейной собственности и семейно-культурных ценностей в развитии российской социально-экономической системы требует новых научных исследований и конкретных мер со стороны государственных органов и общественных организаций.

Список литературы

1. Лукашов А.В. Сравнительные корпоративные финансы и корпоративное управление // Управление корпоративными финансами. – 2005. – №2 (8).
2. Осипова А. Отцы и дети // Топ-менеджер. – 2004. – № 6.
3. Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. – М.: Москва-Ленинград: 1926. – С. 113.
4. Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 55.
5. Berley A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. – New York: MacMillan. – 1932.

В редакцию материал поступил 26.02.07.

УДК 330.34:332.1

Т.Н. ГУБАЙДУЛИНА,
доктор экономических наук, профессор

Казанский государственный финансово-экономический институт

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Концептуальные основы устойчивого развития региона, разработанные на международном уровне, формируются в настоящее время на региональных уровнях экономической системы. Стратегия устойчивого развития предполагает соотнесение темпов экономического роста с учетом возможностей окружающей среды.

Формирование стратегических направлений экономического роста при сохранении требований защиты окружающей человека природной среды актуально в связи с происходящими изменениями в экологической системе, вызванными продолжающимся негативным воздействием производственной деятельности человека.

Законы эколого-экономического равновесия реализуются в концепции устойчивого развития, которая получила свое общественное признание прежде всего на международном уровне, начиная с 80-х годов прошлого столетия. Необходимость и предпосылки формирования концепции устойчивого развития стали осознаваться в начале прошлого столетия. Так, в частности, еще в 1907 году в своем Послании Конгрессу США Теодор Рузвельт сказал: «Неразумное, расточительное истребление природных ресурсов, истощение и опустошение земли вместо увеличения ее плодородия с помощью рационального хозяйствования приведет к полной ее деградации и не даст экономического процветания нашим детям, которым мы обязаны по праву родителей передать землю плодородной и обработанной». Это предположение оправдалось, когда в конце XX столетия человечество столкнулось с двумя основными проблемами глобального характера – экономическим упадком и экологическим кризисом.

Именно на глобальном уровне в начале 90-х годов прошлого столетия влияние экологии

на экономическое развитие было сформулировано в виде концепции устойчивого развития, воспринятой большинством промышленно развитых стран мира. Основная идея содержится в докладе Генерального секретаря Конференции ООН по окружающей среде и развитию Мориса Сtronга (июнь 1992 г., Бразилия): «Стоящая перед нами проблема является следствием глобальных диспропорций, вызванных бурным экономическим ростом в развитых странах, с одной стороны, и быстрым увеличением численности населения в развивающихся государствах – с другой. Сокращение этих диспропорций обеспечит безопасность нашей планеты в будущем как в традиционном смысле, так и в вопросах экологического и экономического равновесия. Для этого потребуется радикальное реформирование форм хозяйствования и международных отношений» [1].

Впервые современная концепция устойчивого развития была выдвинута в докладе Римскому клубу коллективом ученых под руководством Я. Тинбергена «Пересмотр международного порядка» (1980 г.), когда ученые пришли к выводу о том, что необходима новая стратегия общественного развития, определяемая для всего человечества в целом, в основе которой при расчете эффективности экономического роста будет лежать учет важнейших социальных последствий (занятость, состояние окружающей среды и другие).

В современной экономической литературе

при анализе проблем эколого-экономического равновесия среди ученых до настоящего времени нет однозначного подхода к переводу термина «sustainable development», а следовательно, и к трактовке «устойчивого развития» как экономической категории. Одни отечественные ученые утверждают, что английское слово «sustainable», кроме смысла «устойчивый», имеет другие значения – «долгий», «непрерывный», «длительный», «поддерживающий» [2]. Другие – считают, что правильнее было бы перевести данный термин как «допустимое развитие», «неистощающее развитие» или «развитие, сохраняющее целостность» [3]. Третьи – в качестве основного содержания понятия «устойчивое развитие» предлагают понимать «поддерживаемое развитие» [4].

Определяя концепцию устойчивого развития с точки зрения категорий экономической науки, следует отметить, что для отечественных ученых научный анализ этих проблем значительное время был затруднен вследствие недостаточной информированности широких кругов российской общественности в сфере международного опыта по разработке концептуальных основ и реализации принципов устойчивого развития. Наибольший интерес в этом смысле представляют такие основополагающие документы, как Декларация о принципах, развивающая и дополняющая аналогичный документ конференций ООН в Стокгольме (1972) и Найроби (1982), глобальные конвенции и Повестка дня на XXI век.

Неразвитость рыночных отношений в России и других странах Восточной Европы, отсутствие единых подходов и взаимопонимания не позволили, по мнению руководителя группы экспертов-бизнесменов Стефана Шмидхейни, включить в состав этой группы представителей этих стран при подготовке документов к Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Бразилия, 1992 г.).

В этой связи концепция устойчивого развития, активно обсуждаемая специалистами различных областей знаний за рубежом, в России не нашла должного теоретического обоснования и практического применения.

В то же время в последние годы все же активизировались научные исследования отечественных экономистов по проблемам устойчивого развития. Этим вопросам посвящены публикации Н.Т. Агафонова, А.А. Анохина, С.Н. Бобылева, Н.Ф. Газизуллина, В.Г. Горшкова, А.А. Гусева, Р.А. Ислеева, К.Я. Кондратьева, С.Б. Лаврова, Р.А. Перелета, В.Д. Писарева, В.И. Соколова, А.Д. Урсул, Г.А. Фоменко, Р.И. Хильчевской и некоторых других.

В России Указом Президента РФ от 01.04.96 г. № 440 утверждена Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, аналогичные программные документы принимаются и на региональных уровнях, в частности, на Украине, в Белоруссии, в г. Иркутске. Однако до сих пор неясными остаются многие теоретические и практические аспекты реализации подобных документов.

С точки зрения экономической науки категория «устойчивое развитие» характеризует, прежде всего, качественно новый этап эволюции эколого-экономических отношений, проявляющийся в новых закономерностях взаимодействия экономического развития и состояния окружающей природной среды в условиях экономического и экологического кризиса. При этом основной предпосылкой возникновения нового этапа в развитии эколого-экономических отношений, на наш взгляд, следует считать, процессы, связанные с определенными количественными изменениями в эколого-экономической системе, накопление которых в современный период привели к серьезным качественным преобразованиям.

Выполненный автором научный анализ различных трактовок данной категории с использованием как отечественного, так и зарубежного опыта позволил сделать ряд обобщений об основных аспектах исследования закономерностей устойчивого развития и формах реализации данной концепции на глобальном, национальном и региональном уровне.

Одно из наиболее распространенных и общепризнанных определений устойчивого развития содержится в докладе «Наше общее

будущее» (1987) Международной комиссии по окружающей среде и развитию («Комиссия Брундтланд»), созданной при участии ООН: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего развития, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два ключевых понятия – понятие потребностей, в частности, потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета; понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [5]. При этом устойчивое развитие трактуется как самодостаточное, не самоподрывающее развитие. Другими словами, для достижения устойчивого развития необходимы такие формы развития, которые обеспечили бы удовлетворение потребностей ныне живущих людей, сохранив при этом такие же возможности и для будущих поколений. Эта трактовка носит довольно обобщенный, декларативный характер и в этой связи требует уточнения и конкретизации с использованием научного аппарата экономической теории.

Суть этого и подобных ему определений сводится к принципу справедливого распределения и использования природных ресурсов и естественных условий между поколениями и ориентации развития не столько на рост потребительства, сколько на улучшение благосостояния – качества жизни.

Для условий России устойчивое развитие предполагает, прежде всего, поступательное движение страны по стратегической траектории, обеспечивающей достижение объективно прогрессивной системы общественных целей. В связи с этим особо важным обстоятельством является смена приоритетов общественного развития в направлении обеспечения эффективного развития и сохранения природного и трудового потенциала, на формирование нового взгляда на человека как активного

участника эволюции экономической и экологической систем, нацеленное, в первую очередь, на сохранение и совершенствование человека, качественных параметров его жизнедеятельности, на создание необходимых условий для более полной реализации его творческих и духовных начал.

Так, в Декларации Конференции ООН по окружающей среде и развитию, принятой в Рио-де-Жанейро, устойчивое развитие определяется как ряд целевых направлений, включающих в себя права человека на здоровую жизнь, на охрану окружающей среды как важнейшего элемента процесса общественного развития, уменьшение разрыва между уровнем жизни народов мира и другие. В этих документах устойчивое развитие рассматривается в антропогенном ракурсе, то есть в данном случае основным принципом является выживание и возможность неопределенно долгого развития цивилизации.

На наш взгляд, следует, согласиться с мнением авторов, утверждающих, что решающим фактором в современную эпоху являются предельные возможности биосфера. Устойчивое развитие человечества, мировой системы и стран мира – это такое развитие, которое протекает в условиях прежде всего устойчивой биосфера, то есть такого экономического развития, которое полностью соответствует возможностям биоты сохранять окружающую среду благоприятной для существования человечества. Или, говоря иначе, под устойчивым развитием [6, 7, 8] следует подразумевать целенаправленное антропогенное изменение природной среды и социального положения, которое должно помочь обществу преодолеть ограниченность биосферных условий его существования.

В приведенных определениях, как нам кажется, сформулирован второй принцип, который должен быть положен в понятие устойчивого развития – биосферацентрический, то есть сохранение окружающей природной среды, устойчивости и возможности естественной эволюции биосфера.

Основой концепции перехода к модели

устойчивого развития является ее ноосферная направленность, что означает такое развитие общества, и прежде всего экономических отношений в нем, которое приемлемо для сохранения экологической ниши человека, а следовательно, и условий для развития цивилизации. Особый интерес в данном случае представляют конкретные направления практической реализации концепции устойчивого развития.

В этой связи среди отечественных специалистов-практиков и экологистов-общественников ведется довольно острые полемика. В частности, автор альтернативной «Концепции устойчивого развития России», разработанной им в 1995 году, лидер Социально-экологического союза С. Забелин, критикуя многие положения, принятые за основу на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) отрицает возможность снижения роста народонаселения мира и уровня потребления путем введения нового законодательства и новой экологической политики. Интересна и правомерна, на наш взгляд, позиция этого автора на ресурсную политику страны: земля и природные ресурсы не могут находиться в частной собственности, поскольку принадлежат не только настоящим, но и будущим поколениям. Природные ресурсы должны находиться в общественной собственности, а управление ими – осуществляться субъектами Федерации. Все жители муниципалитетов должны обладать равным доступом к природным ресурсам. Менеджмент ресурсов должен осуществляться преимущественно на местном уровне.

Вышеназванная Концепция написана с позиций экоцентризма. Заслуживают одобрения, на наш взгляд, следующие кардинальные положения: экономическую политику необходимо строить таким образом, чтобы создавать выгоду для тех, кто сохраняет природную среду; налоговая политика должна быть достаточно гибкой и учитывать имеющиеся запасы каждого из ресурсов, а также принимать во внимание хозяйственную емкость биосфера и ее возможность ассимилировать загрязнения, проис текающие при изъятии данного ресурса из недр

и некоторые другие. Однако спорным является утверждение о необходимости реорганизации мировой экономики в плане усиления тенденции на развитие местных локальных экономик, оставляя на глобальном уровне лишь функционирование информационных потоков. Не следует умалять преимущества международного разделения труда и развития международных связей в различных областях социально-экономической жизни наций. Обмен природными ресурсами или готовыми продуктами между государствами, должен развиваться по-прежнему на взаимовыгодной основе при совершенствовании процессов специализации национальных экономик в условиях международной экономической интеграции.

Еще более критической позиции по отношению к «Повестке дня на XXI век» придерживается директор Центра экологической политики России В. Захаров, который находит много общего между теорией научного коммунизма и «Концепцией устойчивого развития». Автор перечисляет эти сходства: предполагаемое снижение уровня потребления во имя блага большинства; долгосрочное планирование для каждой отдельно взятой страны; идеализм в планировании, не предполагающем под собой реальной объективной возможности его осуществления; предположение о том, что «новое» сознание и идеология будут распространяться из страны в страну. Приведенная позиция, конечно, имеет право на существование, как и многие другие, однако, является все же излишне критичной.

Идеи, заложенные в основу международной концепции устойчивого развития, насыщены гуманизмом и демократическими принципами. И это следует расценивать как исключительно цивилизованный, прогрессивный подход. Другое дело, какие методы должны быть положены в основу реализации данной концепции. Отрицать планирование как долгосрочного, так и текущего характера также нецелесообразно, поскольку во всем мире накоплен богатейший опыт по использованию эффективных способов планирования и прогнозирования, в том числе и эколого-экономических процессов.

Практическое воплощение концептуальных основ устойчивого развития происходит на региональном и локальном уровнях. Так, на Европейской конференции по устойчивому развитию больших и малых городов в Аалборге (Ольберге, Дания) 27 мая 1994 года была принята «Хартия городов Европы за устойчивое развитие (Ольборгская хартия)». В том же году в Манчестере (Великобритания) состоялся второй Всемирный саммит по проблематике «Города и устойчивое развитие». На саммите обсуждались направления устойчивого развития городов в связи с проблемами транспорта, преодоления бедности, с задачами здравоохранения, занятостью, потреблением, финансами и распределением ресурсов. Ряд крупных городов и регионов представили разработанные ими собственные «Программы устойчивого развития». Следствием внимания мирового сообщества к данной проблематике явилось появление специальной программы «Устойчивое развитие городов», поддерживаемой центром ООН по населенным пунктам ХАБИТАТ. В этой программе участвуют многие города мира.

По определению ООН, «устойчивый город является городом, в котором достижения в общественном, экономическом и физическом развитии постоянны. Устойчивый город постоянно обеспечен природными ископаемыми, от которых зависит устойчивое развитие. Устойчивый город поддерживает длительную безопасность жителей, в том числе и от природных катастроф». Говоря иначе, по мнению мирового сообщества, устойчивое развитие города обеспечивает его населению безопасность и высокое качество жизни при сохранении природной среды, ресурсов и экологического равновесия всей экономической и общественной деятельности горожан.

Устойчивость при этом понимается не только как образ, видение и не застывшее состояние, а созидательный локальный процесс, направленный на поиск равновесия, который распространяется на все сферы принятия решений на локальном уровне. Этот процесс обеспечивает городским властям непрерывную обратную связь, показывая, какие виды деятель-

ности ведут к сбалансированности городского развития и какие, наоборот, препятствуют этому. Если управление городом строится на основе такой интегрированной информации, то возникает понимание функционирования города как органического целого, и роль всех основных видов деятельности становится очевидной. В рамках такого процесса город и его жители смогут сделать информированный, осознанный выбор будущего. В процессе управления, основанного на стремлении к устойчивости, возможно принятие решений в интересах не только нынешнего, но и будущих поколений.

Попытка реализации отдельных принципов устойчивого развития предпринята при разработке Стратегии развития города Казани до 2015 года. В документе, названном «Миссия города Казани», говорится: «Мы, жители Казани, опираясь на исторический опыт мирного диалога народов, основанный на бережном сохранении и развитии их культур и традиций, хотим передать будущим поколениям уютный и процветающий город равных возможностей.

Для этого Мы, осознавая свое единство в ответственности за будущее и признавая высшей ценностью справедливость:

- сделаем власть ответственной, открытой и подотчетной;
- будем уважать и ценить инициативу каждого;
- сделаем предпринимательство основой нашего процветания;
- сделаем образование потребностью каждого горожанина;
- будем добрыми соседями;
- сделаем чистыми и благоустроенными наши подъезды и дворы;
- сделаем город удобным для всех поколений».

Формулировки «сохранение и развитие культур и традиций», «сделаем образование потребностью каждого горожанина», «будем добрыми соседями» являются основой определения главных целей развития городского сообщества – всестороннее развитие личности, улучшение качества, доступности и разнообразия услуг образования и культуры.

Таким образом, в программных документах по развитию города Казани содержатся положения, направленные на реализацию основных принципов устойчивого развития. В этой сфере проводится определенная практическая работа. В июне 2007 года в нашем городе состоится Всемирный конгресс Организации городов всемирного наследия, где предполагается обсудить проблемы влияния культурно-исторического наследия городов на их устойчивое экономическое развитие. Этот форум внесет существенный вклад в направлении практической реализации устойчивого социально-экономического развития города, позволит обменяться опытом по различным вопросам развития экономики и культуры города.

Казань как город с более чем тысячелетней историей занимает свое место в мировой системе, являясь членом Организации городов Всемирного Наследия, Европейской Ассоциации исторических городов и регионов, Всемирной Федерации Породненных городов, Союза Российских Городов, Конгресса муниципальных образований России, первым азиатским и последним европейским городом на пути с Запада на Восток. Именно здесь накоплен уникальный опыт бесконфликтного развития многих культур в одном городе, найдена гармония интересов нескольких религиозных и национальных групп, когда они не только сохраняют свою культурную идентичность, но и успешно развиваются ее формы. И это в условиях интенсивного развития экономической, общественной и культурной жизни за последние годы.

Концепция устойчивого развития города должна учитывать своеобразие национального, культурного, исторического, социально-экономического развития. Это позволит разработать практические пути и методы приближения

города к устойчивому состоянию с целью достижения высоких показателей экономического роста и повышения качества жизни живущего здесь населения.

Таким образом, при формировании региональных концепций устойчивого развития расширяется круг вопросов, требующих своего неотложного решения. Это правомерно, поскольку современное состояние социально-экономической и экологической систем общественного устройства создает множество взаимных проблем, которые распространяются на все субъекты данной общественной системы и требуют совместных действий для своего разрешения.

Список литературы

1. Maurice Strong. Speech to UNEP-UK Committee. – London, Juny 1992.
2. Ursul A.Д. Ноосферная стратегия перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития // Научные и технические аспекты охраны окружающей среды: обзорн. информация ВИНИТИ. – 1995. – №10. – С. 4.
3. Розенберг Г.С., Гелашивили Д.Б., Краснощеков Г.П. Крутые ступени перехода к устойчивому развитию // Вестник РАН. – 1996. – №5. – Т.66. – С. 436.
4. Горшков В.Г., Котляков В.М., Лосев К.С. Экономический рост, состояние окружающей среды, богатство и бедность // Изв. РАН. Сер. географическая. – 1994. – №1. – С. 12.
5. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М.: Прогресс, 1989. – С.50.
6. Возняк В.Я. Общественное развитие и экология: взаимосвязь, противоречия, кризисы // Вопросы экономики. – 1995. – №2. – С. 129–138.
7. Проблема устойчивого развития России в свете научного наследия В.И. Вернадского: сб. докладов. – М.: Неправительственный Экофонд, 1997. – 155 с.
8. Федотов А.П. Планета Земля, человечество, экономика // Экономист. – 1995. – №11. – С. 43–56.

В редакцию материал поступил 28.02.07.

УДК 339.13

М.Б. ДЕМИН,
кандидат экономических наук, доцент

Казанский государственный технический университет им. А.Н. Туполева

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЕСТЕСТВЕННАЯ МОНОПОЛИЯ»

В статье исследуются вопросы экономического содержания категории «естественная монополия», законодательная трактовка этой категории. Приведены доводы о необходимости отнесения к «естественной монополии» более широкого круга экономических явлений по сравнению с общепринятым научным подходом.

Общеизвестно, что эффективным институтом современной экономики признается конкурентный рынок. Однако функционирование ряда рынков на конкурентной основе невозможно или неэффективно, в силу чего для них становится естественной высокая степень монополизации. Речь идет о так называемых «естественных монополиях», которые существуют тогда, когда эффект масштаба настолько велик, что одна фирма может снабжать весь рынок, имея более низкие издержки на единицу продукции, чем имел бы ряд конкурирующих фирм. Монопольная организация такого рода рынков вызвана технологическими особенностями.

Отличительной чертой естественных монополий является наличие сетевых структур (трубопроводный транспорт, линии электропередач, системы водоснабжения, железнодорожные пути), что типично для отраслей, осуществляющих услуги коммуникационного характера. Как правило, в них высоки постоянные издержки, что обеспечивает возможность экономии на масштабах, то есть снижения удельных (на единицу продукции) издержек по мере увеличения объемов производства. Именно это обстоятельство определяет эффективность сосредоточения выпуска у единственного производителя. Конкуренция здесь невозможна и вследствие исключительно высоких невозвратных издержек. Активы,

воплощенные в проложенных параллельно железных дорогах, телефонных линиях связи и т.п., исключительно специфичны, имеют ограниченные рамки применимости и не могут быть переориентированы на другие рынки. Продать такие активы будет практически невозможно, а потенциальная выручка от их реализации в случае демонтажа не покроет издержек.

В соответствии с Федеральным законом «О естественных монополиях», который был принят Государственной Думой 19.07.1995 г. [2], *естественная монополия* – состояние товарного рынка, при котором удовлетворение спроса на этом рынке эффективнее в отсутствие конкуренции в силу технологических особенностей производства (в связи с существенным понижением издержек производства на единицу товара по мере увеличения объема производства), а товары, производимые субъектами естественной монополии, не могут быть заменены в потреблении другими товарами, в связи с чем спрос на данном товарном рынке на товары, производимые субъектами естественных монополий, в меньшей степени зависит от изменения цены на этот товар, чем спрос на другие виды товаров.

Такого рода условия характерны для предприятий общественного пользования. В этих случаях эффект масштаба в производстве и распределении продукта настолько велик, что

для получения низких издержек на единицу продукции и низкой цены необходима крупномасштабная деятельность. Если бы рынок был поделен между многими производителями, то эффект масштаба производства не был бы достигнут, издержки на единицу продукции были бы высоки и потребовались бы высокие цены, чтобы покрыть эти издержки. Поскольку существование естественной монополии обусловлено исключительно технологическим фактором, изменение технологии может ослабить или подорвать естественную монополию. Так, активное развитие беспроводной, спутниковой связи ликвидирует монополию на проводную связь, особенно междугородную.

В качестве возможных средств обеспечения общественно-приемлемого поведения естественной монополии представляются две альтернативы. Одной – является государственная собственность, а другой – государственное регулирование. Если конкуренция невозможна, то нужно создать регулируемые монополии, чтобы избежать вероятных злоупотреблений неконтролируемой монопольной властью. Большинство монополистических отраслей являются естественными монополиями и поэтому подлежат общественному регулированию, в частности, цены и тарифы, которые могут назначать коммунальные службы, железные дороги, телефонные компании, поставщики природного газа и электричества, определяются федеральными и местными регулирующими комиссиями или управлениями.

Существование естественной монополии делает технически эффективным одного-единственного производителя. Но опыт показывает, что злоупотребление с его стороны монопольным положением в форме завышения издержек или увеличения прибыли нередко снижает более высокую техническую эффективность. Причем это злоупотребление часто достаточно трудно распознать извне в силу того, что реальная эффективность деятельности единственного производителя известна лишь ему самому. Иными словами, к естественной монополии добавляется монополия информации.

Классическими примерами естественных

монополий на федеральном уровне являются: передача электроэнергии, нефти и газа, железнодорожные перевозки, а также отдельные подотрасли связи; на региональном уровне – коммунальные услуги, включая теплоснабжение, канализацию, водоснабжение и т.д. Такие отрасли либо регулируют, либо они находятся в государственной собственности. Но следует заметить, что во многих странах в последние годы сфера и масштабы государственного регулирования существенно сократились как в связи с технологическими нововведениями, так и в результате появления новых подходов к формированию и регулированию соответствующих рынков.

Регулирование должно гарантировать, что потребители получат выгоду от экономии, обусловленной масштабами производства, то есть от снижения издержек на единицу продукции. Если на рынке, имеющем особые экономические и технологические характеристики, несостоительны законы конкуренции, то его регулированием должно заниматься государство.

Вопросы функционирования, реорганизации и повышения эффективности деятельности естественных монополий в России в последнее время находятся в центре внимания политиков, экономистов, ученых. Особые условия функционирования естественных монополий предопределили необходимость выделения их в особую сферу государственного регулирования.

В процессе разгосударствления, приватизации и демонополизации в России на этапе 1992–1994 гг. не только достаточно конкретно определился круг естественных монополий, но и был разработан проект Федерального закона «О естественных монополиях». Первоначально в этот законопроект были также включены нормы, связанные с государственной монополией на производство и оборот отдельных видов продукции.

Проект закона находился на рассмотрении в Государственной Думе и не принимался в течение трех лет. Основные проблемы возникали на парламентских слушаниях и на встречах

в комитетах Госдумы, где представители отраслей делали попытки изменить содержание или даже препятствовать принятию проекта. Обсуждались многочисленные вопросы: о правомерности предоставления органам регулирования права контролировать инвестиционную деятельность компаний; о границах регулирования – правомерности регулирования видов деятельности, которые не относятся к естественным монополиям, но связаны с регулируемыми видами деятельности; о возможности сохранения функций регулирования у отраслевых министерств.

В 1994–1995 гг. цены российских предприятий в отраслях естественных монополийросли более быстрыми темпами, чем в других отраслях экономики. Сложившаяся на рынке асимметрия цен, непредсказуемость поведения и действий субъектов естественных монополий активизировали усилия по принятию закона, регулирующего деятельность естественных монополий, и Федеральный закон «О естественных монополиях» был принят Государственной Думой 19.07.1995 г. Законопроект о естественных монополиях преодолел два президентских вето. Один из краеугольных камней проекта – включение в него естественных монополий, относящихся к ведению субъектов РФ. Поэтому принятый закон распространяется только на субъекты естественных монополий, регулируемые на федеральном уровне:

- транспортировку нефти и нефтепродуктов по магистральным трубопроводам;
- транспортировку газа по трубопроводам;
- услуги по передаче электрической и тепловой энергии;
- железнодорожные перевозки;
- услуги транспортных терминалов, портов, аэропортов;
- услуги общедоступной электрической и почтовой связи.

В соответствии с Федеральным законом от 17.08.1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», основными сферами деятельности субъектов естественных монополий являются отдельные сферы инфраструктурных

отраслей. В связи с этим можно определить крупнейшие естественно-монопольные отрасли в России: это – железнодорожный транспорт, связь, электро- и теплоэнергетика.

Закон определяет методы регулирования, которые должны использоваться регулирующими органами в этих отраслях, направляя их деятельность в области цен выделением установленного круга потребителей, которые подлежат обязательному первоочередному обслуживанию определением конкретного объема услуг для различных категорий потребителей. Закон не предусматривает никакого прямого регулирования форм и условий договора со стороны регулирующих органов. В ряде отраслей (энергоснабжение, услуги связи, железнодорожные перевозки) действуют общие правила, предусматривающие условия потребления услуг соответствующей системы, а регулирование осуществляют соответствующие органы власти.

Вместе с тем эти положения не регулируют отношения, возникающие в рамках монополистического поведения субъектов-монополистов. Споры, связанные с антисовокупным действием субъектов естественных монополий – отказ в подписании договора, навязывание условий договора, создание дискриминационных условий доступа и др., – могут рассматриваться только антимонопольным органом.

В каждой из сфер деятельности, подпадающих под действие Закона «О естественных монополиях», должен быть сформирован Реестр субъектов естественных монополий. Включение в Реестр не зависит ни от доли субъектов естественных монополий на рынке, ни от наличия факта нарушения законодательства.

На наш взгляд, категория «естественная монополия» может включать более широкое содержание, чем то, которое обычно за ней закрепляется. К сфере естественной монополии можно отнести, например, производство (эмиссию) денег. Деньги являются специфическим товаром, на что указывал, в частности, К. Маркс. На них, как и на любой другой товар, существует спрос, удовлетворить который не в состоянии товары – субституты

(экономический статус денег как «всеобщего эквивалента» исключает возможность наличия субститутов). Общественные издержки производства денег ниже, когда их производство осуществляется одним субъектом, а именно государством.

Институциональный подход к анализу экономических явлений, реализуемый новой институциональной экономической теорией, расширяет представление о естественной монополии, распространяя представление о монополии с трансформационной на трансакционную сферу. К «естественной монополии» можно отнести государственную монополию на применение насилия, принуждения, а также на создание легальных институтов (т.е. правовых норм).

Приведенные выше доводы позволяют сделать вывод о теоретической уместности более широкого содержания категории: «естественная монополия», по сравнению с тем, которое принято в научном сообществе на сегодняшний день.

Список литературы

1. Князева И. В. Антимонопольная политика в России: учеб. пособие для вузов. – М.: Омега-Л, 2006.
2. Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (с изм. и доп. от 8 августа, 30 декабря 2001 г., 10 января, 26 марта 2003 г., 29 июня 2004 г., 31 декабря 2005 г., 4 мая, 29 декабря 2006 г.).
3. Хасанова А.Ш. Конкурентные отношения в рыночной экономике. – 2-ое изд, доп. и перераб. – Казань: изд-во «Таглиммат» ИЭУП, 1999.

В редакцию материал поступил 26.02.07.

С.С. ИЛЬИН,
доктор экономических наук, профессор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОНКУРЕНЦИИ В РЫНОЧНОЙ СФЕРЕ АПК

В статье рассматриваются экономические формы и методы конкуренции в рыночной сфере АПК, показывается роль аграрного маркетинга в эффективном функционировании АПК в системе рыночного механизма.

Активная роль в расширении производства и рынка сбыта продукции, минимизации издержек производства и максимизации прибыли на предприятиях агропромышленного комплекса (АПК) принадлежит конкуренции. Воз действуя на спрос, предложение и цену товара, механизм конкуренции участвует в решении триединой проблемы рыночной экономики: «что», «как» и «для кого» производить?

Конкуренция, считает Ф.А. Хайек, особенно важна для стран, в которых в прошлом она не была активной, а поэтому были упущены возможности интенсивного экономического роста. Это положение имеет особое значение для современной России. Ведь в условиях планомерно-распределительных отношений считалось, что конкуренция неприемлема для советской экономики, в том числе и АПК. Утверждалось, что конкуренция связана лишь со стихией и анархией производства, ведет к разрушительным экономическим и социальным последствиям. В развитой рыночной экономике АПК конкуренция выполняет ряд важных функций (рис. 1).

Как видно из рисунка, рыночная конкуренция в АПК осуществляет следующие основные функции:

1. *Стимулирующую*, при которой действует активный «безликий» объективный механизм экономического принуждения, стимулирующий предпринимателей в АПК перестраивать свою деятельность быстрее и эффективнее, чем это делается при командах и инструкциях из государственного центра в условиях планово-распределительной экономики.

2. *Иновационную и инвестиционную*, при которой конкуренция вызывает к жизни новые производственные факторы, которые до этого были неизвестны или не использовались. При этом покупателям на аграрном рынке предлагается более качественное продовольствие и другие товары, выявляются новые потребности людей и способы их удовлетворения. Стремление одержать победу в конкуренции и увеличить прибыль побуждает предпринимателей агробизнеса инвестировать средства в разного рода инновации (освоение новой техники и

Рис. 1. Функции рыночной конкуренции в АПК

агротехники, мелиорацию земель и др.), приспосабливать агропродовольственное производство к меняющемуся рыночному спросу.

3. *Распределительную*, когда в процессе межотраслевой конкуренции происходит распределение капитала, товаров, рабочей силы между отраслями макроэкономики и АПК, а также распределение ресурсов и товаров по степени их дефицитности, поскольку от этого зависит цена последних.

4. *Аллокационную*, при которой в процессе конкуренции ресурсы АПК различаются по тому, где они могут использоваться с наибольшим эффектом.

5. *Регулирующую*, когда конкуренция содействует тому, что предложение агропродовольственных товаров и услуг отвечает рыночному спросу, то есть осуществляется «приоритет потребителя».

6. *Контролирующую и корректирующую*, когда при добросовестной конкуренции успех на аграрном рынке обеспечивается с помощью правильного использования инструментов рынка, снижения издержек производства и цены, повышения качества агропромышленной продукции. Если не соблюдать «правила поведения» на аграрном рынке, не учитывать его законы, то никакой продавец или покупатель не сможет занять прочного положения в агробизнесе, воздействовать на его объем и структуру.

Конкуренция по содержанию и форме различна в условиях свободной конкуренции и господства монополий в экономике, в том числе и в АПК. При свободной, или совершенной, конкуренции, характерной для домонополистического капитализма, на аграрном рынке действуют множество покупателей и продавцов, продукция которых однородна. В ходе внутриотраслевой конкуренции образуется рыночная равновесная цена, а в ходе межотраслевой – происходит свободный перелив капиталов, ищущих более прибыльного применения, в результате которого образуется общая средняя прибыль на равновеликий капитал и цена производства в несельскохозяйственных отраслях экономики. Входные и выходные рыночные

ограничения для новых предпринимателей при этом фактически отсутствуют, чему способствует необходимая и доступная информация о рынке. Никто из продавцов и покупателей не может сам по себе воздействовать на цену на аграрном и других рынках.

С переходом на рубеже XIX–XX вв. к монополистической экономике конкуренция трансформировалась, возникла несовершенная, или монополистическая конкуренция. Монополизм проявляется в ряде признаков: а) исключительном монопольном праве на производство и сбыт товаров, на определенный вид деятельности одному лицу или группе лиц, государству; б) образовании монополии или группы монополий (картели, синдикаты, тресты, концерны, консорциумы, конгломераты, холдинги, транснациональные и межнациональные корпорации), которые контролируют производство и сбыт агропродовольствия и других товаров на отраслевом, национальном и мировом рынке; в) формировании рынка, контролируемого монополями, для которого характерна несовершенная, или монополистическая, конкуренция и др.

Чтобы выяснить механизм рынка несовершенной конкуренции, ее отличие от свободной конкуренции, необходимо рассмотреть различные рыночные структуры, которые отличаются друг от друга по количеству экономических агентов, выступающих как на стороне спроса, так и на стороне предложения, по другим признакам (табл. 1).

Как видно, несовершенная, или монополистическая, конкуренция существенно отличается от свободной, или совершенной, конкуренции, для которой, как уже отмечалось, характерны множество мелких предприятий, производство однородной продукции, легкие условия входления в рынок и выход из него, отсутствие контроля над ценами.

Полная монополия предполагает наличие единственного продавца, производящего определенный агропродовольственный продукт, цены на который должны обеспечить монопольно высокую прибыль, но условия входления в рынок очень трудные.

Таблица 1

Виды рыночных структур и конкуренции

Форма конкуренции	Рыночные признаки			
	Число предприятий	Виды продукта	Условия вхождения в рынок	Контроль над ценами
I. Свободная, или совершенная	Множество мелких предприятий	Однородные	Легкие	Отсутствует
II. Несовершенная, или монополистическая				
1. Полная монополия	Одно крупнейшее предприятие	Уникальные	Очень трудные	Полный контроль
2. Олигополия	Несколько крупных предприятий	Однородные с незначительной дифференциацией	Существенные препятствия	Приоритет ценового лидера
3. Монополия с дифференциацией продукта	Много производителей	Дифференцированные	Сравнительно легкие	Ограниченный

Олигополия означает, что на рынке, в том числе в АПК, действуют несколько крупных предприятий, производящих однородную продукцию с незначительной степенью дифференциации, а для вхождения в рынок имеются существенные препятствия. Предприятия-олигополисты, осуществляя ценообразование, ориентируются на цены, которые (по соглашению) устанавливаются компанией-лидером – обычно крупнейшим предприятием отрасли. При этом учитываются интересы других предприятий, чтобы цены обеспечивали продажу их товаров, покрытие издержек производства и обращения, достаточно высокую норму прибыли. П. Самуэльсон и В. Нордхаус различают три основных вида поведения на рынке предприятий-олигополистов: а) тайная олигополия, при которой предприятия договариваются, чтобы рыночная цена соответствовала случаю единственного монополиста; б) доминированная олигополия, когда самые крупные предприятия отрасли, контролирующие 60–80% объема реализации отраслевого продукта, уступают оставшуюся часть товарного рынка

конкурентам; в) конкуренция монополистическая на рынке дифференцированных товаров, когда много продавцов и покупателей.

При монополии с дифференциацией продукта, как и при совершенной конкуренции, на аграрном рынке много производителей, вход на рынок и выход из него сравнительно легкий, контроль над ценами ограничен. При этом возможно такое положение, когда при повышении цены объем реализации агропродовольственной продукции может не сокращаться, а увеличиваться. Это объясняется, во-первых, диверсификацией, связанной с расширением ассортимента за счет новых продуктов-аналогов с целью повышения спроса на них у традиционных покупателей; во-вторых, переходом от ценовой конкуренции, в основе которой находится снижение издержек производства, к неценовой конкуренции, когда на первый план выдвигается повышение качества продукции, ее надежность, улучшение условий оплаты, обслуживания и сбыта. Важным средством применения неценовой конкуренции служит реклама, развитие других факторов маркетинга.

Среди рыночных структур, связанных с несовершенной конкуренцией, важное место занимает монопсония. Данный термин, введенный в научный оборот Дж. Робинсон в 30-х годах XX в., означает монополию единственного покупателя данного товара, определяющего объем, условия покупки и расчетов. Также монопольное положение покупателя позволяет ему снижать цену товара и получать дополнительную прибыль за счет продавца. Монополия особенно ярко проявляется на аграрном рынке, на котором значительная часть агропродовольственных товаров производится мелкими хозяйствами. Монополисты III сферы АПК стремятся устанавливать низкие закупочные цены, чтобы получать за них счет сверхприбыль.

Следует заметить, что в реальной рыночной экономике «чистой» свободной, или совершенной, конкуренции и полной монополии не существует. На самом деле имеет место некая сложная и противоречивая смесь свободной рыночной конкуренции и монополии. При этом соотношение и роль данных компонентов в рыночной экономике зависит от степени обобществления и монополизации производства и сбыта товаров, в частности в I и III сферах АПК, от развития агробизнеса.

Механизм функционирования современного аграрного рынка не сводится только к спросу и предложению, воздействующих на цену, объем и структуру производства, сбыта и потребление товаров. Для выяснения происходящих на рынке процессов при агробизнесе важно иметь представление о поведении на нем различных форм хозяйствования (крупных ведущих монополий, агрохолдингов, средних и мелких акционерных предприятий, кооперативов, крестьянских (фермерских) хозяйств, эксплерентов и др.). Каждая из данных форм хозяйствования выполняет свои производственные и сбытовые функции, выявляет в процессе конкуренции свои недостатки и преимущества, что придает рыночной экономике гибкость и эффективность.

Ведущие монополии АПК, используя преимущества крупного масштаба производства и достижения НТП, способны к массовому

выпуску высококачественной стандартной и сравнительно дешевой агропродовольственной продукции. Это позволяет им вести успешную конкуренцию за рынки сбыта, источники сырья и дешевой рабочей силы, выгодные условия кредитования, налогообложения и др. Следует заметить, что монополия не устраниет конкуренцию, а порождает ее новые формы и методы: конкуренцию между монополиями, монополиями и аутсайдерами, внутри монополий за контрольный пакет акций, места в правлении, размеры дивидендов и др. Крупные монополии широко используют в условиях агробизнеса методы неценовой конкуренции, а ценовую конкуренцию стараются вести посредством маневрирования ценами, прибегая к тайным скидкам для крупных покупателей, устанавливая одинаковые цены на агропродовольственные продукты разного качества, то есть используя методы недобросовестной конкуренции.

Средние предприятия обладают большей приспособленностью к новым запросам аграрного рынка, чем крупные. В ходе конкуренции основная масса средних предприятий умеренно увеличивает размеры производства и сбыта аграрной продукции в рамках «ниши». Вместе с тем часть средних предприятий укрупняет производство, превращается в основного поставщика специализированной продукции в АПК, как это, например, имеет место в ЗАО «Агрофирма «Белая дача» Московской области. Однако среднее предприятие довольно редко превращается в крупную монополию, которая осуществляет массовое производство и сбыт товаров с выходом за пределы своей «ниши».

Мелкие предприятия в АПК количественно преобладают, особенно в сельском хозяйстве. Они обладают гибкостью, способностью сравнительно быстро приспосабливаться к потребностям и конъюнктуре рынка. Это помогает заполнить пробелы в производстве тех видов агропродовольственной продукции, которые не могут заполнить монополии, улучшить товарообеспеченность аграрного рынка. Вместе с тем в условиях агробизнеса мелкие предприятия, крестьянские

(фермерские) хозяйства и др. могут в процессе вертикальной агропромышленной интеграции утратить свою независимость, превратиться в придаток монополии. Но при определенных условиях они могут интенсифицировать производство, снизить издержки и получить дополнительные доходы от продажи своей продукции по высоким монопольным ценам.

Свою особую «нишу» в агробизнесе занимают предприятия-эксплеренты (возмутители спокойствия), которые обладают способностью быть первооткрывателями. Они обычно занимаются не традиционными, апробированными видами агропромышленной деятельности, а выступают в качестве новаторов в использовании достижений науки и агротехники, коммерческая выгодность которых еще неясна, связана с риском.

Эффективное функционирование АПК в системе рыночного механизма в значительной мере зависит от аграрного маркетинга, который, являясь подсистемой единой организации маркетинга в стране, действует в основном в рамках аграрного рынка. Маркетинг, получивший название «рыночной концепции» управления предприятием, возник в начале XX в. в США. Он получил широкое распространение в странах с рыночной экономикой в 50-х годах, особенно с развертыванием НТП, когда открылась возможность организации массового производства товаров при относительном сокращении спроса, что обострило проблему реализации и конкуренцию товаропроизводителей, в том числе и в АПК.

Маркетинг представляет собой форму организации предпринимательской деятельности, основанной на предварительном ком-

плексном изучении состояния и перспектив рыночного спроса, на управлении процессом производства товаров и доведении их до потребителя через обмен на рынке. Американский маркетолог Ф. Котлер определяет маркетинг как вид человеческой деятельности, направленной на удовлетворение нужд и потребностей людей посредством обмена [1].

Сбыт – лишь одна из многочисленных функций агромаркетинга, которой предшествуют другие. Опыт показал, что, если хорошо проработаны такие разделы маркетинга, как выявление потребительских нужд, производство необходимых для потребителей товаров и установление на них соответствующей цены, налаживание системы распределения и эффективного стимулирования, то такие товары обычно найдут потребителя и принесут ожидаемую высокую прибыль.

Чтобы обеспечить прибыльный агромаркетинг, необходимо комплексное изучение и прогнозирование рынка (рис. 2).

Развитие рынка требует создания на предприятиях АПК служб маркетинга для комплексного изучения и прогнозирования аграрного рынка.

Это предполагает проведение агромаркетинговых исследований, которые отслеживают изменения рыночной среды, связывают предприятие с его рыночным окружением, позволяют определить положение предприятия на рынке, оценить состояние конкуренции, выяснить наиболее эффективные способы воздействия на рыночную среду. Важным итогом маркетинговых исследований является информация о состоянии и конъюнктуре аграрного рынка, то есть экономической

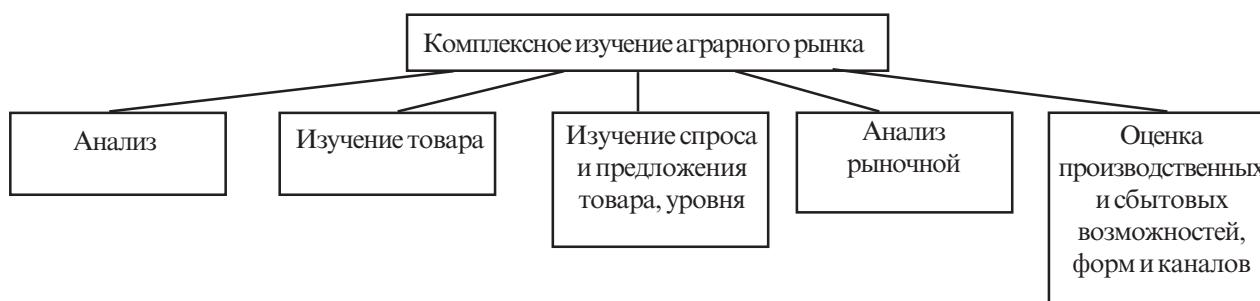

Рис. 2. Важнейшие направления комплексного изучения аграрного рынка

ситуации на конкурентном рынке. Ее характеризуют такие признаки, как объем агропродовольственного производства, соотношение спроса и предложения, уровень и динамика цен, процентных кредитных ставок и прибылей, темпы инфляции, уровень занятости, оценка возможностей конкурентов, емкость рынка и его сегментов, товарные запасы и др.

Знание конъюнктуры и прогноз тенденций развития рынка позволяют оперативно реагировать на изменение рыночной ситуации, определять объем и структуру производства, рационально маневрировать ресурсами. В этой связи представляет интерес метод, получивший название «Матрица бостонской консультативной группы» [2]. Согласно этому методу, широко применяемого в странах с развитым сельским хозяйством, выделяются четыре основные группы товарных хозяйств: первая группа – «звезды», представляющая продукцию, спрос на которую растет высокими темпами, что требует расширения ее производства и крупных инвестиций; вторая группа – «дойные коровы», являющаяся в данный момент основным источником доходов, но перспективы увеличения спроса на которые неблагоприятны, что делает нецелесообразными дальнейшие инвестиции в их развитие; третья группа – «дикие кошки», сбыт продукции которой растет, но производитель при этом контролирует лишь небольшую долю рынка, что толкает к выяснению возможности превращения «диких кошек» в «звезды» в результате соответствующих инвестиций; четвертая группа – «собаки на сене» – представляет неперспективную продукцию, доля в товарообороте которой низка и возможность роста сбыта незначительна. Это диктует необходимость сокращать производство данной продукции, поскольку она может в будущем принести убыток.

Прибыльный аграрный маркетинг во многом определяется правильным выбором направлений и размерами перераспределения инвестиций от «дойных коров» в пользу «звезд» и «диких кошек». При этом следует иметь в виду, что «звезды» в ходе конкуренции и изменения

конъюнктуры рынка могут перейти в группу «дойных коров», а «дикие кошки» превратиться либо в разряд «собак на сене», либо «звезд».

На основе комплексного изучения и прогнозирования аграрного рынка строится управление маркетинга, разрабатывается его стратегия, определяющая деятельность предприятия в перспективе. Стратегия агромаркетинга включает в себя следующие основные направления, охватывающие внутренние и внешние условия развития предприятия: 1) развитие рынка, включающего разработку нового плана сбыта, нацеленного на расширение объема продаж на «старом рынке», на расширение номенклатуры товаров и улучшение их качества с заполнением рыночных ниш; 2) дифференциация производства и выпуск новых товаров, освоение новых рынков или их сегментов, имеющих конкурентные преимущества; 3) рационализация посреднических звеньев на пути движения товаров к потребителю, развитие их инфраструктуры, совершенствование ценообразования на основе снижения издержек производства и обращения, развитие рекламы, создание и поддержание рыночной репутации предприятия, вытеснение конкурентов с аграрного рынка.

Следовательно, агромаркетинг представляет собой двуединый процесс, стороны которого тесно взаимосвязаны. Это, с одной стороны, изучение спроса и потребностей людей, общества в определенной продукции, а с другой – активное воздействие на рыночный спрос, на формирование потребностей. В этом проявляется важнейшая функция маркетинга, необходимая для эффективного функционирования рыночного механизма хозяйствования в АПК.

Существуют различные виды агромаркетинга, позволяющие оказывать воздействие буквально на все фазы воспроизводственного процесса на предприятиях АПК. Среди них: стратегический маркетинг, ориентированный на изучение внутренних и внешних факторов перспективного развития предприятий; ценовой маркетинг, связанный с ценообразованием на продукты сельского хозяйства и АПК; дифференцированный маркетинг, рассчитанный на

использование ряда сегментов аграрного рынка; целевой маркетинг, предусматривающий ориентацию на определенный сегмент рынка; концентрированный маркетинг, при котором усилия сосредотачиваются на отдельных рынках; массовый маркетинг, применяемый к товарам массового спроса; конверсионный маркетинг, направленный на преодоление отрицательного спроса; противодействующий маркетинг, способствующий ограничению иррационального спроса; развивающий маркетинг, направленный на превращение потенциального спроса в реальный. Как видно, конкретные функции маркетинга связаны с широким спектром хозяйственной и торговой деятельности в сельской хозяйстве и других сферах АПК: покупкой и продажей продукции, ее транспортировкой, хранением, сортировкой, упаковкой, финансированием и кредитованием, сбором и обработкой информации и др.

При планировании и осуществлении данных и других мер в области маркетинга, направленных на интенсификацию производства на предприятиях АПК и повышение их производительности, нельзя не учитывать того, что факторы маркетинговой среды делятся на: а) контролируемые и управляемые сотрудниками; б) неконтролируемые (экономическая политика правительства, потребители, конкуренция, техника и технология, средства информации и др.), которые не зависят от предприятий и их сотрудников.

Следует отметить, что основные положения теории и практики агромаркетинга могут быть использованы любыми товаропроизводителями и видами предприятий. Ведь в маркетинге

объединяются основные экономические категории рыночных инструментов: товар, спрос, предложение, цена, конкуренция, которые используются в различных комбинациях для повышения эффективности предприятий. Однако на предприятиях АПК, особенно в сельском хозяйстве, маркетинг применяется недостаточно широко и эффективно. Это, в частности, связано с отсутствием опыта применения маркетинга не только в АПК, но и в других комплексах макроэкономики. В сельском же хозяйстве применение маркетинга тормозится небольшими размерами хозяйств и сферы маркетинговой деятельности, дефицитом квалифицированных маркетологов и компьютерного обеспечения. Чтобы данные трудности смягчить или преодолеть, можно, во-первых, группе небольших предприятий, по соглашению с отраслевыми продовольственными союзами и крупными предприятиями (агрохолдингами, агрофирмами и др.), организовать специальные централизованные службы маркетинга для совместного использования; а, во-вторых, шире практиковать консультации квалифицированных специалистов по вопросам маркетинга. Все это позволит повысить экономическую эффективность и конкурентоспособность предприятий АПК, успешнее решать национальную программу развития села.

Список литературы

1. Котлер Ф. Основы маркетинга; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – С.47.
2. Ансофф И. Стратегическое управление. – М., 1989. – С.87.

В редакцию материал поступил 22.03.07.

УДК 657.92

В.А. МАЛЬГИН,
доктор экономических наук, профессор

ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

В статье рассматриваются проблемы импорта институтов в российскую экономику, показывается их эволюция, обосновываются причины импорта институтов, выявляются критерии их отбора. Значительное место в работе занимает проблема выделения основных способов взаимного приспособления институтов в процессе импортирования, исследуются критерии эффективности импортируемого института. Теоретические и методологические проблемы импорта институтов подкрепляются примерами из российской действительности.

Формирование эффективной институциональной среды является важнейшей проблемой российской экономики, подразумевающей последовательное решения трех взаимосвязанных задач: во-первых, разработки концепции преодоления системы институциональных ловушек с мерами легализации бизнеса; во-вторых, устранение институциональной дихотомии, приведшей к неэффективным формам организации приватизированных предприятий и финансовой системы; в-третьих, институционализация насилия в руках государственной власти и формирование механизмов выявления и интеграции общественных предпочтений, ориентация их на цели разделяемые обществом при качественной способности государственного управления их достигать. Институциональная среда обуславливает положение страны в мировом сообществе: одни страны оказываются лидерами, другие – в роли догоняющих.

Современные экономические институты являются результатом многовековой эволюции. Их формирование связано с объективным стремлением общества к сокращению производственных и трансакционных издержек. Неслучайно К. Эрроу определял трансакционные издержки как издержки эксплуатации экономической системы [1]. Рост трансакционных издержек способен вызвать в эконо-

мике, с одной стороны, разрушение институтов старой экономической системы, а с другой – отсутствие или замедленное формирование институтов новой системы.

Причин, оказывающих влияние на изменение институтов, достаточно много. Так, например, Ф. Хайек считает, что институциональные изменения осуществляются в процессе социокультурной эволюции, выступающей как продолжение эволюции биологической. Рынок институтов также производит отбор самых эффективных институтов (общих правил поведения). В институциональной конкуренции побеждают те институты, которые обеспечивают более высокий жизненный уровень большему числу людей [2]. По мнению А. Алчиана, эволюционная гипотеза: конкуренция между институтами должна привести к устранению «слабых» институтов и способствовать выживанию тех, которые обеспечивают наибольшую эффективность при координации действий экономических субъектов [3].

Интересной, на наш взгляд, является точка зрения по данной проблеме В. Андрианова. Он считает, что «институты ... могут реагировать на изменение социальной, культурной, политической и природной среды. Институты могут муттировать и случайно под воздействием как внутренних, так и внешних факторов, включая целенаправленные действия индивидов» [4].

В целом в экономической литературе выделяются два способа осуществления институциональных изменений. Первый представляет собой классический вариант изменения институтов – их стихийная эволюция под воздействием разнообразных факторов. В данном случае институты не насаждаются «сверху», а возникают «снизу». Здесь роль государства ограничена правовым закреплением стихийно возникших или существенно изменившихся прежних институтов. Второй способ осуществления институциональных изменений связан с вмешательством в данный процесс государства. Вместе с тем, наряду с естественной эволюцией институтов, возможен и их импорт. Последний подразумевает радикальные изменения в формальных правилах взаимодействия субъектов на основе ориентации на уже известные образцы.

К импорту институтов чаще всего прибегают развивающиеся страны. Перестраивая управление общественным сектором, экономическую систему, регулирование рынков по образцу наиболее эффективных систем, они стремятся преодолеть за десятилетия или даже за годы тот путь, который прокладывается в течение столетий. За это время, как показывает практика, существенным образом изменяется роль и значение государства. «Роль государства, – пишет А.Олейник, – из чисто технической, сведенной к законодательной фиксации неформальных норм, превращается в главенствующую»[5].

Для российской экономики проблема импорта институтов имеет особое значение. Это обуславливается тем, что именно импорт был выбран в качестве основного способа институционального строительства в конце прошлого столетия. Импорт институтов, как революционное институциональное изменение, характеризуется следующими основными чертами (отличными от эволюционных):

- 1) независимостью от предыдущей траектории развития;
- 2) резкостью, одномоментность преобразования;
- 3) возможностью направленного влияния на характеристики импортируемых институтов;

4) социальной рискованностью импортирования, определяющей зачастую негативное к нему отношение и обуславливающей необходимость взвешенного подхода.

Импорт институтов, а, особенно оценка его эффективности имеет важное теоретическое и прикладное значение. Теоретическое значение обуславливается, прежде всего, недостаточным освещением вопросов, связанных с импортом институтов в экономической литературе. Данная экономическая категория стала входить в обиход ученых-экономистов сравнительно недавно. Наиболее часто эта проблема рассматривается в работах А. Олейника, В. Полтеровича. Прикладное значение импорта институтов, обоснование его эффективности объясняется возможностью выбранного предмета исследования для обоснования экономической политики. В этой связи большое значение имеет определение системы возможно более формальных критериев для отбора институтов, пригодных и полезных для заимствования.

Именно отсутствие четких критериев отбора импортируемых институтов в Россию привело к снижению их эффективности, а порой и к их отторжению. Импорт институтов осуществлялся в значительной мере без предварительного системного анализа выгод и издержек их введения. Не проводилась политика снижения противодействия импортированию. Одновременно не придавалось должного значения проблеме адаптации неформальных институтов к вновь вводимым формальным. Шаблонный подход, перенесение закономерностей развития и функционирования высоко-развитой рыночной экономики без их необходимого соответствия неформальным институтам дает либо незначительный эффект, либо оказывает тормозящее или разрушительное влияние на формирование рыночной системы в целом. Иначе говоря, то, что дает хорошие экономические результаты в одних условиях, в других – может иметь совсем иные, иногда даже противоположные результаты.

Об этом хорошо говорит, например, опыт создания банковской системы России. Изначально для ее становления был избран вариант

революционного институционального развития. Он заключался в попытках изменить, прежде всего, формальные рамки, ориентируясь на уже известные образцы. Речь идет об импорте формальных институтов, уже доказавших свою эффективность в обеспечении взаимодействий и отхода на этой основе от тупиковой траектории развития. Практически за основу были взяты западные модели.

Следует отметить, что на первом этапе развития банковской системы России были получены определенные положительные результаты. В частности, многие институты способствовали повышению эффективности в обеспечении экономических взаимодействий. Страна была избавлена от необходимости поиска оптимальной институциональной структуры методом проб и ошибок.

Вместе с тем механическое копирование зарубежного опыта не может дать в долгосрочном периоде эффективных результатов. Здесь нельзя не учитывать особенности российского менталитета. К специфическим особенностям последнего можно отнести:

- 1) приоритет надэкономических ценностей;
- 2) сильные социальные традиции;
- 3) особое отношение к государству и его интересам как высшей ценности.

Социальная традиция России, в отличие от европейской, нашла свое отражение в обостренном чувстве социальной справедливости у людей, тяге к коллективным формам собственности, важной роли социально-духовных стимулов к труду, ориентации на общественный идеал жизнеустройства и т.д.

Только учет местных особенностей может обеспечить гармоничное взаимодействие институциональной системы с культурной, когнитивной и эволюционно-генетической системами. В то же время это обеспечит ограниченность степени свободы при её трансформациях. Если же данные условия не соблюдаются, импорт институтов происходит в виде заимствования фрагментов социально-экономических структур других стран. В результате формируются лишь относительно работоспособные «квазинституты», спо-

собные лишь временно выполнять достаточно узкий круг функциональных нагрузок. «Институты с подобными характеристиками, – пишет Г.Б. Клейнер, – напоминают скорее протез, чем трансплантат»[6].

Необходимо иметь в виду, что импорт институтов – достаточно рискованное мероприятие, поскольку последствия его осуществления характеризуются высокой степенью неопределенности и проявляются со значительным запозданием, к тому же требующие значительных финансовых ресурсов. Внедрение нового института может ограничить возможность выбора. Исходя из этого, различные агенты по-разному оценивают положительные и отрицательные последствия имплантации институтов. При этом нельзя не учитывать того, что гражданское общество и политические свободы российского общества до настоящего времени находятся практически в зачаточном состоянии. Это не может не вызывать антагонизма импортируемых институтов со своими базисами в обществе.

Большой ошибкой было то, что в начале российских экономических реформ предлагалось «автоматическое» встраивание импортируемых институтов. Однако практика показала, что многие рыночные институты из стран с развитой рыночной экономикой, с хорошо отработанными базисами, соответствующими этим институтам, не могут быть эффективно реализованы в совершенно иных условиях. Попытки осуществить перестройку институциональной структуры общества путем революционных изменений привели к противоречивым результатам – появилось много непредвиденных последствий.

Современный институционализм выделяет следующие способы взаимного приспособления институтов в процессе импортирования:

- 1) модификация формальными институтами неформальных;
- 2) легитимизация неформальных институтов в формальные.

Первый способ взаимодействия институтов проявляется в том, что принятие новых зако-

нодательных актов должно предопределять формирование новых неформальных установок, которые впоследствии будут способствовать формированию и эффективному функционированию стабильной институциональной среды. Это можно видеть на примере зарождения и становления предпринимательской деятельности в России. Введение данного института, принятие законов о предпринимательской деятельности постепенно меняли ментальные установки россиян, вводя в сознание, поведение и способы взаимоотношений принципы индивидуализма, престижности предпринимательства, трудовой этики, этики ведения бизнеса.

Заслуживает внимания и второй способ приспособления норм и правил, который получил название «формализация». Суть его заключается в своеобразном переводе существующих неформальных институтов в формальные взаимодействия. В данном случае речь идет о легализации выработанных и используемых на практике «серых» схем ведения бизнеса. Особенностью здесь является то, что краткосрочный эффект процесса формализации, скорее всего, будет отрицательным и приведет, возможно даже к некоторому ухудшению ситуации. В долгосрочном же плане в процессе формализации, как правило, улучшается предпринимательский климат в стране и активизируется бизнес, улучшается возможность получения реальной статистики, которая позволяет более глубоко понимать и анализировать ситуацию на рынках, появляется возможность получать налоговые отчисления от легально проводимых операций.

Существует несколько видов (типов) импорта институтов. Каждый из них имеет как достоинства, так и недостатки. Среди общих недостатков импортирования можно выделить:

- 1) неизбежный краткосрочный рост трансакционных издержек в экономике;
- 2) излишняя зарегулированность (в краткосрочном периоде) экономических отношений в стране-импортере вследствие совместного наличия в течение некоторого времени старых и новых правил;

3) возможное кратковременное ослабление государственной власти вследствие неизбежной необходимости адаптации государственного аппарата к новым правилам;

4) психологические издержки приспособления к новым, внесенным извне правилам, которые несут граждане государства-импортера.

В процессе осуществления в России экономических реформ, как известно, использовалась «шоковая» стратегия. Опыт других стран показывает, что данная стратегия нередко оказывалась ошибочной, поскольку она ограничивается лишь заимствованием формальных институтов. Например, пенсионная реформа в нашей стране во многом сводилась к простому копированию пенсионной реформы в Чили. Однако, как известно, каждая система правил допускает множество реализаций в зависимости от культурной и институциональной среды. Эти различия и определили разные итоги пенсионной реформы в Чили и России.

Импортирование институтов является рискованным и достаточно дорогим мероприятием. Поэтому проект импортирования должен быть тщательно разработан. Важно как можно точнее количественно оценить издержки импортирования, выбрать соответствующий институт, разработать стратегию и инфраструктуру импортирования. Процедура отбора проектов должна быть строго регламентирована и проходить независимую экспертизу. Это необходимо сделать для того, чтобы минимизировать возможность использования процесса реформирования в интересах узких политических групп.

При выборе критерия эффективности импортируемого института отечественные исследователи предполагают выделение двух его разновидностей:

- 1) критерий отбора института для изменения (оценки существующих институтов, их критических недостатков);
- 2) критерий «улучшения» – определение принципа оптимизации института (Парето-оптимальность или иной критерий).

Рассмотрим каждую разновидность критериев оценки эффективности импортируемого института и факторов, влияющих на нее.

Необходимость институционального изменения, как нами отмечалось выше, может быть вызвана несколькими факторами, так или иначе сводящимися к тому, что параметры существующего института перестают удовлетворять индивидов и, следовательно, нуждаются в изменениях.

Детальная проработка критерия «улучшения» приводится в работах Р. Хардина, который выводит два основных критерия выявления предпочтения одного института другому:

- «взаимная выгода»;
- «улучшение».

Критерий «взаимной выгоды» есть не что иное, как некое улучшение по Парето, предлагающее, что тот институт, который улучшает состояние некоторых или всех экономических агентов, не ухудшает при этом благосостояние ни одного индивида. Этот критерий достаточно хорош с теоретической, этической и моральной точки зрения, но в то же время он имеет и ряд серьезных недостатков:

- при практическом применении данного критерия возникает проблема совместности, поскольку в реальности сложно или даже вообще невозможно определить, насколько больше приобретает один индивид, нежели теряет другой, что должно в данном случае выступать единицей измерения;
- появление проблемы агрегирования благосостояния населения, означающей трудность категориального деления населения по множеству различных параметров с необходимостью достаточно широкого применения социологического инструментария;
- своеобразная «адресность» изменений, в результате которой возникает противоречивая проблема социальной справедливости;
- морально-этическая проблема, заключающаяся в допустимости, с точки зрения морали, приносить благосостояние одних людей в жертву ради улучшения положения других.

В качестве оценки необходимости изменения институтов (в частности импортирования), как правило, используется эффективность импортирования, которая определяется из разницы выгоды (экономического эффекта) и

издержек. При этом в выгодах с положительным знаком учитываются издержки, которые несложно общество при сохранении старого института, а в издержках – выгоды общества от сохранения старого института (если таковые имеются).

Важнейшими компонентами экономического эффекта от импортирования института являются:

- 1) снижение издержек функционирования рыночного механизма (трансакционных издержек);
- 2) снижение «цены легальности», связанной с осуществлением деятельности в рамках закона;
- 3) снижение трансакционных издержек в экономической деятельности субъектов за счет повышения производительности труда, увеличение фонда отдачи и т.п.;
- 4) новая выгода, приобретаемая экономическими агентами от импортирования института, не существовавшая при наличии старого института;
- 5) техническая помощь стран-экспортёров институтов;
- 6) улучшение инвестиционного и предпринимательского климата.

Если общий экономический эффект от импортирования института превышает издержки на его осуществление, то данный институт импортировать целесообразно. Успешное импортование новых институтов будет осуществлено в том случае, если институциональная инновация проникнет во все уровни институциональной системы, которые развиваются с разной скоростью, и укоренится в них на достаточно длительное время. При этом должно быть обеспечено соответствующее администрирование новых правил, мониторинг процессов институциональных изменений, информационная поддержка инноваций, обучение новым навыкам.

Таким образом, импорт новых институтов и их имплантация требуют определенного времени, правильного использования технологических, экономических и организационно-управленческих знаний. Одновременно необходимо учитывать опыт и других стран и по-

пытаться найти те решения, которые можно было применить в России на современном этапе.

Список литературы

1. Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизм распределения ресурсов// THESIS.–1993.–Т.1.–Вып.2 . – С.53–68.
2. Хайек Ф.А. Пагубная самодеятельность. Ошибки социализма.–М., 2002.
3. Alchian A.A. Economic Forces at Work. – Indianapolis, 1977. – P.15-35.
4. Андрианов В. Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) // Общество и экономика. – 2005. – №4. – С.3–48.
5. Олейник А. Институциональная экономика/ А.Олейник. – М., 2002. – С.43.
6. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем/ Г.Б. Клейнер// ЦЭМИ РАН – М.: Наука, 1997. – С. 204–240.

В редакцию материал поступил 26.02.07.

УДК 338.436.33

Л.М. РАБИНОВИЧ,
доктор экономических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В оригинально скомпонованной работе, представляющей фрагменты результатов многолетних исследований автора, вскрываются главные причины кризисного состояния агропромышленного комплекса (АПК). Доказывается, что большинство из них связано с недооценкой принципиальных особенностей сельскохозяйственного производства, невысокой квалификацией и заинтересованностью менеджеров разных уровней в конечных результатах производства. Рекомендуются апробированные в условиях республики конкретные меры, направленные на повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

О них много говорят и пишут в средствах массовой информации. Создается впечатление, что эти проблемы известны всем, а следовательно, они будут решены в обозримом будущем, тем более что принят приоритетный национальный проект «Развитие АПК». С экранов телевизоров ответственные чиновники вешают о миллиардных инвестициях, направляемых в развитие сельскохозяйственного производства.

Но на поверку этот свежий ветер колеблет лишь верхушки деревьев. Спросите менеджера крупной сельскохозяйственной организации, фермера, рядового труженика, что в его жизни изменилось, стал ли он работать лучше, чем вчера, произвел ли он продукции больше, повысилось ли ее качество. Более чем в 90 процентах случаев ответ будет одинаковым – отрицательным, да еще украшенный встречным вопросом: а за счет чего? во имя чего? Ведь к лозунгам и призывам к лучшему будущему его приучали десятилетиями. А техники, удобрений, строительных материалов на селе как не было, так и нет. Цены на товары промышленности растут в несколько раз быстрее, чем на сельскохозяйственную продукцию, что приводит к убыточности организаций и предприятий агропромышленного комплекса. А к этому в последние годы добавилось отсутствие

зарплаты, а там, где она есть – у нее крайне низкий уровень, не гарантирующий даже простого воспроизведения рабочей силы и не стимулирующий высокопроизводительный труд, направленный на увеличение производства продукции, повышение ее качества, снижение себестоимости.

В чем же главные причины сложившейся кризисной ситуации и есть ли из нее выход? Если есть, то где он?

Когда в конце 50-х годов кибернетика перестала быть «продажной девкой капитализма» и в стране заработали первые ЭВМ, в одном из головных вычислительных центров впервые с помощью математических методов попытались разобраться в сложившихся взаимосвязях и пропорциях главных элементов различных технических, биологических и экономических систем.

Вопреки всем ожиданиям оказалось, что значительно сложнее устройства космических кораблей организовано сельскохозяйственное производство.

Уже это одно объективно предъявляет особые, повышенные требования к управлению этой отраслью экономики.

Наукой доказано, а практикой подтверждено, что агропромышленный комплекс и его центральное звено – сельскохозяйственное

производство – обладают целым рядом принципиальных и абсолютно неустранимых особенностей. Их более двух десятков. Вот лишь некоторые из них.

Сельскохозяйственное производство создает жизненно необходимые и ничем не заменимые продукты. Их дефицит приводит не только к сокращению продолжительности жизни человека, но и сопровождается тяжелыми экономическими, социальными и даже политическими последствиями.

Агропромышленный комплекс представляет собой широкое и пока не освоенное поле деятельности для работников многих специальностей. Здесь занято около 20% трудовых ресурсов, осуществляется 38% всех строительных работ, 45% грузоперевозок, на него работает 32% тяжелой промышленности.

В последнее время много говорится о расширении инвестиционных проектов во всех сферах и отраслях экономики. Но когда речь заходит о сельскохозяйственном производстве, то тон разговора резко понижается. Привычно объясняют, что громадные вложения, направленные в эту отрасль, уходят, как в песок.

Это распространенное, но глубоко ошибочное мнение. Во-первых, на протяжении всего предшествующего периода инвестиции в развитие сельскохозяйственного производства были мизерные, по мнению ведущих ученых, они в 10–12 раз меньше необходимых. Во-вторых, направления инвестиций в большинстве случаев были необоснованными. Основная часть капитальных вложений расходовалась на строительство туковых заводов, строительство животноводческих ферм, механизацию трудоемких процессов. Но крайне мало выделялось ресурсов для «ремонта» главного средства сельскохозяйственного производства – земли. В-третьих, направляемые в сельское хозяйство средства не вынимались из «чужого кармана», не отвлекались от других отраслей, а наоборот, изымались из созданного в этой отрасли дохода. По исследованиям ученых, в среднем за 25 предыдущих лет в сельское хозяйство было возвращено лишь около 17% созданной в этой отрасли прибыли, а большая ее часть расхо-

довалась на нужды оборонного комплекса, здравоохранение, просвещение.

В отличие от других отраслей, на результаты сельскохозяйственного производства существенное влияние оказывают природные, в том числе погодно-климатические условия. Это заставляет руководителей и специалистов сельскохозяйственных организаций, предприятий глубоко изучать и уметь применять на практике требования объективных биологических законов, создавать и рационально использовать значительные страховые фонды.

Сельскохозяйственное производство отличается значительной сезонностью, что приводит к неравномерному использованию трудовых, материальных и финансовых ресурсов. Это вызывает необходимость нестандартных, творческих подходов к сочетанию отраслей в каждой организации, более высокой, чем в промышленности, технической оснащенности и созданию резервных фондов.

Сельскохозяйственное производство является единственной отраслью материального производства, которая, наряду с продукцией, поставляет еще и рабочую силу, используемую во многих отраслях народного хозяйства.

В сельском хозяйстве роль главного средства производства играет земля, площадь которой ограничена, а качество и хозяйственная ценность резко отличаются не только между субъектами Российской Федерации, но даже между отдельными организациями одного муниципального района.

Земля заслуживает несколько более подробного описания. Дело в том, что с переходом к рынку и принятием целого ряда законодательных актов роль земли не только значительно повысилась – она превратилась в капитал, способный приносить ее владельцу доход. Теперь она может продаваться, покупаться, наследоваться, дариться, закладываться.

Эта новая, неизвестная в России и неиспользуемая ранее функция земельных ресурсов, наряду с их возможностью создавать жизненно важные продукты питания и сырье для многих отраслей промышленности, предъявляет повышенные требования к оценке качества и

хозяйственной ценности земли и ее рациональному использованию.

Однако среди многих проблем, допущенных переходом экономики страны и каждого ее региона на рыночные отношения, самой сложной и важной как раз и является оценка земли, и в первую очередь – сельскохозяйственного назначения.

Известно, что вся недвижимость (здания, сооружения, оборудование и др.), каждое предприятие, организация размещаются на таком фундаменте, каким является земля. Недра земли служат источником энергетических ресурсов. Но особую роль земля играет в сельскохозяйственном производстве.

Однако с переходом к рынку агропромышленного комплекса обнаружилось, что одной из главных причин серьезных нарушений научных принципов управления этой сферой экономики явилось отсутствие достоверных сведений о реальной ценности земли по отдельным участкам, организациям, муниципальным районам, субъектам России.

В такой ситуации возникает настоятельная необходимость в глубоких научных исследованиях проблем оценки земли, в обосновании основных направлений совершенствования управления земельными ресурсами с целью повышения эффективности использования земли и решения глобальных проблем развития агропромышленного комплекса.

Перечень принципиальных особенностей сельскохозяйственного производства, с которыми обязаны считаться менеджеры макро-, мезо- и микроуровней, можно было бы значительно расширить, но главное – о них надо знать и уметь использовать с целью повышения эффективности агропромышленного комплекса, что является стратегическим направлением развития этой сферы экономики.

И здесь не последнюю роль обязаны сыграть органы государственного управления.

Как известно, наиболее действенными факторами, своего рода рычагами влияния государства на развитие агропромышленного комплекса служат: ценообразование на продукцию сельского хозяйства и промышленности, системы налогообложения, финанси-

рования, кредитования, таможенная политика, протекционизм и другие экономические меры.

Даже неспециалисту очевидно, что эти факторы внешнего по отношению к сельскому товаропроизводителю характера у нас в стране в настоящее время не работают, а если работают, то против крестьянина. Одной из главных причин сложившегося положения служит то, что в процессе управления сельским хозяйством не учитываются вышеназванные принципиальные особенности этой сферы агропромышленного комплекса. Понятно, что учесть эти особенности и использовать их в практике управления агропромышленным комплексом под силу только высококвалифицированным, профессионально подготовленным и заинтересованным специалистам. К сожалению, среди руководителей сельскохозяйственных организаций, районных управлений сельского хозяйства немало геологов, социологов, историков, школьных учителей, представителей других специальностей, весьма поверхностно знакомых с теорией и практикой экономики, организации и управления сельскохозяйственным производством.

К тому же существующая система материального стимулирования труда руководителей и специалистов, ее методическое и информационное обеспечение очень далеки от совершенства.

Положение усугубляется тем, что, как подчеркнул Президент Российской Федерации в своем выступлении на VII съезде Российского Союза ректоров еще в декабре 2002 г., далеко не все хотят и умеют учиться, а рынок предъявляет высокие требования к постоянному самосовершенствованию.

Заметим, что установление главных и сопутствующих причин кризиса агропромышленного комплекса – это лишь первый этап борьбы с его последствиями. Важно разработать и реализовать на практике систему мер, направленных на повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

Первый шаг в направлении приведения в действие резервов производства может быть сделан лишь тогда, когда руководители и специалисты каждой организации научатся

выявлять и экономически правильно оценивать свой ресурсный потенциал. Методика такой оценки достаточно хорошо освещена в печати, одна из них разработана и почти 30 лет используется в нашей республике. Важно только, чтобы те, кого это касается, обладали достаточно высоким уровнем квалификации, желанием активно вмешиваться в сферу организации новых экономических и производственных отношений.

Имея достоверные данные о реальных возможностях своего хозяйства, фермер, арендатор либо руководитель сельскохозяйственной организации должен провести маркетинговые исследования, изучить рыночную конъюнктуру, если есть возможность, заключить контракт на поставку продукции в государственные фонды или в соответствующие организации, что ляжет в основу перспективного плана развития. И это будет вторым шагом.

Если в так называемые застойные времена планирование осуществлялось по указке сверху и зачастую превращалось в формальный ритуал, то в условиях рынка реальный бизнес-план становится важным условием выживаемости сельского товаропроизводителя, хотя среди ученых и практиков в недавнем прошлом бытовало мнение, что рынок – это стихия, что он не подвержен государственному управлению, что он представляет собой саморегулирующуюся систему и выступает альтернативой плану.

Для опровержения этого тезиса достаточно обратиться к классикам рыночных отношений.

Американский экономист лауреат Нобелевской премии Пол Самиэльсон писал: « ... в настоящее время некоторые похвалы совершенной конкуренции представляются неуместными... Циник мог сказать о совершенной конкуренции то же, что Бернард Шоу однажды сказал о христианстве: единственная его беда состоит в том, что оно никогда не было испытано».

Не менее известный американский теоретик Д. Гэлбрейт подчеркивал, что при рынке «во всех случаях речь идет о тщательном планировании выпуска продукции, тщательном контроле над ценами, тщательных расчетах, направленных на то, чтобы продукция в максималь-

возможной степени соответствовала спросу потребителей...».

Обе цитаты свидетельствуют о возможности и необходимости государственного регулирования рыночных отношений в любом секторе экономики.

Учитывая специфику агропромышленного комплекса, на первый план в качестве экономического рычага государственного регулирования мы поставили госзаказ на продажу сельскохозяйственной продукции (в разные годы он назывался госзакупками, контрольными цифрами закупок, контракцией и др.). Его разработка и практическая реализация будут служить третьим, а может быть, и главным шагом на пути стратегического развития агропромышленного комплекса.

В первый период освоения рыночных отношений (1991–1993 гг.) ряд ученых и практиков умаляли, а зачастую отрицали роль госзаказа. При этом госзаказу приписывались многие недостатки, связанные с грубыми извращениями на практике его основных принципов. Руководители и специалисты разного уровня управления стали панически бояться госзаказа в связи с тем, что он требовал гарантированного обеспечения его величины необходимым количеством промышленных товаров по доступным крестьянину ценам. Продукция в счет госзаказа должна была быть закуплена государством по твердым и заранее известным товаропроизводителю ценам независимо от рыночной конъюнктуры.

Давно доказано, что правильно размещенный между регионами, районами, организациями с учетом оценки объективных условий производства госзаказ выступает важным фактором повышения эффективности и обеспечения экономической стабильности не только агропромышленного комплекса, но и всего народного хозяйства.

В самом общем виде методика размещения госзаказа предполагает определение величины производственного потенциала по каждому товаропроизводителю; выявление возможного объема товарной продукции; установление проектного объема госзаказа, исходя из общей

нормы продажи, достигнутого уровня освоения ресурсного потенциала, сравнительной эффективности товарных отраслей в разных хозяйствах и их специализации.

Расчеты показывают, что оптимизация размещения госзаказа без дополнительных затрат позволяет увеличить показатели эффективности производства как минимум в два раза. Кроме того, органично вписываясь в рамки рыночных отношений, госзаказ позволяет в централизованном порядке формировать производственные фонды при наименьших затратах и при одновременном обеспечении гарантированного рынка сбыта для сельских товаропроизводителей.

Знание объемов товарной массы сельскохозяйственной продукции позволит органам управления агропромышленного комплекса спрогнозировать ее движение на рынке и в розничной торговле, в определенной мере воздействовать на соотношение спроса и предложения, контролировать динамику рыночной конъюнктуры.

На основе реальной оценки товарных возможностей хозяйств и районов могут прогнозироваться величины главных показателей финансовых результатов от реализации продукции. А к ним привязывается вся система платежей и налоговых отчислений в бюджет.

Можно лишь частично представить себе объективные трудности, которые возникают перед теми, кто пытается решить проблему комплексного планирования, если вспомнить, что сельское хозяйство поставляет другим отраслям более 60 групп продуктов, потребляя одновременно около 80 наименований материалов.

Может ли отдельно взятая сельскохозяйственная организация, а тем более арендатор или фермер, даже вооруженный персональным компьютером, выявить все связи, измерить и оценить пропорции, попытаться управлять ими?

Не надо быть крупным специалистом в области экономики, чтобы дать однозначный и отрицательный ответ на такой вопрос.

Говорят, что можно обойтись без плана, заменив его информацией о состоянии спроса и предложения на рынке. Но кто и как сегодня изу-

чает эти явления? Как эти показатели будут использоваться конкретным товаропроизводителем? И тут возникает еще одна сторона проблемы.

Чтобы хозяин земли, независимо от того, будет ли им звено, бригада или целое предприятие, мог производить продукцию, то есть выполнял свойственную ему функцию, он должен иметь ресурсы. Уже давно всем очевидно: нет ресурсов – нет продукции, даже если очень хочется ее иметь, даже если вышеупомянутыми организациями даются ценные указания по этому поводу.

Другое дело, что при одних и тех же ресурсах можно иметь разные результаты, «съём» со 100 рублей (потенциала) может быть различным в зависимости от многих объективных и субъективных условий. Но если мы хотим достичь высокого эффекта, то ресурсы должны быть в наличии и при этом строго определенного состава, количества и приобретенные по доступной цене.

Дать ресурсы в настоящее время и в обозримом будущем может государство или какая-либо специализированная коммерческая структура и, если оценивать реально, только под план производства, который, как это очевидно, не может грамотно составить отдельно взятый хозяин, не знающий потребностей общества и не ведающий, что, сколько и почем оно может ему дать взамен произведенной продукции.

Где же выход? Вернуться к тому плану, к которому все привыкли и который почти все (за исключением тех, кто доводил его сверху), мягко говоря, недолюбливают? Или лучше рынок? Но ведь для него нужно сегодня не меньше объективных условий, чем для реального плана, и, прежде всего, устранение дефицита в средствах производства, наличие совершенного экономического механизма хозяйствования, высокая компетентность и совершенно иная психология руководителей всех уровней. А пока этого нет – придется планировать. А то негативное, что сегодня пишут и говорят о плане, думается, относится целиком и полностью к тем, кто его формирует, а также к методам его разработки.

Если план будет соответствовать объективным условиям работы производителя, хозяина земли и продукции, если он будет ориентировать на конкретные объемы, виды продукции, гарантируя при этом ее реализацию по выгодным для хозяина ценам и оставляя существенную ее часть в полном распоряжении производителя, то за такой план, вероятно, проголосует каждый.

Назовем ли мы такой план госзаказом или планом закупок, или продналогом – главное, что он реален и отвечает вышеназванным требованиям, формирует четкую цель, поставленную перед хозяином земли и продукции в зависимости от запросов общества, помогает ему избежать лихорадочного и зачастую безуспешного поиска покупателя и весьма туманного ожидания возможной реализационной цены. В этом случае не получится, как сейчас: вроде бы все сельчане работают от зари до зари, а на прилавках магазинов нет нужной отечественной продукции, зато на базаре, где господствует конъюнктура, стихия, продукт есть, но цены на него необоснованно высокие.

Реальный план должен учитывать истинные возможности каждого коллектива, отдельной личности, обеспечивать необходимые пропорции между потребностью в продуктах и объемом производства, заинтересовывать производителя в увеличении производства, повышении качества продукции у хозяина средств производства и создания условий для ее реализации по повышенным ценам.

Такой план возможен лишь в том случае, если в его основу положен укрупненный норматив, учитывающий величину ресурсного потенциала: качество земли, обеспеченность производственными фондами и трудовыми ресурсами – и связанный с ним возможный объем произведенной и реализованной продукции.

Опыт такого планирования накоплен в Республике Татарстан, в которой более 30 лет проходят экспериментальную проверку разные методы учета объективных условий производства в практике управления аграрным сектором агропромышленного комплекса.

Стройная, обоснованная и взаимоувязанная система планирования развития всех организационно-правовых форм хозяйствования является непременным условием и первой стадией реформирования агропромышленного комплекса, которое должно стать очередным шагом в будущее. О нем говорят и пишут довольно много, однако на практике этот, по своей сути, объективно необходимый процесс осуществляется крайне медленно, а его результаты зачастую не оправдывают ожиданий. Причин этого немало, но все они, на наш взгляд, объясняются невысокой квалификацией тех руководителей и специалистов, которые должны заниматься реформированием, отсутствием должной разъяснительной работы по поводу содержания форм, методов и эффективности реформирования среди сельских товаропроизводителей.

Процесс реформирования сельскохозяйственных предприятий в Российской Федерации и в Республике Татарстан осуществляется в разных направлениях. Одни ограничиваются изменением лишь правового статуса, сохраняя свои размеры и характер внутрихозяйственных экономических отношений, другие – просто разукрупняются, третьи – осваивают новые для них формы организационных и экономических взаимодействий.

Теория и практика реформирования сельскохозяйственного производства в нашей стране и за рубежом свидетельствуют о том, что каждая форма хозяйствования должна строго соответствовать определенной ступени развития производительных сил и находиться в зависимости от форм и отношений собственности.

Представляется, что соблюдение этих и других принципов эффективного функционирования возможно лишь в том случае, когда ее выбор начинается с установления оптимальной структуры производства, которая должна точно и полно соответствовать объективным условиям и субъективным интересам товаропроизводителя.

В дорыночном периоде структура производства и связанные с ней структура посевных площадей, структура животноводства устанав-

ливались административным методом путем доведения сверху планов государственных закупок зачастую без достаточного учета и оценки объективных условий хозяйствования, что не создавало необходимых предпосылок для максимального использования хозяйствами своего ресурсного потенциала и повышения на этой основе эффективности производства.

Исследования показывают, что в рыночных условиях, самостоятельно определяя внутрихозяйственную структуру производства и подбирая экономический механизм хозяйствования, сельскохозяйственные предприятия обычно работают методом «проб» и «ошибок», что, естественно, не может не влиять отрицательно на эффективность ведения хозяйства. Поэтому товаропроизводитель должен владеть научно обоснованными методами определения рационального соотношения всех видов производимой продукции, правильного распределения ресурсов между ними.

Предоставление товаропроизводителям, их коллективам не фиктивного, не декларативного, а действительно реального, юридически и экономически подтвержденного права выбора форм собственности и способа ведения хозяйства является одной из главных задач проводимых в аграрном секторе экономики реформ.

Думается, что до сознания каждого товаропроизводителя должна быть доведена объективная информация обо всех возможных вариантах выбора, должны быть показаны преимущества и недостатки каждого из выбранных путей развития. Разумеется, такое возможно лишь при объективной оценке имеющегося опыта, учете его положительных и отрицательных сторон, сопоставления с аналогичным опытом в странах с рыночной экономикой.

Среди всех названных и других условий функционирования сельскохозяйственного производства есть еще одно, о котором не всегда помнят ученые и иногда забывают практики: это производительность труда и ее носитель – трудовые ресурсы. Может быть, именно по этой причине многочисленные рекомендации по освоению рыночных отношений, реформированию форм собственности, реорганизации

типов хозяйств не принесли ожидаемых результатов, не дали нужного эффекта, поскольку не учитывали главного – человеческого фактора.

Результаты деятельности любого сельскохозяйственного предприятия, каждого хозяйства полностью зависят от уровня и темпов роста производительности труда, а все остальное – техника, удобрения, животные, растения, организация производства и труда, система управления и др. – являются лишь условиями, факторами, способствующими или тормозящими производительность труда.

Классики экономической теории убедительно доказали, что основными факторами (условиями), влияющими на уровень и темпы изменения производительности труда в сельском хозяйстве служат: земля с ее качеством и хозяйственной ценностью, уровень технической оснащенности, специализация и концентрация производства, организация производства и труда, уровень управления, квалификация работников, степень их ответственности и материальной заинтересованности в конечных результатах труда.

Умелый руководитель должен знать место и роль каждого из этих факторов и в зависимости от объективных условий использовать их в целях повышения производительности труда и эффективности производства.

Вместе с тем экономический анализ динамики и уровня производительности труда в сельском хозяйстве одного из крупнейших регионов Приволжского федерального округа, каким является Республика Татарстан, вскрыл значительные колебания в величине этих показателей в 43-х муниципальных районах.

Так, размах в значениях производительности труда по административным районам республики в разные годы достигал 3,7–4,6 кратных размеров, что объясняется разным отношением руководителей хозяйств к этому важнейшему показателю оценки их деятельности.

Использование экономико-математического моделирования позволило количественно оценить степень влияния каждого из выявленных факторов на уровень и темпы изменения производительности труда.

Оказалось, что в зависимости от погодно-климатических условий на производительность труда во всех районах республики стабильное и наиболее сильное влияние оказывали не уровень технической оснащенности, как ожидалось, не количество внесенных удобрений, не поголовье скота, не подбор сельскохозяйственных культур, а обеспеченность трудовыми ресурсами, уровень их использования, находящиеся в тесной корреляционной зависимости от материальной заинтересованности работников. Именно через эти факторы, которые приводят в действие трактора, комбайны, автомобили, заставляют животных и растения давать продукцию, способствуют внедрению в производство достижений науки и передового опыта, можно и нужно оказывать влияние на производительность труда.

Практическое осуществление принципа материальной заинтересованности опирается на полный учет действия всех объективных экономических законов и затрагивает широкий круг вопросов. В принципе материальной заинтересованности перекрещиваются многие проблемы: совершенствование цен на сельскохозяйственную продукцию; упорядочение системы заготовок сельскохозяйственной продукции; взимание налога с сельских товаропроизводителей; распределение дифференциальной земельной ренты; установление оптимального уровня оплаты труда; внедрение прогрессивных форм и систем оплаты труда и др. Не все из перечисленных проблем могут быть решены в рамках отдельных хозяйств, районов и даже областей. Поэтому особого внимания заслуживают те вопросы, положительное решение которых в настоящее время целиком находится в компетенции руководителей предприятий и отдельных товаропроизводителей – установление обоснованного уровня и совершенствование форм оплаты труда.

При всей сложности и многообразии сторон системы материального стимулирования общим и главным для них всех является уровень стимулирования. Уровень стимулирования наполняет данную систему необходимым содержанием и устраняет возникавшие в отдельные периоды неантагонистические

противоречия, отрицательно сказывающиеся на темпах расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве.

Уровень оплаты труда должен систематически повышаться по мере укрепления экономики страны, хозяйства и изменения темпов инфляции. Это повышение целесообразно осуществлять не только за счет тарифных ставок, сколько за счет усиления связи заработков работников с конечными результатами производства, с уровнем и темпами производительности труда, величиной производственного потенциала и степенью его использования.

Такую связь можно осуществить, применяя на практике различные методические подходы, наиболее достоверным из которых является экономико-математическое моделирование.

Относительно высокий уровень – это главная, но не единственная особенность оплаты труда. Свое стимулирующее воздействие на производительность труда и другие результативные показатели деятельности хозяйства она может оказывать только в том случае, если при ее организации учитываются еще три важных условия: систематическая выплата начисленного заработка, гарантия научно обоснованного уровня и примерно равное поощрение труда, затраченного в разных отраслях и равной напряженности. Перечисленные особенности оплаты труда вызывают необходимость осуществления различных ее разновидностей и форм.

Хотя эти вопросы в условиях рынка должны решаться дифференцированно на каждом предприятии, в каждой организации, хозяйстве работодателями (менеджерами) с участием самих товаропроизводителей, помочь в этом деле могут укрупненные нормативы трудоемкости и производительности труда, разрабатываемые научно-исследовательскими учреждениями и учитывающими производственный потенциал каждого хозяйства, его специализацию и эффективность отраслей.

В специальной и популярной литературе последних лет основное внимание ученых и практиков концентрируется на расширении инвестирования как единственного условия ре-

шения всех проблем агропромышленного комплекса. Хотя хорошо известно, что крупные отечественные и зарубежные инвесторы по различным объективным и субъективным причинам с большой неохотой идут в агропромышленный комплекс и особенно в сельскохозяйственное производство, где существенное влияние на результаты производства оказывают вышеназванные принципиальные особенности отрасли.

Исследования показывают, что на современном этапе развития агропромышленного комплекса и всей национальной экономики неправомерно делать ставку только на инвестиции, так как их возможности ограничены, а есть более действенный механизм влияния на эффективность производства, а через него на решение всех экономических, социальных и политических проблем. Имя этому рычагу – человеческий фактор.

В теории и на практике известны различные методы и формы активизации человеческого фактора. Но одним из самых действенных, проверенных временем по праву считается хозрасчет. По эффективности организации внутрихозяйственного расчета на сельскохозяйственных предприятиях Республика Татарстан в середине 60-х годов прошлого века занимала одно из первых мест в бывшем СССР. Опыт республики освещался в центральной печати, был представлен на ВДНХ СССР.

Цивилизованный рынок не только не отрицает хозрасчет (коммерческий расчет), но, наоборот, делает жизненной необходимостью его постоянное совершенствование и в то же время создает необходимые условия для его развития, так как он содержит все элементы подлинного хозрасчета, среди которых предприимчивость, поиск и выявление резервов повышения эффективности производства, систематическое соизмерение затрат и результатов производства в денежной форме, постоянный и действенный контроль на всех стадиях производства и реализации, оплата труда в зависимости от объема, ассортимента, качества произведенной и реализованной продукции, а также затрат на ее единицу.

Как показывают исследования, многие

элементы рыночных отношений зародились в недрах хозрасчета, поэтому так важны изучение и компетентная оценка его подлинного опыта, анализ допущенных ошибок и их причин, разработка и реализация мер по совершенствованию хозрасчетных отношений в аграрном секторе экономики.

Ряд ученых, работающих в области менеджмента, считает, что в современных условиях наиболее отвечающим происходящим во всех сферах экономики институциональным изменениям методом управления является контроллинг, который объединяет в себе функции учета, анализа, планирования и контроля. Интеграция традиционных методов управления в систему контроллинга способствует действительному, а не формальному соединению в единую систему сбора, обработки и использования экономической информации с целью создания объективной базы для принятия верных управленческих решений, направленных на устранение препятствий на пути эффективного функционирования агропромышленного комплекса.

Список литературы

1. Земельный кодекс Республики Татарстан // Республика Татарстан. – 1998. – 15 августа.
2. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24 июля 2002 года № 101-ФЗ.
3. Закон Республики Татарстан «Об оценке земли» от 20 октября 2000 года.
4. Захаров В.П. Эффективность сельскохозяйственного производства: факторы, резервы и пути повышения. – Казань, 1994. – 226 с.
5. Мусин Ф.К., Рабинович Л.М. Компас хозяйствования. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. – 136 с.
6. Рабинович Л.М. Нормативная основа экономического стимулирования. – М. Росагропромиздат, 1989. – 208 с.
7. Рабинович Л.М. Стимулы и резервы эффективности производства. – Казань: Таткнигоиздат, 1977. – 152 с.
8. Рабинович Л.М., Тимирясов В.Г., Садретдинова А.А. Рынок земли: проблемы, поиск, решения. – Казань: Изд-во «Таглиммат» ИЭУП, 2005. – 211 с.
9. Гайнутдинова Ф.С., Рабинович Л.М., Тимирясов В.Г. Хозрасчет на предприятиях агропромышленного комплекса. – Казань: Изд-во «Таглиммат» ИЭУП, 2002. – 151 с.

В редакцию материал поступил 08.01.07.

УДК 330.12

Л.Н. САФИУЛЛИН,
кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОСТА ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В работе ставятся и решаются задачи исследования общественного благосостояния в условиях неоднородности объектов и субъектов хозяйствования, выявления и обоснования непреодолимых трудностей в повышении благосостояния населения ранее разработанными подходами, а также осуществляется разработка нового направления в реализации важнейшей цели любой социально-ориентированной рыночной экономики.

В ходе эволюции в теории благосостояния сформировалось четыре основных подхода к решению справедливого распределения благ: либерталистский (рыночно ориентированный), утилитаристский, эгалитаристский (социально-ориентированный) и компенсационный. Основными представителями этих направлений были А.Смит, Р.Ноуэлл, И.Бентам, Дж.Роулз, В.Парето, Дж.Р. Хикс, Н. Калдор и другие.

Как показало исследование, все эти подходы: во-первых, ограничены применением лишь в условиях однородности или квазиоднородности объектов и субъектов хозяйствования; во-вторых, решают задачу перераспределения уже имеющихся благ; в-третьих, методологически не способны решать задачу качественного роста общественного благосостояния на неоднородных рынках.

В работе на основе выявления взаимосвязи теорий благосостояния и рынков несовершенной конкуренции посредством качественной неоднородности товаров и услуг, потребителей и товаропроизводителей определяется влияние благосостояния населения на механизмы рынка несовершенной конкуренции и их обратное воздействие на общественное благосостояние, заключающееся в стимуляции спроса и росте благосостояния на основе повышения уровня качества потребляемых и производимых товаров и услуг. При этом расширена сфера исследования теорий благосостояния на основе «размо-

раживания» и активизации важнейшего фактора благосостояния – качества, находящегося в «пленах» марshallянской теории в среде допущения «при прочих равных условиях».

На основе разработанной автором классификации благ по признакам изменчивости количества и качества, предпочтительности и информированности, введения и расширения терминологии различных типов благ, в том числе: свободное благо ограниченного качества; блага изменчивого качества и количества; благо, качество которого можно проверить до потребления; благо, качество которого проверяется в процессе потребления и другие – в работе обосновываются и систематизируются причины формирования качественной неоднородности объектов и субъектов хозяйствования, состоящие в их расслоении по потреблению и производству товаров разного уровня качества, времени и географической местности их производства и реализации. При этом выявляется условие роста качества товаров и услуг на рынке, которое сводится к превышению скорости роста качественного производительского излишка над скоростью роста издержек, связанного с обеспечением данного уровня качества.

Все это позволило выдвинуть гипотезу о существовании четвертой теоремы благосостояния, суть которой заключается в том, что повышение уровня качества производимых и потребляемых благ в экономической системе

приводит к мультиплекативному росту индивидуального и общественного благосостояний посредством стимуляции спроса и предложения. При этом, в отличие от известных фундаментальных теорем благосостояния, решающих задачу оптимального распределения или перераспределения уже имеющегося богатства, четвертая теорема связана с решением роста общественного благосостояния в результате роста качественных потребительского и производительского излишков, обеспечиваемых ростом качества благ [1].

Такой методологический подход к исследованию общественного благосостояния отличается от известных, использующих лишь ценовые и объемные характеристики и как следствие обладающих ограниченностью условиями однородности рыночной экономики, универсальностью тем, что в исследование и анализ дополнительно включена качественная характеристика товаров и услуг, благодаря чему выявлено направление качественного роста общественного благосостояния в экономически развитых странах.

Известно, что при нарушении хотя бы одного из условий совершенной конкуренции на рынке устанавливается несовершенная конкуренция, при которой производители-продавцы склонны представлять с помощью упаковки и внешнего оформления свои гомогенные (однородные) товары как гетерогенные (разнородные), расширять область предпочтений, используя благоприятное географическое положение, временно создавшуюся ситуацию и т.д. Неравенство условий также создается рекламой товаров.

Все это, на наш взгляд, обуславливает неоднородность товаров и услуг. В свою очередь, неоднородность производителей-продавцов связана с качественным различием технологий, рабочей силы и других факторов производства. Неоднородность потребителей определяется социально-экономическими уровнями, в том числе отличием по доходам, вкусам, предпочтениям, гендерным характеристикам и т.д. [2].

На неоднородных рынках возникают моно-

политическая и олигополистическая конкуренции, в том числе как между продавцами, так и между покупателями. Данный тезис в работе обосновывается следующим образом. В условиях совершенной конкуренции товар, предлагаемый на рынке, однороден, а в условиях монополии – товары не имеют заменителей, что также обуславливает их однородность. В результате этого потребители, несмотря на свои предпочтения и доход, становятся однородными по потреблению однородного товара.

Теория о неоднородности, в нашем понимании, является основой теории асимметричности информации. Как известно, асимметричная информация обусловливается отсутствием информации у вступающих во взаимоотношения субъектов хозяйствования. Такая ситуация на рынке возникает в результате неоднородности субъектов, а именно их вкусов, предпочтений, действий и т.п.

В результате изучения условий перехода к социально-ориентированной рыночной экономике и различных форм неоднородности нами был сделан вывод о невозможности развития теории общественного благосостояния в рамках классической и неоклассической теории рынков.

В рамках исследования, проведенного в данной работе, потребительский излишек с учетом наиболее важного фактора – качество товара приводит к необходимости изучения спроса и качественного потребительского излишка в трехмерном пространстве факторов цена–объем–качество. При этом изучение этих важнейших категорий осуществляется в пространстве, т.е. находится вне пределов плоскости.

Качественный потребительский излишек – это денежный измеритель дохода потребителя, получаемого в результате приобретения единицы товара при изменяющемся уровне качества, который включает и величину ценового излишка. При этом ценовой излишек может быть рассмотрен при изменяющемся объеме. Как видно, качественный излишек зависит от объема и качества.

Качественным потребительским излишком называется объем под поверхностью трех-

мерной функции спроса и находящегося между двумя плоскостями, определяемыми двумя уровнями цен, параллельными плоскости осей объема и качества графика трехмерной функции спроса.

Каждому уровню этих двух цен соответствуют поверхности параллельные плоскости осей объем и качество, ограниченные линией пересечения этих ценовых плоскостей с обратной функцией спроса.

Отметим, что аналогично могут быть введены и другие виды потребительских излишков, например, от фактора потребительского дохода, предпочтений и т.д. Предлагаемая нами методология позволяет ввести потребительский излишек для пространства факторов более, чем трех.

Таким образом, в нашей работе потребительский излишек А. Маршалла в плоскости цена-объем называется потребительским излишком первого порядка, а потребительский излишек в трехмерном пространстве факторов цена-объем-качество – потребительским излишком второго порядка или качественным потребительским излишком.

Аналогичные исследования в работе проводятся и относительно качественного производительского излишка, возникающего в результате приращения производительского излишка А. Маршалла [3] при приращении уровня качества товара.

В известных литературных источниках подробно рассматривается только зависимость объема предложения от одного фактора – от цены в предположении о постоянстве всех других факторов. Однако такой фактор, как качество, в современный период развития науки, техники и технологий оказался весьма подвижным.

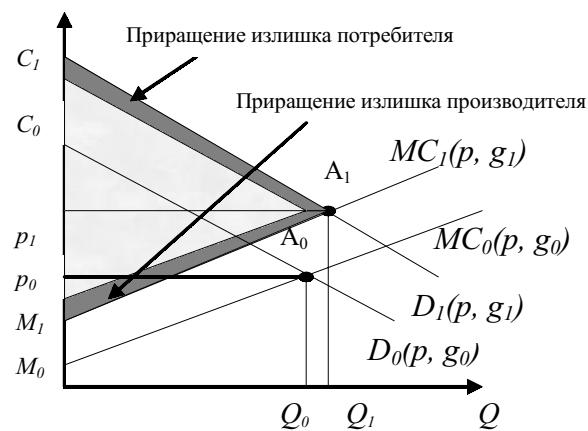
В пространстве и во времени положение производителей на рынке, предлагающих свой товар определенного уровня качества, неодинаково. Например, одни произвели много товаров низкого качества, другие – малое количество товара и высокого качества. При этом затраты товаропроизводителей на единицу продукции соответствующего качества неоди-

наковые: затраты растут с повышением уровня качества товара.

В работе получена следующая зависимость: товаропроизводители-продавцы увеличивают объем предложения товара с повышением цены, понижением качества и конкурентной борьбы, что связано с уменьшением затрат на обеспечение данного низкого уровня качества и конкурентоспособности товара. Наибольший объем предложения достигается при максимальной цене и минимально возможном уровне качества и требованиями конкурентоспособности товара и, наоборот, наименьший объем предложения достигается при минимальной цене и высоком качестве товара и требованиями конкурентоспособности. В то же время объем предложения возрастает с ростом уровня спроса на высококачественный товар.

Производитель, добиваясь приращения уровня качества товара, получает дополнительное приращение прибыли, равное разности прибылей при уровнях качеств g_1 и g_0 и цен p_1 и p_0 .

На рис. 1 графически представлен процесс формирования роста общественного благосостояния на базе повышения качества.

Рис. 1. Приращение выгоды (излишка) потребителя и прибыли производителя, связанные с приращением уровня качества товара

Как видно из рисунка, рост общественного благосостояния в результате повышения уровня качества обеспечивается за счет приращения выгоды потребителя и выгоды (излишка) произ-

водителя равным заштрихованным областям горизонтальными и вертикальными линиями.

Эти рассуждения позволили ввести ряд новых понятий: качественный рост благосостояния – это тенденция увеличения суммы качественного потребительского излишка и качественного производительского излишка, происходящей в результате повышения уровня качества товаров и услуг. Качественный рост общественного благосостояния является функцией роста качественного потребительского и производительского излишков при изменении уровня качества потребляемых товаров и услуг.

При этом качественный рост общественного благосостояния может происходить только лишь при выполнении следующих условий:

1. Предельная полезность по качеству ($MU(g)$) превышает предельную цену по качеству ($MP(g)$): $MU(g) \geq MP(g)$.

2. Предельная цена по качеству ($MP(g)$) превышает предельные издержки ($MC(g)$): $MP(g) \geq MC(g)$.

Экономический смысл этих двух условий заключается в следующем: первое условие связано с ростом спроса потребителей в результате повышения качества товара, что происходит в результате качественной стимуляции спроса потребителей. Второе условие связано с получением дополнительной прибыли производителем в результате реализации качественного товара с большей ценой, чем товар с низким уровнем качества, что также, в конечном счете, является результатом качественной стимуляции предложения производителя.

Иначе эти условия мы можем сформулировать следующим образом: при одной и той же скорости роста уровня качества должны выполняться следующие условия:

1) скорость роста уровня полезности ($V_{\text{полезности}}(g)$) превышает скорость роста уровня цены ($V_{\text{цены}}(g)$):

$$V_{\text{полезности}}(g) > V_{\text{цены}}(g);$$

2) скорость роста уровня цены превышает скорость роста уровня издержек при $V_{\text{цены}}(g) > V_{\text{издержек}}(g)$.

В результате объединения этих двух условий мы приходим к важному необходимому

условию роста уровня качества на рынке товаров и услуг: необходимым условием роста уровня качества товаров и услуг на рынке является превышение скорости роста уровня полезности над уровнем цены потребления качественного товара и над скоростью роста издержек производства на обеспечение товара с данным уровнем качества, т.е.

$$V_{\text{полезности}}(g) > V_{\text{цены}}(g) > V_{\text{издержек}}(g).$$

Отметим, что качественные излишки потребителей и производителей также можно интерпретировать как выражение в деньгах потери потребителей и производителей от запрета на потребление и производство товара данного уровня качества.

Исходя из таких рассуждений, мы выходим в сферу практического применения полученных результатов, заключающихся в государственном регулировании экономического развития как страны в целом, так и ее отдельных субъектов хозяйствования (потребителей и производителей).

Принято считать, что постулаты Паретовой теории благосостояния являются ценностными суждениями. Это означает, что Парето-оптимальность – понятие нормативное. Как известно, основой нормативного подхода являются рекомендации по проведению экономической политики. В этом разрезе нами раскрываются ценностные суждения, связанные с качественными изменениями благ. В рамках методологии общественного благосостояния ценностным суждениям отводится особое место. Вначале приведем широко распространенный очевидный пример ценностного суждения, согласно которому экономический рост измеряемой величины реального национального дохода всегда желателен. Но останется ли данное суждение столь же непоколебимым, если при этом экономический рост ведет к абсолютному ухудшению положения людей, чьи доходы относятся к нижнему квартилью (децилю или квинтилью) соответствующего распределения? Аналогичным образом, для обоснования нашей гипотезы о том, что «качественный рост приводит к росту общественного благосостояния», мы вправе ставить вопрос: 1) Всегда ли

оправдано желание повысить заработную плату при повышении качества результата труда? 2) Всегда ли цена высококачественного товара будет выше низкокачественного товара при достоверности информации об уровне качества?

Задавая себе вопросы в этом направлении, мы обнаруживаем разницу между «базисными» и «небазисными» ценностными суждениями, связанными с качественными изменениями. В этом плане обратимся к наиболее общему определению, введенному А. Сеном: «Ценностные суждения можно назвать «базисными» для человека, если подразумевается, что оно (суждение) становится для него верным при любых обстоятельствах, в противном случае оно является «небазисным» [4].

До тех пор, пока ценностное суждение является небазисным, или смешанным, к которому относится ценностное суждение по качественным изменениям, дискуссия о нем основывается на фактах. Такой подход является эффективным, ибо, как известно, наши стандартные методы разрешения споров о фактах не так сомнительны, как методы разрешения споров о ценностях. Если бы ценностное суждение по качественным изменениям было базисным, или чистым ценностным суждением, как, например, в случае утверждения мало информированного индивида, что «качество труда профессора высоко, а потому его заработка плата высокая», то тем самым мы констатировали бы исчерпанность всякой возможности анализа и дискуссии о качественном росте благосостояния людей.

Известно, что монополист в сфере образовательного процесса за качественный труд не всегда повышает заработную плату профессору или улучшает условия его труда. Эти и подобные ии другие проблемы в сфере качества порождают проблему разработки методологии качественной основы роста общественного благосостояния. Поэтому небазисность или смешанность ценностного суждения, высказываемого по качественным изменениям, не вызывает сомнений. Следовательно, ценностное суждение по качеству, имеющее смешанный характер, может быть изменено путем убеждения людей, придерживающихся мнения, что на самом деле факты отличаются от того, как они их видят.

В этом проявляется важная роль политики государства в распространении и утверждении идеи всеобщего повышения качества благ.

Список литературы

1. Сафиуллин Л.Н. Общественное благосостояние в условиях неоднородности рынков. – Казань: Изд-во КГУ, 2006. – 269 с.
2. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики; пер. с фр. под науч. ред. Н.А. Макашевой. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
3. Маршалл А. Принципы политической экономии. – 3 т. – М.: Прогресс, 1983.
4. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют; пер. с англ.; науч.ред. и вступит. ст. В.С. Автономова. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.

В редакцию материал поступил 02.03.07.

УДК 330.342.172

Н.З. САФИУЛЛИН,
доктор экономических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ТЕОРИЯ МНОГОМЕРНЫХ РЫНКОВ В УСЛОВИЯХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В работе осуществляется исследование многомерных рынков при неоднородности экономических объектов и субъектов хозяйствования, основными элементами которого являются выявление устойчивых взаимных связей спроса, предложения и конкурентоспособности в многомерном пространстве факторов.

Претерпев кардинальные социально-экономические преобразования, Россия вошла в третье тысячелетие. Обществу обеспечена индивидуальная свобода, развязывающая, по мнению А. Смита, дремлющую в людях энергию. Получили распространение рыночная экономика и либеральная идеология.

Либеральные ожидания, что рыночные механизмы с необходимостью приведут народное хозяйство в равновесие, не оправдались. В сферах производства и потребления товаров и услуг проявились многочисленные проблемы, обусловленные общим упадком производства, разрушением научно-технического потенциала, обнищанием населения и резкой дифференциацией товаропроизводителей и потребителей.

В процессе преобразования российской экономики возникли противоречия между рыночной практикой и теорией рынка, рыночных механизмов (спроса, предложения, конкуренции). Выяснилось, что неоклассическая теория рыночного равновесия, основанная на минимизации избыточного спроса, не учитывает многих реальных факторов. Она оказалась частным случаем возможного, более общего рыночного поведения покупателей и товаропроизводителей. Случай с российской экономикой лишний раз подтвердил, что известные модели спроса и предложения – это не единственные модели поведения потребителей и товаропроизводителей. Так, наряду с класси-

ческим равновесием по А. Маршаллу, было вскрыто существование и других (вырожденных, паразитных) точек равновесия, оказывающих отрицательное влияние на экономику.

Вследствие этого к применению теории спроса и предложения А. Маршалла, ставшей классической, следует подходить как минимум осторожно. Ее объяснительно-предсказательные и описательные возможности в современных условиях недостаточны. Это подтверждается историческим опытом преобразования российской экономики, который показал, что при начальном дефиците товаров их цена растет, но этот рост приводит не к увеличению, а к снижению, стагнации производства.

Спрос, как и в теории, падает, но более быстрыми темпами, чем предложение, поскольку неподготовленная либерализация цен резко снижает покупательную способность населения. В результате рыночное равновесие и дальнейшее превышение предложения над спросом наступают при более низком уровне производства, снижении реального уровня внутреннего валового продукта, что, по нашему мнению, определяется неоднородностью экономических процессов в сферах потребления и производства.

Классическая теория спроса и предложения, развиваемая в течение многих лет на основе принципа «при прочих равных условиях» применительно к совокупности однотипных

экономических агентов, порождает равновесную точку, определяемую ценой товара и объемом предложения. Однако процессы социально-экономических преобразований, в том числе и переходного периода, в основном являются неоднородными. В этом случае равновесие характеризуется локально устойчивым или случайным состояниями объема и цены, что подтверждает сильную зависимость объемов спроса и предложения от многих других факторов.

При таких условиях основной принцип «при прочих равных условиях», изолирующий связь двух факторов – объем спроса и цена или объем предложения и цена – не способен в полной мере выполнять свои функции, т.е. решать проблемы, с которыми столкнулась практика рынка.

Теория рынка, в основе которой лежит представление об однородности экономических агентов, в условиях преобразования экономики утратила свою эффективность. Ключевая проблема экономического роста и разработка перспективных подходов государственного регулирования в значительной степени зависят от совершенства теории рынка, в том числе от уровня развития теорий ее основных категорий – спроса, предложения и конкуренции.

Несмотря на то, что в последнее столетие рынок изучался со всех сторон, определение самого общего понятия рынка, по мнению многих ученых, пока еще не сформулировано. Поэтому среди экономистов нет единства в понимании того, что такое рынок, хотя большинство экономистов определяют его как «некоторый контекст», в котором осуществляются купля и продажа услуг. Рынок представляется как многомерное и многоструктурное явление, как одна из самых распространенных категорий в экономической теории и хозяйственной деятельности. В связи с эволюцией взглядов на рынок его понятие непрерывно расширяется и усложняется.

Рынок, с одной стороны, рассматривается как механизм достижения равновесия, с другой – как способ познания. Первая его интерпретация принадлежит А. Маршаллу, вторая –

Ф. Хайеку. Такая аргументация, безусловно, была связана с эволюцией взглядов автора. Ф. Хайек, прежде всего, обращался к проблемам ограниченности знания экономических субъектов. Эти ограничения, по его мнению, связаны не с недостатком навыков и не отсутствием современных способов вычисления, а с неизбежной неопределенностью, которая сопутствует экономическим решениям.

Из анализа определений рынка видно, что на нем действуют многочисленные переплатающиеся и взаимодействующие внутренние и внешние силы, которые, с одной стороны, не всегда явно проявляют свое влияние на рыночные процессы, с другой – недостаточно изучены и formalизованы, чтобы их можно было бы использовать при исследовании и моделировании указанных процессов.

В работе уточнена классификация рынков по количеству продавцов и покупателей, в соответствии с которой рынки представляются как одномерные, переходные и многомерные.

1. Одномерный рынок – это такая ситуация, при которой на рынке имеется только один продавец и один покупатель. В одномерном рынке возникает двусторонняя монополия (или двусторонняя монопсония).

2. Переход от одномерного к многомерному рынку происходит плавно. Между ними имеется множество переходных рынков. Нами выделены два типа переходных рынков, характеризующих процесс перехода в многомерные рынки разнообразными рыночными ситуациями в части комбинаций численности покупателей и продавцов. Первый тип переходного рынка определяется множеством продавцов и одним покупателем. Этот тип рынка многомерен по продавцам и одномерен по покупателям. Второй тип переходного рынка определяется одним продавцом и множеством покупателей.

3. Многомерные рынки характеризуются многомерными связями между множеством продавцов и множеством покупателей.

В указанных рынках возникают самые разнообразные виды конкуренции как между продавцами, так и между покупателями. Такая классификация является иллюстрацией фило-

софской категории перехода количественных отношений (продавцов и покупателей) в качественные (разных видов конкуренций) в сфере экономики.

В результате интерпретации теории спроса и предложения А. Маршалла установлено, что большинство направлений исследования в области классической теории спроса и предложения развивалось применительно к экономическим процессам, характерным для совокупности однотипных потребителей и производителей, однородных товарных потоков и связей. Из-за внутренних социально-экономических преобразований и необходимости адаптации к сдвигам в мировом хозяйстве российская экономика оказалась неоднородной. Ее осмысление и стало одним из приоритетных направлений исследования в данной статье.

В части теории элементов рыночного механизма выяснена недостаточность объяснятельно-предсказательных и описательных возможностей теории спроса и предложения А. Маршалла в условиях неоднородности и нестационарности экономических объектов и субъектов, что отражается в опыте социально-экономических преобразований в России. Это в значительной степени относится и к неоклассической теории рыночного равновесия, основанной на условии минимизации избыточного спроса. Она не учитывает многих реалий и является частным случаем возможного неоднородного рыночного поведения покупателей и товаропроизводителей, описываемого многомерными моделями спроса и предложения.

Нами определяются основные экономические условия, являющиеся источником неоднородности. Главным образом проблема неоднородности порождается имеющимися негативными аспектами преобразований российской экономики, а также особенностями развития экономики в период функционирования плановой системы. Основными из них являются: неравномерность социально-экономического развития; высокая региональная дифференциация населения по уровню дохода, имуществу и географии; неравномерное старение производственных мощностей и потеря научно-техни-

ческого потенциала; утечка капитала за рубеж и высокий уровень долларизации; негативное воздействие мировых и международных финансовых кризисов; изменение мировой конъюнктуры и колебания цен мирового рынка на экспортные и импортные товары.

Устанавливаются разнообразные формы неоднородности применительно к факторам спроса и предложения, в том числе товаров и услуг, потребителей-покупателей, товаро-производителей-продавцов, времени, связанные с различием актов потребления и производства товаров экономическими субъектами, пространств, в которых разворачиваются экономические действия по купле и продаже товаров.

Еще одним важным обстоятельством, влияющим на спрос и предложение, является необратимость факторов спроса и предложения. Графики спроса и предложения, построенные на базе классической теории А. Маршалла, не в полной мере отвечают экономическим представлениям о необратимости факторов спроса и предложения [1]. Классика и материалы учебников подтверждают легкую обратимость графиков кривых спроса. В зависимости от изменения факторов, входящих в перечень «при прочих равных условиях», кривые сколь угодно равноправно могут двигаться вверх и вниз. Если цена возросла, то спрос падает; если цена уменьшилась, то спрос возрастает. Такое упрощенное истолкование свободного движения графика спроса и предложения (от цены и доходов) в сторону повышения и понижения, очевидно, является одним из слабых звеньев в цепи изложения учебного материала.

К числу основных методологических принципов экономической теории рынка в работе отнесены принципы детерминизма, индетерминизма, принцип допущения «при прочих равных условиях», принцип Оккама, а также методы моделирования и другие.

Принцип «при прочих равных условиях» предполагает неизменность всех второстепенных факторов и обстоятельств. В основном он дает удовлетворительные результаты в условиях стационарности и однородности факторов рыночных ситуаций, характерных для развитой

рыночной экономики. В условиях неоднородности факторов спроса и предложения данный принцип может привести к неоднозначным результатам: если цена взаимозаменяемых товаров будет расти слишком быстро, то спрос на товар, который мы рассматриваем, может и возрасти.

Важным методологическим допущением является принцип Оккама, впервые сформулированный английским философом-схоластом Уильямом Оккамом в начале XIV в. Он утверждал, что понятия, не имеющие основания в опытном знании или интуиции, должны удаляться из науки (будучи отсеченными, словно бритвой). В современном понимании этот принцип обычно трактуется как приоритет тех понятий и выводов, которые требуют меньше допущений, чем другие. Например, если некая гипотеза А справедлива при одном допущении, а гипотеза В – при нескольких, то истиной, вероятно, является гипотеза А.

Развиваемая в работе теория спроса и предложения приводит к значительному уменьшению числа допущений по сравнению с теорией спроса А. Маршалла. Поэтому, согласно принципу Оккама, предлагаемые и развивающиеся нами теории спроса и предложения более предпочтительны, чем классическая теория А. Маршалла.

К основным методам исследования, используемым экономической теорией рынка, относено моделирование рыночных явлений и процессов. Выделены следующие модели: статические и динамические, линейные и нелинейные, знаковые, к которым относятся текстовые, графические, математические и компьютерные модели. В работе также показываются и обосновываются место и роль этих моделей в исследовании многомерных рынков.

В работе раскрываются основные причины перехода понятия качества в экономическую категорию, к которым относятся эволюция организационных методов, производственных процессов и технологий. Все многообразие подходов к обеспечению качества можно подразделить на два основных: организационный и экономический. Понятие качества стало

почти тождественно понятию «конкурентоспособность», в том плане, что оба этих понятия направлены на удовлетворение потребностей: качественный товар считается конкурентоспособным.

Таким образом, качество как один из элементов конкурентоспособности объекта можно рассматривать в роли основополагающего фактора экономической категории «конкурентоспособность». Повышение качества товара является одним из условий фактического удовлетворения запросов покупателей. Однако оценка качества товара и уровня удовлетворения запросов покупателей – сложная задача. Удовлетворение запросов потребителей – это своеобразная мера соответствия параметров объекта параметрам запроса потребителей. Соответствие параметров объекта параметрам запросов потребителей может быть измерено обобщенными показателями качества, которые нами введены на основе выбора соответствующей меры.

В работе предложен новый подход измерения уровня качества, базирующийся на экономической трактовке понятия качества и использования меры сходства между параметрами качества товара и требованиями потребителей. На базе такого подхода введены обобщенные меры удовлетворения потребностей потребителей, на основе которых предложены новые методы анализа и оценки уровня удовлетворения потребностей потребителя.

Оценка удовлетворения запросов потребителей товара производится путем сопоставления параметров анализируемой продукции с параметрами базы сравнения потребностей потребителей. Сравнение проводится по группам технических и экономических параметров.

Обобщенные показатель качества и мера удовлетворения потребностей потребителей, вводимые на основе меры сходства между параметрами объекта и базы сравнения, должны удовлетворять следующим трем условиям.

Первое условие показателя качества является условием максимального соответствия объекта базе сравнения, например, удовлетворения потребителей и означает идеальный или потен-

циально достижимый уровень качества. *Второе* условие является условием симметричности. *Третье* условие показывает монотонное убывание показателя качества с расхождением параметров товара и требований потребителей.

Экономический смысл симметричности меры сходства связан с ее однозначной возможностью применения данного показателя качества как потребителями, так и товаропроизводителями. В области изучения отношений потребителей мера сходства может быть использована как показатель отношения потребителей к товару. Показатель отношения потребителей к товару – это величина меры сходства (соответствия) между параметрами потребности потребителей и товара, а при исследовании качества товаров на рынке мера сходства применяется как показатель качества товара. Отметим, что аналогами показателя качества являются обыкновенные весы или мера длины «метр». Они используются как продавцами, так и производителями для определения веса или измерения длины товаров.

Таким образом, показатель качества – это величина меры сходства между параметрами

базы сравнения и объекта (товара или услуги). Сравнивая между собой показатели качества объектов по отношению к каждому потребителю, можно определить уровень качества каждого товара по отношению к другим.

В заключение отметим, что в данной статье обосновывается новое научное направление исследования многомерных рынков при неоднородности экономических объектов и субъектов хозяйствования, основными элементами которого являются выявление устойчивых взаимных связей спроса, предложения и конкурентоспособности в многомерном пространстве факторов.

Список литературы

1. Маршалл А. Принципы политической экономии. – 3 т. – М.: Прогресс, 1983.
2. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем: опыт исследования децентрализованной экономики; пер. с фр.; под науч. ред. Н.А. Макашевой. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 248 с.
3. Сафиуллин Н.З. Многомерный рынок: теория и методология. – Казань: Изд-во КГУ, 2002.

В редакцию материал поступил 02.03.07.

УДК 001.8

М.Н. ХАБРИЕВА,
доктор экономических наук, профессор,
grand doctor of philosophy, full professor (Belgium)

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ЭКОНОМИКА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наука имеет самостоятельную ценность, и вопросы экономики научных исследований необходимо рассматривать в системе общественных отношений. Это положение не самоочевидно, оно требует обоснования, исходя из общих положений экономических теорий. В статье предпринята эта попытка.

Научные знания как продукт научного труда имеют специфическую форму существования – это информация о законах развития природы, общества и способах их практического применения. Главной особенностью научного труда является его интеллектуальная природа. Экономический результат использования научных знаний выражается в увеличении массы потребительных стоимостей и снижении стоимости их единицы.

Экономическая функция стоимости есть отражение в продукте (товаре, услуге) общественно необходимых затрат труда.

Экономическая функция потребительной стоимости – выражение отношений между свойствами благ и потребностями людей. А новые потребительные стоимости – это особая проблема, связанная с формами материализации научных знаний.

В условиях товарного производства научные знания имеют свою стоимость, что и составляет экономическую природу научных знаний. Применение понятий стоимости к фундаментальным научным знаниям является условным.

Научное познание направлено на повышение производительности конкретных видов труда (совершенствование продукции и т.д.). Основой развития производительных сил является конкретный труд. В результате конкретного труда создаются потребительные

стоимости. Повышение производительности труда увеличивает массу потребительных стоимостей (а не величину самой стоимости), в результате чего стоимость каждой единицы потребительной стоимости уменьшается. При этом всеобщий характер научного труда вызывает долговременное воздействие научных знаний на повышение производительности труда и процесс воспроизводства. Под увеличением массы потребительных стоимостей имеются в виду изменения состава и потребительских свойствах отдельных продуктов (или товаров, услуг). Многие из этих изменений – продукт научно-технического прогресса.

Научные знания, являясь особым продуктом общественного труда, имеют самостоятельную ценность как часть духовной культуры человечества. Входя в систему общественных отношений, они становятся ее частью. Научные знания едины, их стоимость неразложима по функциям. С точки зрения общественного труда, научные знания выполняют мировоззренческую, производительную и другие функции.

Процесс функционирования научных знаний взаимосвязан с проблемами их развития, например:

1) с проблемой превращения фундаментальных знаний в прикладные научные знания;

2) с проблемой преобразования научных знаний в качественно новые производительные силы.

Не всякие научные знания служат развитию производительных сил. Степень разрешения проблем функционирования и развития научных знаний зависит от динамики множества связей и взаимосвязей, к примеру, это:

1) взаимосвязь закономерностей развития науки с процессом материализации научных знаний;

2) взаимосвязь процессов функционирования и развития продукта научного труда;

3) взаимосвязь качества продукта исследования со стоимостью научных знаний.

Диспропорции между данными взаимосвязями формируют причинные связи, разрушающие процессы функционирования научного труда.

Существует ряд закономерностей развития научных знаний и научного труда, например:

1. Закономерности развития научных знаний:

- временное и пространственное единство научных знаний и научного труда;

- научные знания переводят все виды труда на научную основу;

свойство научных знаний экономить затраты труда способствует росту общественного богатства;

- возрастание общественной потребности в научных знаниях связано с социально-культурными процессами и военно-экономическими потребностями;

- чем прочнее связь поколений ученых, чем устойчивей научные традиции и школы, тем сильнее времененная всеобщность научного труда и т.д.

2. Закономерности функционирования научного труда:

- в научном труде каждого поколения существует труд его предшественников;

- усложнение общественных потребностей ведет к увеличению масштабов и доли научного труда;

- сложность научного труда увеличивает общественно необходимые затраты и стоимость научных знаний;

- нарастание сложности научного познания замедляет повышение производительности научного труда и т.д.

3. Закономерности развития научного труда:

- повышение производительности научного труда связано с использованием закономерностей процесса познания;

- каждый вид научного труда тем производительней, чем полнее познание объективных законов;

- кооперация научного труда повышает его производительность;

- конечные экономические результаты научного труда определяются природой открывающихся им закономерностей и т.д.

Данные закономерности позволяют решать частные задачи материализации научных знаний, например, снижение цены и удельной себестоимости продукции.

С точки зрения результативности научный труд обладает значительной неопределенностью. Научное познание происходит на границе неизвестного. Поиск практически значимых научных идей ведет к высокой «смертности» исходных научных идей. Выдвижение новой концепции (теории) приводит к выявлению новых качеств предмета. Фактор неопределенности влияет и на параметры качества продукта научного исследования. К параметрам качества продукта научного исследования можно отнести, в частности: расширение областей применения теорий; создание теории на основе обобщения уже существующих теорий; выявление новых предметов (наук) и др. На параметры качества продукта научного исследования влияет стоимость научных знаний.

Здесь мы подошли к вопросу, ответ на который позволяет раскрыть понятие стоимости научных знаний. Стоимость научных знаний определяется затратами общественно необходимого труда. Отправными являются здесь понятия двойственного характера научного труда. Наука воздействует на обе стороны труда – конкретный и абстрактный. Из этого проистекает единство стоимости и потребительной стоимости научного труда. Конкретный научный труд обращен к окружающему человека внешнему миру, а научный труд, обращенный к естественным силам человека, может быть сведен к абстрактному труду.

Общественная потребность в научных знаниях определяется временной и пространственной ограниченностью производительных сил, а общественная потребность в экономии труда порождает затраты научного труда. Зависимость экономии труда от затрат труда в сфере науки обуславливает объективные основы формирования общественно необходимых затрат самого научного труда, которые определяются общественными потребностями в научных знаниях.

Обзор общественных потребностей в научных знаниях выявляет экономические возможности процесса материализации научных знаний. Экономические возможности открываются в результате появления новых перспективных технологий (новых потребительных стоимостей), которые способствуют росту рыночного спроса и формируют на мировом уровне новые рынки (емкость рынка измеряется в миллиардах долларах), например:

1. Группа новых материалов (сверхлегкие сплавы, биоматериалы и т.д.), их применение расширяет функциональные возможности разнообразных изделий. Новые полупроводниковые приборы позволяют обеспечить многофункциональный режим работы, снизить стоимость изделий и т.д.

2. Искусственный интеллект (электронные, электромеханические системы и т.д.) имеет перспективы в самых разных отраслях производства. Перспективы биотехнологии (генетическая инженерия, биоэлектроника и т.д.) обеспечивают производителей высокой добавленной стоимостью.

3. Применение технологий цифровой обработки изображений дает положительный эффект в областях контроля и испытания производственного процесса, полиграфии, связи и т.д.; гибкие высокоавтоматизированные системы на основе ЭВМ позволяют снизить стоимость и время изготовления продукции, повысить ее качество, сократить издержки и т.д.; запоминающие устройства с высокой плотностью хранения информации способствуют развитию спроса на аудио- и видеотехнику, вычислительную технику и т.д.

4. Новые медицинские технологии уменьшают риск возможных травм в процессе диагностики и лечения.

5. Перспективы оптоэлектроники связаны с созданием волоконно-оптических систем связи, механических и тепловых датчиков, увеличением объема хранения и скорости переработки информации.

6. Расширение использования сенсорных технологий в материаловедении, энергетике, различных отраслях промышленности повышает точность измерения контролируемых параметров в условиях реального времени. Сверхпроводимость, дальнейшее развитие этого направления связана с производством электротехнического оборудования, медицинской диагностикой, транспортом, физикой высоких энергий и т.д.

Особая значимость отдельных научных достижений связана с индивидуальными способностями ученого и не увеличивает стоимость научных знаний. Уникальность отдельных научных результатов отражает особую потребительную стоимость нового научного знания, которая увеличивает общественно необходимые затраты и стоимость научных знаний.

Развитие новых перспективных технологий вывело процесс материализации научных знаний на новую стадию – технология становится научной, а наука делается технологичной. Радикально меняется характер взаимодействия науки, техники, технологии, например, для процесса материализации научных знаний характерна следующая форма: наука – технология – техника – новый продукт – новая потребительная стоимость. Формула показывает, что наука реализуется, прежде всего, в технологии:

Процесс материализации научных знаний существенно размывает грань между наукой и технологией, что оказывает принципиальное влияние на общественные потребности и производственные отношения (меняется структура затрат общественно необходимого труда, упрощаются процессы управления, резко повышается производительность труда).

Новые научные знания формируют технологии, включающие в себя технику и ряд гуманитарных, социальных, экологических, экономических, управлеченческих подсистем. В результате наблюдаются следующие процессы: высокая интеллектуализация техники и технологических процессов; радикальное изменение условий и содержания труда; упрощение и демократизация процессов управления и принятия решений.

При этом происходит усиление взаимопроникновения научных дисциплин. Объединяющим фактором являются единые проблемы, к решению которых привлекаются различные подходы и методы наук, например, проблема реализации научных знаний на технологических уровнях. Подход к решению проблемы – создание технических и технологических систем в рамках методологии выбора конкурентоспособных решений.

Конкурентоспособность процесса материализации научных знаний требует от каждого участника этого процесса повышения производительности интеллектуального потенциала.

Настоящее и будущее экономики научных исследований зависит во многом от того, как общество решает задачу эффективного использования потенциальных возможностей научно-технологической стадии процесса материализации научных знаний (рис. 1).

Экономика научных исследований имеет ряд закономерностей развития, например: закономерность сохранения старых структур; закономерность дифференциации; закономерность специализации; закономерность изменения критериев эффективности; закономерность удешевления единицы полезного эффекта; частные закономерности изменения структуры (систем). Указанные закономерности развития экономики научных исследований

Рис. 1. Экономика научных исследований

позволяют решать частные задачи: снижение удельной себестоимости и цены научной продукции или другого полезного эффекта и т.д.

Все сказанное выше позволило автору сделать следующие выводы:

1. Экономики научных исследований включают в себя

- набор и последовательность действий (операций) по материализации научных знаний;
- процесс интеграции социальных, экономических, экологических, гуманитарных, управлеченческих и др. подсистем;
- радикальное изменение характера взаимодействия науки, техники и человека.

2. Основной единицей анализа производительности научных знаний становится технология, включающая в себя науку. Современная

технология существует как сумма или система технологий, в которых стержневую роль играет информационная технология.

3. Максимально эффективное использование потенциальных возможностей науки становится одной из центральных задач общества.

Список литературы

1. Хабриева М.Н. Теоретические вопросы конкуренции / М.Н. Хабриева // сб. науч. тр. / ТИСБИ. – Казань: ТИСБИ, 2000. – С.
2. Хабриева М.Н. Теоретические аспекты формирования причинных связей в рыночной среде / М.Н. Хабриева // сб. науч. тр. / ТИСБИ. – Казань: ТИСБИ, 2002.

В редакцию материал поступил 05.03.07.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ (РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА, ЭКОНОМИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОТРАСЛЯМИ, КОМПЛЕКСАМИ)

УДК 332.12

Р.В. КАШБРАЗИЕВ, кандидат экономических наук, доцент,
М.В. ПАНАСЮК, доктор географических наук, профессор

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ КАК ФОРМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассмотрены теоретические вопросы исследования региональных кластеров как формы территориальной организации производительных сил в условиях рыночной экономики. Предложены методы решения задач размещения кластерообразующих предприятий и их влияния на развитие экономической системы региона. Приводятся результаты решения задачи размещения предприятий, полученных на основе: 1) метода сравнительных издержек; 2) отраслевой многопродуктовой модели. Это позволяет авторам обосновать выбор оптимального варианта территориальной организации производственно-сбытовой сети кластерообразующих предприятий нефтехимии и других ведущих отраслей региональной экономики.

Расширение процесса глобализации, переход развитых стран в постиндустриальную стадию во многом меняют внешнюю среду и направления развития стран и регионов. В этих условиях повышение конкурентоспособности региональной экономики требует разработки новых направлений стратегии развития, ориентированных на повышение эффективности экономической системы региона на базе комплексности использования его природного и социально-экономического потенциала, и создание на этой основе благоприятных условий для бизнеса.

Одним из перспективных направлений данного плана является формирующаяся теория производственного кластера. Она охватывает широкий спектр проблем, включая как производственно-технологические, финансово-

экономические, так и проблемы управления кластерами как территориальными формациями. Теория производственного кластера обобщает исследование отраслей территориальной специализации, ключевых фирм – лидеров отрасли, сетей внутрирегиональных производителей-поставщиков, производственной и рыночной инфраструктуры.

Анализ современной организации производства такого ключевого региона России как Республика Татарстан (РТ), показывает завершение формирования ярко выраженных ключевых фирм – лидеров новой экономики, относящихся к нефтегазохимической отрасли, энергетике, авиации, автомобилестроению, агропромышленному комплексу (АПК) [1]. Все отмеченные предприятия являются комплексообразующими и в пределах зон их влияния

формируют предпосылки возникновения, соответственно: 1) нефтегазохимического; 2) энергетического; 3) автомобильного; 4) авиационного и 5) агропромышленного кластеров. В республике создаются предпосылки организации управления производственными кластерами.

В этих условиях необходимо формировать новые подходы к решению проблем организации и планирования экономической базы региона, в том числе к оптимизации территориальной организации его производительных сил. Данная работа имеет целью рассмотрение проблем территориальной организации предприятий в условиях формирования региональных кластеров, а также моделирования территориальной организации кластерообразующих предприятий и их влияния на развитие экономической системы региона.

В качестве объекта исследования рассматриваются предприятия, занимающиеся производством упаковочных материалов и тары (одно из наиболее перспективных направлений в современной нефтехимии).

Формы территориальной организации производства в условиях рыночной экономики

За последние два десятилетия был создан ряд концепций конкурентоспособности стран и регионов, которые легли в основу создания стратегий конкурентного развития национальных экономик. Конкурентоспособность национальной экономики определяется как концентрированное выражение экономических, научно-технических, производственных, организационно-управленческих, маркетинговых и других возможностей, реализуемых в товарах, успешно противостоящих зарубежным товарам как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Все эти возможности географически дифференцированы и являются характерными особенностями той или иной территории [2].

Концепцией, получившей наибольший резонанс как в научных, так и в общественных кругах, стал ромб конкурентных преимуществ, предложенный американским экономистом

М. Портером, который указал на ключевую роль местоположения в создании конкурентных преимуществ. Согласно его концепции, группа расположенных на одной территории компаний и организаций, действующих в определенном секторе экономики и взаимодополняющих друг друга, формируют основу промышленного кластера. Ключевую роль в процессах кластерообразования играет конкурентоспособность местоположения [3]. Конкурентоспособность компании нельзя объяснить, анализируя только внутренние источники ее развития, компанию и отрасль необходимо рассматривать в своем региональном контексте. Преимущества места, определенного экономико-географического положения создают предпосылки концентрации предприятий и организаций различных отраслей и сфер экономической деятельности, то есть формирования кластера.

Исследования М. Портера показали, что регионы обладают главными конкурентными преимуществами в нескольких группах смежных отраслей промышленности, наиболее конкурентоспособные фирмы которых дают большую часть мирового экспорта. Наиболее конкурентоспособные смежные отрасли, расположенные в регионе, образуют промышленные кластеры.

Термин «региональный кластер» был предложен М. Энрайтом для дефиниции пространственного скопления взаимосвязанных предприятий, схожих по своей специализации компаний [4]. В его работах региональный кластер определен как промышленный кластер, в котором фирмы – члены кластера (работающие в одной или нескольких родственных отраслях экономики) – образуют территориальную агломерацию. Фирмы концентрируются на определенной территории из-за очевидных преимуществ экономико-географического положения. Более того, конкурируя друг с другом, кластерные фирмы повышают свою общую конкурентоспособность по сравнению с фирмами, расположенными вне кластера.

Необходимо также отметить, что региональный кластер включает в свой состав группу экономически взаимосвязанных предприятий и

организаций, относящихся к отрасли специализации, и группу предприятий, оказывающих им сервисные услуги.

В развитии региональных кластеров, даже в условиях развитых рыночных отношений, велика роль государства. Так, Ito A. и Hideaki A. [5] отмечают, что в трудных условиях структурных реформ и комплексных проблем инновационного развития регионов необходима государственная стратегия формирования региональных кластеров, где вовлеченности государства отводится важное место.

В рыночной системе предприниматель сам определяет место и форму вложения своих инвестиций, исходя из принципа максимизации прибыли, поэтому кластеры формируются под влиянием законов рыночной конкуренции, при относительно незначительном воздействии органов регионального управления. Однако по мере возникновения экономического ядра кластера процесс их развития все в большей степени зависит от поддержки системы государственного управления, что требует определения позиций и выполнения функций контроля и регулирования развития кластера.

Кластеры формируются на базе территориального сочетания различных производств, ориентированных на экспорт или конечное потребление в сферах информационно-коммуникационных технологий, производства медицинских препаратов, отраслях электроники и электротехники, легкой промышленности, АПК и т.д.

Основной принцип взаимодействия предприятий, входящих в кластер, – конкуренция и кооперация. Конкурируя друг с другом и одновременно образуя альянсы, кластерообразующие фирмы повышают свою общую конкурентоспособность по сравнению с фирмами, расположенными вне кластера. Кластеры отличаются также быстрым увеличением объема информационных связей, включающих обмен идеями, «ноу-хау», технологиями, между входящими в состав кластера предприятиями.

На сегодняшний день наиболее важными факторами размещения в постиндустриальной экономике являются энергетический фактор для добывающих производств и фактор труда для

массовых и новейших производств обрабатывающей промышленности.[6]. Основной целью размещения новых предприятий является снижение общих издержек производства. В зависимости от отраслевой принадлежности, это может быть снижение (в разных сочетаниях) транспортных затрат, затрат на сырье, рабочую силу и т.д. Общей закономерностью является преобладание факторной (веберовской) системы размещения в добывающих отраслях производства, иерархической (кристаллеровской) – в отраслях обрабатывающей промышленности, факторной – в новейших высокотехнологичных отраслях производства.

Обращает на себя внимание то, что факторная система размещения новейших производств задается преимущественно ранними стадиями «продуктового цикла». Учитывая, что развитие информационно-коммуникационных технологий формирует важную область кластерообразования, данная система может стать определяющей при решении задач развития и размещения новых предприятий, а также при принятии инвестиционных решений. Это приводит к тому, что при обосновании территориальной организации производств в пределах формирующего кластера следует придерживаться преимущественно схем «штандартных решений».

Решение задач размещения предприятий кластера на основе метода сравнительных издержек

Производство тары и упаковочных материалов может стать важнейшим направлением развития экономики Республики Татарстан на ближайшее десятилетие. Упаковка является не только важнейшей составляющей производства (строительной, электронной, автомобильной, мебельной и медицинской промышленности) и реализации товаров, но и определенным образом характеризует образ жизни, уровень развития общества. Качественная, высокотехнологичная упаковка, обладающая хорошим дизайном, выполняет как защитные функции при транспортировке и хранении, так и является

немаловажной частью усилий по продвижению продукции на рынке.

Решению задачи по выбору места размещения производства предшествует анализ рыночного спроса на производимый товар. Рынок упаковки является наиболее важным в сфере полимеров, так как в этом сегменте потребляется около трети производимых полимерных материалов. Отечественная тароупаковочная отрасль интенсивно развивается. В начале 90-х гг. в России производилось около 30 кг упаковки на душу населения в год. В настоящее время уровень производства упаковки составляет по различным оценкам 60–80 кг на человека в год. Аналогичный показатель в Германии и США составляет 190 и 230 кг соответственно.

В Российской Федерации быстрый подъем отрасли начался в 1999 году. Его стимулировал рост производства потребительских товаров и спрос на новые упаковочные материалы. В секторе потребительской упаковки отмечалась наибольшая рентабельность – 70%. Благодаря бурному развитию пищевой промышленности, на долю которой приходится половина всей потребляемой упаковки, до 2002 года темпы роста рынка составляли 50 – 100% в год. Затем динамика производства упаковки снизилась и сейчас составляет 10 – 15%. В настоящее время проявляется новая тенденция рынка, означающая его вхождение в качественно новую фазу: стали расти сегменты более дорогой и высокотехнологичной упаковки.

Упаковка, производимая на основе полимерных материалов, – второй по величине сегмент российского рынка: на ее долю приходится 36% потребления упаковки в целом и 60% – в пищевой промышленности. Емкость рынка упаковки из полимерных материалов оценивается в 1,2–1,3 млрд долл. в год.

Рассмотрим одну из частных задач размещения производства тары – лотков для перевозки продукции – в формирующемся нефтехимическом кластере РТ (постановка задачи, сбор и обобщение представленного в табл. 1–6 материала проводилась Р.М. Сабитовым). Зная, что только одна сеть продуктовых супермар-

кетов потребляет в год от 6 до 8,4 млн лотков, можно рассчитать необходимое количество лотков для удовлетворения потребностей в данной продукции 14-ти регионаобразующих населенных пунктов РТ, включая Азнакаево, Альметьевск, Бавлы, Бугульму, Буйнск, Елабугу, Заинск, Зеленодольск, Казань, Лениногорск, Набережные Челны, Нижнекамск, Нурлат, Чистополь. Общие годовые потребности в данном виде продукции составят примерно 500 млн штук. Это обуславливает необходимость размещения мощностей в 1190 т в год, что соответствует производительности примерно 4-х единиц производственного оборудования.

Критерием оптимизации размещения была выбрана минимизация затрат как наиболее подходящая для новых производств в условиях формирования регионального нефтехимического кластера при наличии устойчивого внутрироссийского и регионального рынков сбыта. Таким образом, необходимо разместить 4 производственные линии так, чтобы затраты на производство и транспортировку как сырья, так и готовой продукции были бы минимальными.

При расчетах по оптимальному размещению возникает проблема выбора наиболее важных видов издержек, то есть разделение затрат на относительно постоянные, слабо варьируемые от города к городу/району и существенно дифференцируемые в разных городах/районах. В данной задаче последним видом издержек выступают затраты на транспортировку готовой продукции, которые, как показал анализ, существенно удорожают ее стоимость.

Расчет транспортных затрат на перевозку сырья для производства продукции обусловлен заданной совокупностью поставщиков, находящихся в населенных пунктах: Нижнекамск, Казань и Екатеринбург. Для решения задачи строится известная матрица суммарных транспортных затрат, включающих как затраты на доставку сырья, так и затраты на доставку готовой продукции. Строки и столбцы в ней относятся к одним и тем же городским посе-

лениям, так как любое из них является основным потребителем и вместе с тем, потенциальным производителем продукции.

Анализ по методу сравнительных издержек позволил авторам выбрать в качестве пункта размещения производства г. Набережные Челны, для которого, как видно из таблицы, транспортные затраты минимальны (ок. 83 млн руб.). Производственная и инфраструктурная базы города таковы, что возможно разместить все 4 установки, обеспечивающие полное удовлетворение потребностей в упаковочной продукции выбранных городов. Размещение производства в данном городе усиливает позиции складывающегося нефтехимического кластера Северо-Восточного экономического района РТ с основным центром в г. Нижнекамском.

Решение задач размещения предприятий кластера материалов на основе отраслевой многопродуктовой модели

Создание нетканых материалов – второе перспективное направление развития нефтехимического кластера РТ. Объем и темпы роста данного производства намного выше, чем у многих видов продукции данной отрасли. Эта особенность обусловлена тем, что в технологиях производства нетканых материалов заложен короткий и дешевый путь получения широкого ассортимента текстильных полотен, отличающихся высокими потребительскими качествами.

Производство нетканых материалов в мире за последние 10 лет увеличилось почти в 3 раза, составив, в частности, в 2002 г. 3 млн т в год. Оно в основном сосредоточено в Западной Европе, США, Японии и Китае.

В рассматриваемой постановке задачи в качестве нетканого материала выступает спанбонд – материал из 100% полипропилена, который находит применение в самых разных отраслях промышленности в качестве дешевого заменителя более дорогих тканей и как материал для изготовления одноразовой одежды, в том числе медицинской и технической. В общей сложности весь объем потребления спанбонда

в России можно оценить в 700 – 800 т/мес.

При решении данной задачи был проведен предварительный анализ затрат, определяющих выбор оптимального варианта размещения данного вида кластерообразующего производства. По его итогам в состав основных статей были включены все виды производственных затрат, в первую очередь затраты на оборудование, строительно-монтажные работы, а также на транспортировку, которые являются главными факторами, обуславливающими размещение производства.

Для решения рассматриваемой задачи была разработана модель развития и размещения производства. Основными параметрами модели являются:

1. Количество пунктов производства – m .

2. Количество видов изделий, относящихся к разновидностям спанбонда (количество видов продукции), – p .

3. F – количество размещаемых линий оборудования.

4. c_{ik} – затраты производства k -го вида продукции в i -м пункте, включающие все отмеченные выше определяющие статьи себестоимости.

5. A_{ik} – предполагаемый при заданных затратах объем производства k -го вида продукции в i -м пункте.

6. b_k – прогнозируемые потребности рынка в k -м виде продукции.

Переменные модели, обозначаемые, как x_{ik} , относятся к диахотомическим, и принимают два значения – 0 или 1. $x_{ik} = 1$ показывает, что в i -м пункте необходимо производить k -й вид продукции, а $x_{ik} = 0$, что производство размещать нецелесообразно в силу неэффективного в данных условиях.

Целевая функция – $L(x_{ik})$ задает суммарные затраты на производство и транспортировку продукции. Она минимизируется.

$$L(x_{ik}) = \sum_{i=1}^m \sum_{k=1}^p c_{ik} x_{ik} \Rightarrow \min$$

Ограничения модели включают:

1. Условие удовлетворения спроса по всем видам продукции:

$$\sum_{i=1}^m A_{ik} \times x_{ik} \geq b_k.$$

2. Условие соответствия числа выбранных вариантов размещения предполагаемому числу линий оборудования:

$$\sum_{i=1}^m \sum_{k=1}^p x_{ik} = F.$$

$$3. \quad \sum_{k=1}^p x_{ik} \leq 1.$$

$$4. \quad x_{ik} \geq 0.$$

При решении задачи были заданы пять видов спанбонда и предварительно отобраны 11 пунктов возможного размещения производства

(табл. 1). Предполагается размещение трех технологических линий.

Предполагаемый при заданных затратах объем производства k -го вида продукции в i -м пункте рассчитывается как определенная в бизнес-плане стоимость 1 кг продукции, умноженная на планируемый годовой объем производства (табл. 2).

Потребности в продукции определялись на основе маркетинговых исследований рынков России (табл. 3).

Итоги решения задачи показали, что производство первого, третьего и четвертого продукта целесообразно, а производство второго и пятого должно быть признано неэффективным в условиях заданного региона. Общая потребность рынка по выбранным видам продукции составляет 348 млн руб.

По мнению авторов, все три заданные производственные линии должны быть размещены в одном населенном пункте – г. Казани. При этом достигается минимальная величина производственно-транспортных затрат, составившая примерно 306 млн руб. Исходя из этого необходимо сделать выводы о том, что в состав

Таблица 1

Затраты (c_{ik}) на производство k -го вида продукции в i -м пункте, тыс. руб.

	c_{ik}				
	1	2	3	4	5
г. Елабуга	106 009	106 008	106 010	106 008	106 009
п. Камские Поляны	114 163	114 160	114 170	114 168	114 161
п. Прости	126 394	126 395	126 390	126 401	126 388
г. Мамадыш	114 163	114 174	114 182	114 155	114 169
г. Казань	101 931	101 940	101 931	101 920	101 952
г. Зеленодольск	106 008	106 020	106 000	106 092	106 009
п. Юдино	114 163	114 168	114 155	114 160	114 182
п. Васильево	122 317	122 320	122 318	122 242	122 214
г. Наб. Челны	106 008	106 008	106 034	106 048	106 000
г. Менделеевск	114 163	114 155	114 172	114 213	114 048
г. Заинск	122 317	122 224	122 185	122 401	122 372

Таблица 2

**Предполагаемые объемы производства k -го вида продукции
в i -м пункте производства, млн руб.**

	A_{ik}				
	1	2	3	4	5
г. Елабуга	124	124	152	166	195
п. Камские Поляны	124	124	152	166	195
п. Прости	123	123	151	165	193
г. Мамадыш	125	125	153	167	195
г. Казань	126	126	154	169	197
г. Зеленодольск	126	126	155	170	199
п. Юдино	126	126	154	169	197
п. Васильево	126	126	155	169	198
г. Наб. Челны	123	123	151	165	193
г. Менделеевск	124	124	152	166	194
г. Заинск	124	124	152	166	194

Таблица 3

Потребности в продукции производства спанбонда (тыс. руб.)

Вид продукции	1	2	3	4	5
Потребности (b_k)	130 000	17 000	113 000	105 000	97 000

перспективного нефтехимического кластера РТ должны войти территории зон экономического влияния двух основных центров – г. Казани и г. Нижнекамска, которые формируют экономические микрорайоны Северо-Запада и Северо-Востока республики.

Полученные оптимальные значения показателя объема производства, представленные в

табл. 4, показывают, что формирование производственных мощностей в Казани удовлетворит рыночный спрос по выбранным видам продукции.

Итоги маркетинговых исследований обусловили необходимость решения задачи при альтернативном варианте потребностей рынка в продукции (табл. 5).

Последующие расчеты показали, что в

Таблица 4

Объемы производства по выбранным в результате решения видам продукции, тыс. руб.

Вид продукции	1	2	3	4	5
Объемы производства	125633,0	0	154073,8	168505,1	0

Таблица 5
Потребности в продукции производства спанбонда, тыс. руб.

Вид продукции	1	2	3	4	5
Потребности (b_k)	150 000	59 000	95 000	70 000	57 750

нефтехимическом кластере Республики Татарстан целесообразно размещать производство первого и четвертого видов продукции, а производство второго, третьего и пятого – неэффективно по приведенным затратам.

Оптимальный вариант размещения производства первого продукта включает два пункта – г. Зеленодольск и п. Васильево, а второго – п. Прости. Минимальные затраты на развитие и размещение производства при данном варианте составят примерно 355 млн руб. против 306 млн руб. по предыдущему.

В Республике Татарстан на данном этапе развития экономики можно выделить следующие потенциальные кластеры: нефтегазохимический, энергетический, автомобильный, авиационный, агропромышленный.

Развитие предложенных методов анализа размещения предприятий позволит в перспективе обосновать выбор оптимального варианта территориальной организации производственно-сбытовой сети кластерообразующих предприятий нефтехимии и других ведущих отраслей региональной экономики. Рассмотренная многопродуктовая отраслевая модель позволяет решать задачи нахождения оптимума производства продукции при минимизации затрат на производство, строительство, транспортировку сырья, доставку продукции, а также ряд подобных задач для различных отраслей нефтехимии.

При предложенных способах решения задач используется такой вид стратегии организации производства и размещения новых предприятий, как минимизация издержек. Он основан на том, что на региональный или мировой рынок выходит тот производитель, себестоимость продукции которого ниже, чем у конкурентов. Такая стратегия полностью соответствует классическим схемам

размещения производства, и она оправдана в условиях формирования региональных кластеров.

Естественно, дальнейшее развитие региональных производственных кластеров, внедрение системы кластерного управления отраслями специализации региона потребуют новой стратегии, учитывающей дифференциацию производства товаров и услуг, ориентацию на узкоспециализированные сектора в самых разных регионах и странах, тесную кооперацию с научно-исследовательскими организациями, входящими с промышленными предприятиями в один кластер.

Поэтому в дальнейшем для разработки методологии анализа развития производственных кластеров Республики Татарстан потребуется детальный анализ социальной, экономической, политической жизни республики и всей рыночной конъюнктуры в целях принятия решения для создания кластерной инициативы по ведущим, уже существующим и перспективным производствам.

Список литературы

1. Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету. – Казань, 2006.
2. Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ; под ред. Н.С. Мироненко. – М. – 2002.
3. Портер М. Конкуренция; пер. с англ. – СПб.: ИД «Вильямс», 2000.
4. Enright M. Why Clusters are the way to win the game? // World Link. – N 5. – July / August, 1992.
5. Ito A., Hideaki A. The strategic implications of formation of regional industrial clusters by pluralistic approaches of the regional employment analysis and the competitive development model. – The 42nd Congress of the Regional Science Association. – Dortmund, Germany, August, 2002.
6. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина, сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. – М.: Альфа. – 2003.

В редакцию материал поступил 29.01.07.

УДК 658.11:657.9

Т.В. КРАМИН,
кандидат физико-математических наук, магистр экономики (США)

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СТОИМОСТЬЮ КОМПАНИИ

В работе рассмотрена специфика использования теорий трансакционных издержек и агентских отношений в практике управления стоимостью компаний. Определяется роль теории интересов и корпоративной социальной ответственности в формировании социальных ограничений в задаче максимизации стоимости бизнеса.

Трансакционные издержки и агентские отношения буквально призывают все систему управления стоимостью компании. Управление трансакционными издержками содержит огромный потенциал роста стоимости бизнеса, в особенности в России. Значительная доля трансакционных издержек приходится именно на агентские отношения.

Постулаты неоклассики основаны на допущении об отсутствии трансакционных издержек и наличии только производственных (трансформационных) издержек в экономических процессах. Однако данное грубое ограничение снимается в неоинституционализме. Допущение ненулевых трансакционных издержек существенно уточняет подходы к оценке и управлению стоимостью бизнеса, поскольку, как показывает практика, они могут быть достаточно высокими. Измерение трансакционных издержек и управление ими, как и производственными издержками, является мощным инструментом формирования корпоративной стратегии в рамках системы управления стоимостью компании.

Концептуальное решение вопросов корпоративного управления и, прежде всего, вопросов взаимодействия основных субъектов функционирования бизнеса становится возможным только при отказе от рассмотрения фирмы как неделимой единицы, которая принимает и

исполняет решения как индивидуальный агент. Возникновение и глобальное распространение крупных корпораций привело к неизбежности развития институтов делегирования полномочий управления. Теория агентских отношений изучает ситуации, в которых одно лицо (принципал) поручает другому лицу (агенту) выполнить некоторые задачи в интересах принципала. Решение этих задач не всегда находится в рамках интересов агента. Принципал может достичь этого результата посредством морального убеждения или социально-материального стимулирования агента.

Теоретическим и методологическим фундаментом агентских отношений является институциональный подход. В неоклассической экономической теории поведение индивида предполагается экономически рациональным. Созданная таким образом модель «экономического человека» предполагала, что действия человека по поводу извлечения полезности из экономических благ полностью рациональны. Такое допущение требует выполнения следующих условий:

1) индивид руководствуется только своими собственными желаниями и предпочтениями в экономических вопросах;

2) отсутствуют какие-либо внешние ограничения для обмена, препятствующие достижения максимума полезности индивида;

3) информация, необходимая для принятия решений в целях достижения его максимальной полезности, полна и доступна индивиду;

4) отсутствуют неэкономические инструменты повышения полезности.

Данная идеальная картина в реальности не существует, так как на индивида оказывают влияние другие индивиды и различные ограничения. В частности, предпочтения одних людей определяются предпочтениями других, поэтому предпочтения индивида нельзя считать независимыми.

Критикуя неоклассику как «экономику классной доски» институционалисты вместо модели «человека экономического» предложили модель «человека социального», для которого важным является реакция других людей на его действия. Институционализм, кроме того, выделяет еще два вида ориентации на собственный интерес, кроме непосредственного следования своим интересам, кроме эгоизма, принятого неоклассической экономической теорией: оппортунизм, послушание и др.

Современная практика корпоративного управления характеризуется, с одной стороны, чрезвычайной актуальностью агентских отношений, с другой – множеством проблем, связанных с их многообразием и многофакторностью. Собственниками крупной современной корпорации часто являются тысячи реальных лиц. Однако стратегическое управление корпорацией осуществляется несколькими менеджерами, предположительно действующими в интересах ее владельцев. Текущее управление компанией осуществляется многоуровневой иерархией менеджеров, некоторые из которых также являются акционерами компании. Таким образом, в настоящее время при характеристике корпоративного управления фирмы следует говорить о сложной системе агентских отношений между ее владельцами, директорами, менеджерами и сотрудниками, которые действуют и в интересах компании, и, возможно, в своих интересах.

Актуальность агентских отношений в России постоянно возрастает. Результаты анализа данных опроса, проведенного Г. Клейнером,

Р. Качаловым, Е. Сушко [1, с.79–80], показывают, что важно контролировать не только менеджеров, но и крупных собственников в целях избежания неэффективной деятельности предприятия (так считает 77% опрошенных).

Как показано в [2], управленческие решения являются основным базовым инструментом управления стоимостью. С этой точки зрения изучение системы агентских отношений корпорации является фундаментом для функционирования системы управления стоимостью бизнеса.

Ключевым элементом системы управления стоимостью бизнеса являются отношения между инвесторами, акционерами (принципалами) и высшими менеджерами (агентами). В корпоративном законодательстве большинства стран акционеры имеют наивысший статус: они избирают совет директоров, который, в свою очередь, назначает и увольняет высших менеджеров, формирует стратегию компании. Таким образом, за акционерами законодательно закрепляется право повышать свое благосостояние за счет максимизации отдачи от своих инвестиций в компанию. Таким образом, утверждение о том, что максимизация стоимости компании является конечной целью фирмы, законодательно в целом закреплено. В то же время вопросы социальной эффективности, социальной ответственности и максимизации стоимости бизнеса, вопросы агентских отношений в случае нескольких принципалов и другие по-прежнему остаются актуальными.

Максимизация стоимости бизнеса, бесспорно, обеспечивает в определенной степени интересы всех его участников: сотрудников, менеджеров, акционеров. Однако нерациональное, с точки зрения максимизации стоимости бизнеса, поведение индивида может быть оправдано максимизацией его индивидуальной полезности. Такое поведение характеризовано в новой институциональной теории. Среди наиболее широко изученных примеров такого поведения можно назвать отлынивание, при котором выгода индивида заключается в уменьшении его трудового вклада в выполнение задачи за счет повышенных трудовых усилий других. Таким образом, его индивидуальный

эффект от общего успеха деятельности фирмы достигается за счет уменьшения собственных усилий.

Основной предпосылкой неразрешенности и нетривиальности агентских конфликтов является асимметрия информации между принципалом и агентом, которая создает возможности для оппортунистического поведения агентов: их обогащения за счет акционеров. Наиболее широко в профессиональной литературе изучено явление недобросовестности агентов, выраженной, например, в нерациональности использования ресурсов, прямом воровстве и мошенничестве путем перевода активов, пассивности, неадекватном риск-менеджменте.

В целях включения агентских отношений в систему управления стоимостью компании целесообразно идентифицировать и систематизировать факторы эндогенного оппортунизма [3, с.126] (рис. 1).

В представленном материале особое место будет уделено именно социально-институциональным факторам оппортунизма.

Е. Поповым и В. Симоновым [3, с.126–130]

выявлена зависимость уровня оппортунизма работников от величины заработной платы и уровня нематериального стимулирования российских предприятий. Согласно результатам их расчетов, при росте заработной платы такие виды оппортунизма как отлынивание и небрежность, снижаются, а случаи использования служебного положения – учащаются. Рост уровня нематериального стимулирования уменьшает все указанные выше проявления оппортунизма. Таким образом, авторы статьи делают вывод о превалировании «человека институционального» над «человеком экономическим» в современной российской экономике.

Кроме того, авторами отмечается прямопропорциональная зависимость степени оппортунизма (всех вышеперечисленных проявлений) работников от доли творческого элемента труда в общем объеме труда работников и от уровня специфики ресурсов. Таким образом, данный результат подтверждает утверждение Уильямсона о росте трансакционных затрат с ростом специфики активов.

Риски акционеров, собственников потерять часть своих доходов в результате оппортуни-

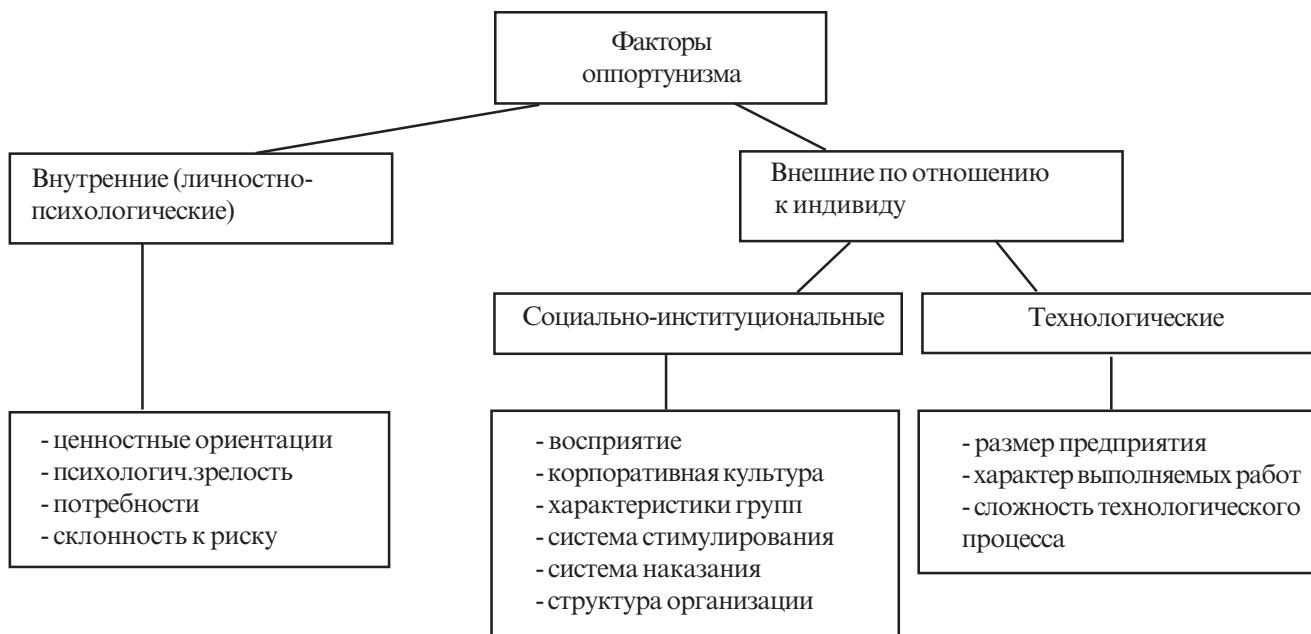

Рис. 1. Эндогенные факторы оппортунизма

тического или нерационального менеджмента свелись бы к нулю, если бы деятельность менеджеров для них была информационно прозрачна. В этом случае собственникам было бы достаточно использовать инструменты, утвержденные корпоративным законодательством. Кроме того, нерационально управляемая компания, рыночные цены акций которой падают в силу низкой асимметрии информации, становится мишенью внешнего поглощения, так как новые инвесторы имеют возможность заработать путем замены старого менеджмента и получить дополнительную капитализированную доходность в результате последующего роста цены акций компании на фондовом рынке.

Однако в реальности собственнику необходимо понести ряд агентских затрат для снижения указанных выше рисков:

1) затраты по созданию условий для снижения асимметричности информации;

2) затраты на стимулирование менеджеров в виде наградных акций или предоставления опционов на покупку собственных акций.

В отличие от теории агентских отношений, в которой рассматривается один агент и один принципал, практика реальных агентских отношений характеризуется дополнительными проблемами, связанными, например, с множественностью принципалов и многозадачностью агентских отношений. Множественность принципалов состоит в существовании более одного собственника компании, каждый из которых имеет свои интересы. Более полное удовлетворение интересов одного принципала может одновременно снижать положительные эффекты от ведения бизнеса для другого. В случае множества принципалов эффект от затрат на осуществление контроля за менеджерами со стороны отдельно взятого акционера распыляется. Эта проблема особенно актуальна при большом количестве акционеров. Кроме того, собственники поручают менеджерам решать множество задач, многие из которых потенциально могут конкурировать друг с другом. Менеджеры должны обеспечивать целевой уровень продаж, сокращать издержки, поддерживать или повышать качество продук-

ции, проводить научные исследования, увеличивать долю на рынке, повышать имидж компании. Задачей акционеров является установление приоритетности задач менеджера, в противном случае агент обоснует неудачи в одном направлении улучшениями в другом. Поэтому необходим общий критерий эффективности как самого менеджмента, так и агентских отношений.

Общим и универсальным, с точки зрения автора, мерилом рассмотренных агентских отношений является стоимость, создаваемая для акционеров. Согласно концепции управления стоимостью, приоритетность решаемых менеджерами задач, как и оптимальные состав и структура агентских затрат, определяются условием максимизации стоимости бизнеса. Основой для управления стоимостью являются, как было отмечено ранее, управленческие решения, каждое из которых вносит свой конкретный вклад в создание новой стоимости.

Из теории агентских отношений известно, что в случае множественности принципала (собственника) разные акционеры характеризуются различными целевыми функциями и горизонтами планирования. Следовательно, результаты деятельности фирм могут зависеть от доминирования того или иного собственника. Кроме стандартной проблемы отношений собственников и менеджеров, возникает проблема между мажоритарными и миноритарными акционерами. Рост доли крупнейшего акционера соответствует повышению контроля над менеджерами, но одновременно и снижению возможностей контроля за его деятельность со стороны других акционеров. С математической точки зрения, данная ситуация характеризуется противоречием двух факторов и, следовательно, допускает существование оптимального, с позиций достижения максимальной эффективности, значения доли крупнейшего акционера.

Р. Капелюшников и Н. Демина [4, с. 53–68], используя регрессионное моделирование, установили, что большая доля акций крупнейшего акционера соответствует меньшей загрузке производственных площадей, меньшей заработной плате, меньшей рентабельности и

более высокому риску убытков. Однако эта модель плохо специфицирована, так как большинство полученных коэффициентов статистически незначимы. Добавление к рассмотрению еще одной объясняющей переменной – доли второго по размеру акционера – значительно улучшает спецификацию модели. Большая доля второго по размеру акционера соответствует большим значениям показателей эффективности предприятия. Данная связь в большинстве случаев статистически значима, как значим и коэффициент перед первой, упомянутой выше, независимой переменной.

В результате авторы, при допущении правильно выстроенной ими причинно-следственной связи, делают вывод о том, что большая доля крупнейшего акционера отрицательно влияет на деятельность предприятия, а увеличение доли второго акционера – положительно.

Другие аспекты в изучении института корпоративного управления рассмотрены сторонниками теории интересов и корпоративной социальной ответственности. В частности, в области корпоративного управления теории интересов и корпоративной социальной ответственности они обосновывают необходимость менеджмента компании удовлетворять не только интересы акционеров, но и нести более широкую ответственность перед основными группами заинтересованных сторон, к которым можно отнести поставщиков, клиентов, сотрудников и местное население. Одно из основных направлений теории интересов – деонтологическая теория интересов – обосновывает правомерность интересов и прав различных заинтересованных лиц и использует ее для определения корпоративных и менеджерских обязанностей. В статье Джозефа Хита и Уэйна Нормана «Теория интересов, корпоративное управление и государственный менеджмент» [5] показано, что с расширением ответственности менеджеров и с включением в нее расширенных обязательств по отношению к другим группам заинтересованных лиц проблемы агентирования еще более усложняются, затрудняя тем самым эффективный контроль за менеджерами.

Кроме уже упомянутой проблемы множес-

тва принципалов в агентских отношениях, при реализации принципов корпоративной социальной ответственности возникают предпосылки внешнего поглощения компаний, так как принятие на себя не требуемых законом обязательств по отношению к некоторым группам заинтересованных лиц снижают доходность компаний и рыночные котировки ее акций.

Действие в интересах других, кроме акционеров, заинтересованных в функционировании бизнеса лиц ведет, кроме того, к проблемам, связанным с нечеткой определенностью их интересов и их слабой организованностью.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: принципы теории интересов и корпоративной социальной ответственности должны быть строго прописаны в корпоративном законодательстве. Только в этом случае они будут социально эффективны. Интересы всех заинтересованных сторон должны формулировать и контролировать не они сами, в силу их малоэффективности и слабой организованности, а государство. Таким образом, с учетом положений теории интересов и корпоративной социальной ответственности задача максимизации стоимости бизнеса получает дополнительные ограничения, вызванные необходимостью удовлетворения строго определенных законом обязательств перед обществом.

Теории трансакционных издержек и агентских отношений, таким образом, затрагивают важнейшие аспекты эффективности деятельности компаний как на микроэкономическом уровне, так и во взаимодействии с внешней макроэкономической средой. Институциональный подход объясняет положение предприятий с точки зрения эффективности функционирования институтов.

Итак, эффективность функционирования системы управления стоимостью компании значительно повышается в случае своевременного выявления и минимизации трансакционных издержек, пронизывающих все сферы ее деятельности. Кроме того, особое место в системе управления стоимостью компании имеет координация и реформирование агентских

отношений, которые имеют значительный потенциал роста стоимости компании.

Список литературы

1. Клейнер Г., Качалов Р., Сушко Е. Экономическое состояние и институциональное окружение российских промышленных предприятий: эмпирический анализ взаимосвязей // Вопросы экономики. – 2005. – №9. – С. 67–86.
2. Крамин Т.В. Система управления стоимостью компаний в институциональной экономике. – Казань: Издво Казанского ун-та, 2006.
3. Попов Е., Симонова В. Эндогенный оппортунизм

в теории «принципала-агента» // Вопросы экономики. – 2005. – №3. – С. 118–130.

4. Капельщников Р.И., Демина Н. Влияние характеристик собственности на результаты экономической деятельности российских промышленных предприятий // Вопросы экономики. – 2005. – №2. – С. 53–68.

5. Хит Дж., Орманн У. Теория интересов, корпоративное управление и государственный менеджмент. Чему может научить в пост-энроновскую эпоху история государственных предприятий? // Журнал этики бизнеса. – 2004. – №53. – С. 247–265.

В редакцию материал поступил 15.02.07.

УДК 378.6:658.56

А.Л. КУРАКОВ,
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В данной статье рассматриваются вопросы повышения качества профессионального образования в Российской Федерации, а также его влияние на увеличение темпов экономического роста. Также в статье рассматривается проблема острой нехватки подготовленных специалистов для высокотехнологичных отраслей народного хозяйства, что крайне негативно влияет на ускорение экономического роста. Важное место в статье уделено вопросу сотрудничества системы профессионального образования и представителей малого, среднего и крупного бизнеса в решении проблемы низкого качества подготовки специалистов, а также анализируется эффективность подобного партнерства на примере ряда зарубежных стран.

Научно-техническая и информационная революции кардинально изменили сущность образования, значительно расширив в нем такую составляющую как обучение. Его основной смысл – в передаче новому поколению знаний и навыков, способствующих воспроизведству и повышению качества материальных ценностей, необходимых для удовлетворения все возрастающих потребностей человечества.

В образовании, как в зеркале, отражаются все процессы, происходящие в обществе: социальные, экономические, политические, духовные, и система образования активно участвует в их формировании.

Образование, помимо «многомерного и интеллектуального, этнокультурного, психологоческого и поликультурного развития личности» [1, с. 58, 69] активно участвует в формировании экономической основы общества, в частности обеспечивает квалифицированными кадрами гигантские индустрии, а также малые и средние предприятия, которые сегодня создают продукцию с использованием самых высоких технологий, в том числе и нанотехнологий. И не все из специалистов, создающих указанную продукцию, имеющих высшее профессиональное образование, обладают

высокой духовностью, нравственными качествами. Так, например, выпускник любого престижного университета может быть лишен этих качеств, но данный факт не дает основания причислять его к людям необразованным, тем более, если он в совершенстве знает свое дело, требующее высокого профессионализма. Однако, без сомнений, высокая нравственность, интеллигентность – необходимые качества любого специалиста.

Высшее профессиональное образование уже давно решает свою главную задачу: готовить высококвалифицированных специалистов для передовых отраслей экономики в сфере биотехнологий, лазерной техники, атомной и термоядерной энергетики. На смену классических университетов с их гуманитарной направленностью приходят высшие школы экономики, бизнеса, высшие технические школы.

Выступая на заседании Государственного Совета 24 марта 2006 года, Президент России В.В. Путин сказал: «...Уровень образования – это исходная, отправная точка экономического и научно-технического прогресса. Отставание в образовательном развитии прямо сказывается на конкурентоспособности государства, на национальных перспективах» [2]. За последние

несколько лет происходило ежегодное повышение финансирования системы образования. Однако финансовые средства были израсходованы крайне нерационально. Не были достигнуты ожидаемые результаты по коренной модернизации системы образования. Реализация национального проекта «Образование», по словам В.В. Путина, должна значительно повысить качество образования, которое соответствовало бы международным стандартам, его доступность. Реализация данного проекта должна повысить и эффективность использования выделяемых бюджетных средств. В своем выступлении Президент России заострил внимание на необходимости сориентировать профессиональное образование на запросы отечественного предпринимательства и конкретных сегментов рынка труда, а также на наращивание экспорта российских образовательных услуг в интересах самой системы российского образования.

Выработка приоритетов по основным вопросам экономики, политики социологии несет в себе огромные риски. Это чрезвычайно ответственный и трудный выбор: нельзя игнорировать имеющиеся возможности и состояние внутреннего рынка. И вместе с тем не следует упускать из вида мировые тенденции. Те, кому доверено выбирать стратегические решения, определять приоритеты развития, должны, с одной стороны, сохранять осторожность, чтобы не разрушать достигнутых результатов, а с другой – решительно ломать привычные штампы.

В сфере подготовки учреждениями профессионального образования квалифицированных специалистов все идет по давно обкатанному пути: классические университеты готовят специалистов социально-гуманитарного и естественнонаучного профиля, технические вузы пополняют инженерный корпус, негосударственные образовательные учреждения ежегодно объявляют прием студентов на специальности – менеджмент, маркетинг, правоведение, причем принимают без ограничений: единственный критерий – платежеспособность абитуриента. И, как результат – львиная доля

экономистов и юристов не может трудоустраиваться по специальности.

Множество нареканий вызывает качество подготовки специалистов в государственных вузах.

В настоящее время подготавливается огромное количество кандидатов и докторов наук. Мы наблюдаем вопиющие факты, когда ученые степени раздают всем желающим практически просто так: называться академиком стало просто модно. Все это наносит непоправимый удар по авторитету российского профессионального образования и российской науки. 11 апреля 1997 года структура ООН по вопросам образования, науки и культуры обнародовала так называемую Лиссабонскую конвенцию «О признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе». Россия не смогла представить многочисленные и весьма серьезные данные, предусмотренные этой Конвенцией, и, следовательно, ей было отказано в присоединении к ней. Только высокое качество образования обеспечит во всех странах международный авторитет выпускникам наших университетов. Лишь на этой основе будет успешной работа по обеспечению конвертируемости наших дипломов в мире [3, с. 2]. До сих пор специалисты, получившие образование в российских вузах, приглашенные на работу за рубеж, нередко вынуждены доказывать свою профессиональную состоятельность по специальной процедуре, а медики – в обязательном порядке. Такое положение касается не только специалистов с высшим образованием, но и рабочих. Лишь 5% рабочих кадров можно отнести к разряду высококвалифицированных, способных создавать материальные ценности, внедрять новые технологии.

Все понимают, что необходимо, наконец, приступить к подготовке высококвалифицированных специалистов. «Во главе всех начинаний, – говорит спикер Госдумы Б. Грызлов, – должна находиться профессиональная, патриотическая, национально ориентированная элита, и тогда будущее у страны будет» [4, с. 5].

Упоминание о необходимости воспитывать

элитные кадры не случайно. В обществе уже давно существует мнение, что российская высшая школа, как, впрочем, и любая другая, в целом не может выпускать специалистов только самого высокого качества. Система образования должна быть двойной: одна – элитарной, другая – «народной». Элитарную нужно всячески поддерживать, так как, потеряв ее, Россия навсегда останется сырьевой страной, не обладающей серьезным научным потенциалом.

Уже прошло больше года с момента начала реализации национального проекта «Образование». С тех пор средства массовой информации, научные и ведомственные издания не перестают обсуждать эту инициативу Президента России. Но все эти рассуждения сводятся только к вопросу финансирования системы образования. Так, например, если в 1997 году удельный вес расходов на образование составлял 4,8%, то в 2005 году данный показатель составил 3,47%. Но означает ли это, что качество российского образования в 1997 году было выше, чем в настоящее время? Скорее всего, нет. По данным благотворительного фонда поддержки российской науки «Династия», 70% российских эмигрантов от науки отправляются в США, однако только 20% из них трудоустраиваются по своей научной специальности. На подготовку уехавших ученых в России были затрачены громадные средства, в среднем 300 тыс. долл. на каждого.

В настоящее время выделяются значительные денежные суммы на увеличение надбавок за ученые степени, возрастают финансовые затраты на оснащение учебных заведений современной компьютерной техникой. Но трудно не согласиться с мнением ассистента Института экономики, управления и права (г. Казань) Ю.В. Хадиуллиной, что «без обновления образовательных технологий, реально интенсифицирующих учебный процесс, обучение в вузе превращается в пустую трату денег» [5, с. 45]. В таких условиях нет смысла обучаться, как считает и первый вице-премьер России Д. Медведев, – все равно придется переучиваться. Такое мнение он выразил на встрече с руководителями вузов в Томске

21 ноября 2006 года. Ю.В. Хадиуллина также считает, что «образовательная деятельность должна принципиально измениться. Последнее подразумевает приданье всем уровням образования инновационного характера, который должен обеспечиваться внедрением новых образовательных технологий... Без этого невозможно преодолеть разрыв между качеством человеческого капитала и инновационной экономикой» [5, с. 44–45].

К этому также следует добавить, что без серьезного пересмотра перечня специальностей и специализаций, российская система образования и дальше будет подвергаться острой критике, так как не сможет полностью удовлетворять запросам общества, работодателей, бизнес-сообщества и экономики страны в целом. В последнее десятилетие ежегодно увеличивается прием и выпуск специалистов с профессиональным образованием, однако государственные организации и предприятия испытывают огромный дефицит профессионалов, а крупнейшим частным компаниям приходится импортировать квалифицированные кадры из-за границы [6, с. 4]. В процессе все более глубокой интеграции России в мировую экономику российские крупные предприниматели с мировым именем приходят в выводу, что целесообразно приобретать за рубежом не только машины и оборудование, а целиком налаженное производство, вместе с квалифицированными кадрами. Член правления Гильдии инвестиционных и финансовых аналитиков А. Идрисов считает, что в первую очередь за рубежом нужно покупать компетентных людей, способных работать на международных рынках и только во вторую – технологии и оборудование [7, с. 7]. Такого же мнения придерживается старший преподаватель кафедры экономики и права Ленинградского областного института развития образования А.М. Коростелева, считающая, что инновационное развитие любого предприятия в первую очередь обеспечивает характеристика кадрового потенциала (образование, квалификация сотрудника), а уже потом производственный потенциал (марка оборудования, мощность и т.д.) [8, с. 245].

Весьма тревожно, что приведенное выше мнение А. Идрисова о целесообразности импорта зарубежных специалистов высказывается в то время, когда число российских учебных заведений профессионального образования с каждым годом становится больше, наращивается темп увеличения студенческого контингента и выпускников. Следует отметить, что по многим численным показателям деятельности учреждений профессионального образования Россия впереди многих западноевропейских стран.

В настоящее время российской экономике крайне необходимы управленцы-профессионалы. Как уже было сказано выше, практически все крупные предприятия вынуждены импортировать недостающие кадры из-за рубежа. В России нет менеджеров, новой генерации, способных управлять важнейшими отраслями экономики, например, топливно-энергетической. Существующая система образования не может обеспечить подготовку достаточного количества опытных менеджеров, способных реально поднять авторитет страны в мировом сообществе, менеджеров, подготовленных на мировом уровне, а не отвечающих лишь эталону среднего массового обучения.

В статистических отчетах, отражающих процессы, происходящие в системе высшего образования в России, подготовка менеджеров не выделяется отдельной строкой, а показывается в общей сумме с экономистами, хотя известно, что экономист далеко не всегда обладает профессиональными знаниями менеджера, а последний – качествами экономиста.

В статье «Даешь диплом за деньги» обозреватель газеты «Правда России» Г. Донцов писал, что негосударственные вузы открыты всем «кому не лень». На повышенном интересе молодежи к получению специальности юриста или экономиста они зарабатывают деньги, не утруждая себя заботой о предоставлении качественного образования [9, с. 4].

По этому поводу Президент России В.В. Путин заметил: «То, что растет платное образование, это само по себе неплохо. Плохо только, что качество плохое. Они создают конкуренцию

крупным государственным вузам, а их конкуренция абсолютно не соответствует реальности. Просто обман населения и государства. Бумажки выдают» [6, с. 5]. Вряд ли можно сегодня требовать от российских негосударственных вузов и их многочисленных филиалов качественного обучения. Это все в будущем.

Отрадно, что исправить положение берется бизнес-сообщество. Президент «Роснефти» С. Богданчиков возглавляет в МГИМО кафедру «Глобальная энергетическая политика и энергетическая безопасность», открытие которой состоялось в рамках подписания соглашения между МГИМО, МИД РФ и ОАО НК «Роснефть». Данная кафедра готовит кадры по ключевым специальностям для нефтегазового комплекса России, в том числе и менеджеров, способных работать на международном рынке. Другой подобный проект осуществляют 14 частных российских предприятий и компаний, основавших в сентябре 2006 года первую в нашей стране бизнес-школу мирового уровня, внеся по 5 млн долл. для ее создания. Присутствовавший при закладке символического первого кирпича В.В. Путин, сказал, что выпускники этой школы, без всякого сомнения, будут бизнес-элитой XXI века, а крупные бизнесмены должны здесь преподавать, делиться своим опытом управления.

Создание такого рода стратегического альянса представителями бизнеса в целях подготовки управленцев самого высокого уровня подготовки может служить примером для других вузов в определении приоритетных направлений в подготовке специалистов. И данный опыт уже применяется государственными органами власти. Так, например, в Чувашской Республике, в Москве на основе заключенных договоров между студентами первого курса и соответствующими органами государственной власти подготавливаются дипломированные специалисты для нужд городских органов управления, органов исполнительной власти.

Не приходится сомневаться в том, что алгоритм продвижения к высокотехнологичному производству, подъем экономики, конку-

рентоспособность государства на мировых рынках всецело зависят от наличия достаточного количества высококвалифицированных кадров, способных решать сложные инновационные задачи в сфере материального производства. Именно поэтому В.В. Путин признал подготовку профессионалов современного уровня приоритетным направлением внутренней политики и важнейшей задачей, не решив которую Россия не преодолеет отставания от высокоразвитых стран [6, с. 5].

Об определении роли высококвалифицированных специалистов в России говорится из века в век постоянно. В своем выступлении в Государственной думе 6 марта 1906 года Председатель Совета министров царской России П.А. Столыпин говорил: «Сознавая необходимость приложения величайших усилий для поднятия экономического благосостояния населения, правительство ясно отдает себе отчет, что усилия эти будут бесплодны, пока просвещение народных масс не будет поставлено на должную высоту» [10, с. 18].

Настало время сменить приоритеты в подготовке специалистов, добиться решительного улучшения качества педагогической работы, своевременно реагировать на вызовы времени, сосредоточив усилия на устраниении серьезных недостатков и ошибок.

В российской системе образования, в сравнении с западной, есть и преимущества. Болонская система образования готовит узких специалистов, а студенты современных российских вузов получают основательное базовое образование. Например, выпускник российского вуза, получивший специальность биолога, знает не только биологию, но еще и химию, физику, русскую литературу, историю. Благодаря широкому кругозору, он обладает способностью к инновационному мышлению. Но этого мало. Система образования должна уметь отвечать экономическим, политическим, социальным изменениям, происходящим и в стране, и в мире. Российская система образования не всегда успевает своевременно реагировать на изменения. Отдельные стороны ее деятельности отражают вчерашний день, что

выражается, в частности, в подготовке специалистов, которыми уже давно перегружен рынок труда. Кроме юристов, экономистов, это – работники гуманитарно-социальной сферы. Вместе с тем явно недостаточно ведется подготовка высокопрофессиональных инженерных кадров, спрос на которых, в связи с заметным расширением производственной базы в стране, внедрением высоких технологий, заметно растет.

На очевидную диспропорцию подготовки специалистов указывал еще в 1995 году В.Г. Кинелев: « Подготовка инженерных кадров в России переживает нелегкие времена. Спад производства, банкротство целого ряда предприятий, прежде всего из-за технологической отсталости, не могли не коснуться системы технического высшего образования. Заметно сокращается потребность в специалистах инженерного профиля. С распадом СССР … на предприятиях которых были сконцентрированы наиболее сильные инженерные кадры, расформировываются коллективы профессионалов, имевших мировой уровень подготовки» [11, с. 175]. Он также указал на то, что огромные успехи стран Юго-Восточной Азии в увеличении промышленного потенциала тесно связаны с резким увеличением подготовки специалистов технического профиля. Однако точка зрения В.Г. Кинелева о том, что необходимо развивать инженерное образование, встретило упорное противодействие со стороны некоторых ученых, государственных и общественных деятелей.

Как показывают уроки последних 10–15 лет, он был прав. Необходимо было не ослаблять, а повышать уровень базового технического образования.

Советская система подготовки специалистов, безусловно, была довольно эффективной. Основное внимание уделялось подготовке специалистов для ведущих отраслей промышленности. Переход к рыночным отношениям изменил приоритеты в условиях бурно развивающегося услугового и потребительского сектора. Более половины выпускников, независимо от специальности, занимаясь сомнительным

бизнесом, предпочитают быстрые и короткие деньги, медленному профессиональному росту на производстве, причем престижность получения технической специальности резко снизилась. И как результат, на организованных ими малых и средних предприятиях просто некому будет работать.

В заключение хотелось бы отметить, что во многих азиатских странах высокий экономический рост, как показывает опыт, был достигнут именно крупными инвестициями в сферу образования и науки. Именно развитие системы профессионального образования позволило им перейти из разряда отсталых стран в разряд высокоразвитых. Развитие технологий и новаций дало ощутимый толчок в экономическом развитии. Наконец-то разноуровневые органы государственной власти поняли это, и результаты реализации первого этапа Национального проекта «Образование» позволяют надеяться на лучшее.

Список литературы

1. Панькин А.Б. Формирование этнокультурной личности. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. – 280 с.

2. О развитии образования в Российской Федерации: Вступительное слово Президента на заседании Государственного Совета. Президент России. Официальный сайт. – 24 марта 2006 года. – Москва, Кремль. www.kremlin.ru
3. Садовничий В.А. Университеты: настоящее и будущее // Вестник Альма-матер, 2000. – Апрель.
4. Россия. – 2006. – № 4.
5. Хадиуллина Ю.В. Роль государства в воспроизведстве человеческого капитала // Семья и государство, 2006. – № 1.
6. Бюллетень Ассоциации российских вузов, 2002. – № 12.
7. Гурвич В. Не предотвратить – так возглавить. Новые компетентные возможности не имеют границ // Россия. – 2006. – № 32.
8. Коростелева А.М. Карта инвестиционной активности как институт диагностики инновационного развития промышленности региона // Вестник Чувашского университета, 2006. – № 4.
9. Донцов Г. Даешь диплом за деньги // Правда России, 2003. – Апрель.
10. Государственная дума 1906–1917. Стено-графический отчет. – М.: Фонд «Православная культура», 1995. – Т. 2.
11. Кинелев В.Г. Объективная необходимость. – М.: Республика, 1995. – С. 295.

В редакцию материал поступил 12.02.07.

УДК 336.1:332.1

С.Л. ОРЛОВ,
доктор экономических наук, профессор

Институт экономики управления и права (г. Казань)

ФИНАНСОВЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье на основе фактического материала и теоретических разработок рассматриваются важнейшие элементы построения конкурентоспособной системы финансовых услуг в Республике Татарстан как неотъемлемой составляющей общероссийского финансового рынка

В результате институциональных реформ за последние пятнадцать лет в Российской Федерации и Республике Татарстан в основном сформированы финансовые основы новой экономики, имеющие трех-уровневую систему финансирования: бюджетное финансирование, банковское кредитование и прямые инвестиции через механизмы рынка ценных бумаг.

Мобилизация финансовых ресурсов для экономики является важнейшим фактором ускоренного роста валового внутреннего продукта, доходов населения, технологического переоснащения различных сфер общественного хозяйства.

В Программе социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 годы необходимость привлечения инвестиций и разработка эффективной инвестиционной политики рассматриваются как ключевое направление деятельности в экономике [1].

В последние годы на различном уровне шел поиск новых инструментов инвестирования, адекватных современному этапу развития. Продвижение вперед затрудняли периодические сбои и даже кризисы в финансовой системе страны, их отзвук ощущался и в регионах. В целом финансовая система ориентирована на макроэкономический уровень. В субъектах невозможно обеспечить эффективную систему функционирования финансового рынка без регулирующего воздействия в рамках единого экономического пространства Российской

Федерации. В настоящее время финансовое обеспечение потребности в инвестициях не способствует решению стратегических задач экономического развития Татарстана и построению конкурентоспособной экономики. Несмотря на предпосылки доступного выхода предприятий на кредитный рынок и рынок капиталов, сложилась ситуация, при которой растущая потребность реального сектора и финансовое обеспечение развиваются лишь в параллельных плоскостях, без достаточного взаимодействия и требуют эффективного регулирующего механизма.

Многие хозяйствующие субъекты потребность в финансовых ресурсах обеспечивают, главным образом, за счет традиционных для российской экономики источников. Основное место здесь занимают собственные средства и банковские кредиты. Иностранные инвестиции, которые ожидают многие эксперты, возможны для российской экономики лишь в перспективе. В 2005 году в целом по Российской Федерации в структуре иностранных инвестиций доля **прямых и портфельных инвестиций** составила чуть более 25% от всего объема денежных поступлений, а доля **прочих инвестиций**, включая торговые кредиты, – 74,8%. Однако даже поступающие средства распределяются по территории страны крайне неравномерно. В основном они концентрируются в Центре и на Северо-Западе. Таким образом, прямые инвестиции от иностранных инвесторов для обнов-

ления технологической базы реального сектора экономики в регионах незначительны.

Еще более консервативная структура привлеченного иностранного капитала сложилась в Республике Татарстан: в 2005 году инвестиции, главным образом торговые и прочие кредиты, достигли 91,8%. Подобная структура финансовых поступлений слабо увязана с повышением капитализации предприятий, вопросом определения их реальной стоимости и размеров экономики в целом. И хотя в последнее время в Российской Федерации увеличился возвратный денежный поток из оффшорных зон, перспективы стабильного привлечения этих средств в реальный сектор экономики пока неясны.

Поэтому в течение ближайшего времени в Татарстане потребуется осуществить переход от ресурсного к **инновационно-ресурсному** пути развития. Реализовать это можно, если разработать механизм современной инвестиционной политики, в наибольшей степени отражающей особенности ресурсного потенциала Республики Татарстан.

Социально-экономическое развитие Татарстана в 2001–2005 гг. проходило под влиянием общероссийских положительных тенденций и упрочения федеративных начал во внутренней политике государства. В первую очередь необходимо отметить макроэкономическую устойчивость, наблюдавшуюся в последние годы, в особенности в сфере финансово-бюджетных отношений. Немаловажное значение для экономики имеет стабильно положительная динамика мировых цен на энергоносители и постепенный выход на новые перспективные рынки сбыта углеводородного сырья.

Положительные сдвиги в развитии экономики и благоприятная мировая конъюнктура на традиционные ресурсы экспорта обеспечили возможность начать активную деятельность по реализации ряда федеральных целевых программ в регионах, формированию и размещению оборонного заказа, финансированию фундаментальной науки, оказанию поддержки развития центров инновационных технологий в самых различных формах (Особые эконо-

мические зоны (ОЭЗ), участие в создании фондов финансовой поддержки венчурного предпринимательства) и, что особенно важно, в общероссийском масштабе возможность начать реализацию приоритетных национальных проектов.

Республика Татарстан органично включена в единое экономическое пространство Российской Федерации, и факторы роста на макроуровне оказали бесспорное влияние на поступательное развитие одного из наиболее крупных по экономическому потенциалу регионов страны.

Макроэкономические показатели последних лет свидетельствуют, что значительная часть этого потенциала республики была использована для практической реализации социально-экономических задач. В 2001–2005 гг. объем валового регионального продукта в действующих ценах увеличился в 2,5 раза, и на душу населения этот показатель составил 135,5 тыс. рублей, превысив среднероссийский уровень на пять процентов. По объему промышленного производства республика занимает первое место среди регионов Поволжского федерального округа и пятое в стране.

Однако переход к постиндустриальной экономике, основным признаком которой является преобладание в валовом региональном продукте доли услуг, происходит в Республике Татарстан крайне медленно. По этому показателю отставание от ведущих регионов весьма ощутимо. Пока же структура экономики достаточно «утяжелена», удельный вес услуг в валовом региональном продукте (ВРП) составляет менее 40%, что как минимум в 2 раза уступает оценочному научному критерию. Вместе с тем это напрямую связано с углублением реформ в Республике Татарстан и ростом народного благосостояния.

В настоящее время промышленный потенциал республики вполне обеспечивает экономический рост, но постепенное исчерпание сырьевых ресурсов уже в ближайшее время может привести к замедлению темпов экономического развития. Противодействовать этому процессу должен стабильный государственный заказ для высокотехнологичных производств, однако его

размещение зависит от целого ряда внутренних и внешних факторов.

Поскольку внутреннее конечное потребление в Республике Татарстан обеспечивается преимущественно за счет реализации углеводородного сырья и продуктов его переработки, без определенных изменений в структуре промышленного производства и экономики в целом конкурентные преимущества будут постепенно нивелированы. Требуется переориентировать вектор экономики в сторону высокотехнологичных производств, наукоемких технологий и пользующихся спросом услуг.

Основой для этого процесса являются инвестиции. В последние годы на федеральном уровне резко возрос государственный инвестиционный потенциал. Однако свободные финансовые ресурсы не доходят до регионов и конкретных предприятий, а участвуют в формировании стабилизационного фонда, золотовалютных резервов и т. д., обеспечивая тем самым не текущие, а будущие потребности экономики. При таком подходе в субъектах Федерации возможности принимать активное участие в инвестиционном процессе ограничены.

В настоящее время основные приоритетные направления государственных и частных инвестиций в различные сферы деятельности в Республике Татарстан можно сформулировать следующим образом:

- традиционные высокотехнологичные производства, в первую очередь на предприятиях авиастроительного комплекса, судостроения и автомобильной промышленности;
- производственная и транспортная инфраструктура для предприятий различных форм бизнеса;
- производство автокомпонентов и передовые технологии в нефтехимической промышленности (ОЭЗ в Республике Татарстан);
- приоритетные национальные проекты;
- коммерчески перспективные венчурные проекты на предприятиях малых форм;
- объекты энергетики и энергосбережения;
- ипотечное строительство жилья и социальная инфраструктура.

Указанные приоритетные направления

позволят осуществить переход от ресурсного к инновационно-ресурсному пути развития Республики Татарстан. Для ускорения реализации поставленных задач необходимо научное обоснование потребности в финансовых ресурсах в пообъектном разрезе, поиск эффективных источников капиталов для каждого из них и гармоничное сочетание сроков завершения строительства и окупаемости инвестиций.

Важнейшей особенностью современной инвестиционной политики на республиканском уровне является определение и поиск наиболее эффективных источников капиталов для строительства, реорганизации и технического перевооружения приоритетных объектов производственной и непроизводственной сферы, включая обеспечивающую инфраструктуру. При этом необходимо учитывать имеющийся социально-экономический и научно-технический потенциал и наличие у претендентов на получение финансовых ресурсов современной стратегии развития.

Особое значение при выборе инвестиционных источников и способов привлечения в конкретные проекты имеет ориентация на внутренний экономический потенциал страны и возможность использования институтов финансового рынка, продолжающего поступательное развитие на протяжении последних нескольких лет.

В связи с этим следует отметить, что возможность использования иностранных инвестиций целесообразна, как правило, в качестве инновационных и капитальнообразующих. В настоящее время наиболее приемлемым способом инвестирования иностранного капитала в экономику можно признать участие в уставных капиталах добывающих предприятий или через процесс образования новых хозяйствующих субъектов. Вместе с тем, перспективы геополитического развития, особенности формирующегося финансового рынка и, что особенно важно, незавершенность некоторых институциональных процессов в Республике Татарстан не позволяют обеспечить полноценное поступление иностранных инвестиций в необходимых для этого объемах.

Это может быть достигнуто только при максимальном использовании ресурсов государства и частных инвесторов внутри страны и основываясь исключительно на доверии. Задача оптимизации деятельности государства в инвестиционном процессе должна предполагать применение различных способов финансового участия исходя из специфических особенностей проектов и их социально-экономического значения для развития Республики Татарстан. Важнейшими источниками инвестиционного потенциала государства являются бюджет Республики Татарстан и бюджеты соответствующих муниципальных образований.

В ближайшие годы представляется вполне закономерным возрастание инвестиционной нагрузки на республиканский бюджет (бюджет развития). В связи с этим особое значение приобретает повышение эффективности управления государственными финансами, оптимизация структуры и уровня инвестиционных затрат по каждому проекту. В частности, практическим ориентиром для участия государства в финансировании крупных проектов в производственной сфере можно считать предельное значение, не превышающее 25% совокупной потребности в инвестициях. Этот показатель значительно возрастает при участии государства в развитии инфраструктуры, где бюджетные средства могут обеспечивать потребность в полном объеме.

Множественность каналов поступления инвестиций требует их обязательной структуризации для последующего уточнения прогнозной оценки ресурсов по отдельным видам, их сбалансированности с потребностью по каждому объекту и возможностью учета специфики поступлений средств в разрезе источников. Особенностью современных инвестиционных процессов в России, закрепленных в том числе и на законодательном уровне, является своеобразная **«привязка» легальных** источников инвестиций к определенным направлениям капитaloобразующих затрат.

В настоящее время серьезной проблемой остается неудовлетворительное использование для развития экономики регионов новых

источников инвестиций. Это, главным образом, средства коллективных инвесторов, активность которых наиболее высока в Республике Татарстан. Процесс аккумулирования финансовых ресурсов в указанных институтах только начался, и уже в ближайшей перспективе через механизмы фондового рынка эти источники должны быть отнесены к наиболее привлекательным и доступным для реального сектора экономики.

В настоящее время в Российской Федерации начала формироваться двухуровневая система регулирования и координации инвестиционной деятельности и развития финансового рынка. Как считает автор, на общегосударственном, федеральном уровне главными задачами в этой области являются:

- обеспечение финансовой стабильности и на этой основе создание благоприятного инвестиционного климата на всей территории страны;
- обеспечение условий для формирования конкурентоспособных институтов финансового рынка;
- защита прав инвесторов и реализация мероприятий по снижению инвестиционных рисков;
- упорядочение и снижение административных и экономических барьеров для выхода предприятий на рынок капитала и создание правового поля для внедрения новых инструментов финансового рынка;
- совершенствование системы регулирования на финансовом рынке и упрочение вертикали в лице формирующегося единого государственного органа в этой сфере деятельности;
- международное сотрудничество на рынке финансовых услуг и вопросы допуска нерезидентов на экономическое пространство Российской Федерации.

Эти задачи, определяемые деятельность государства на макроуровне, должны найти адекватное отражение в практической работе исполнительных органов в субъектах Федерации. В связи с этим на республиканском рынке финансовых услуг возникает потребность обеспечить преемственность указанных направ-

лений, имея в виду поддержку развития новых финансовых инструментов и придание современным инвестиционным процессам таких качеств, как **необратимость и ускорение**.

Для достижения современного уровня развития финансового рынка и всемерной активизации инвестиционных процессов в Республике Татарстан, по мнению автора, необходимо:

- начиная с 2007 года производить оценку совокупной потребности в инвестициях в разрезе важнейших социальных программ, производственных инвестиций по видам деятельности и способствовать развитию рыночной инфраструктуры с последующей ежегодной корректировкой объемов прогнозируемых средств;

- производить балансовую увязку потребности с источниками финансирования, рассматривая возможность эффективного привлечения капиталов с финансового рынка;

- содействовать размещению государственного оборонного заказа на предприятиях Республики Татарстан и своевременности расчетов за произведенную продукцию. Это окажет положительное влияние на социально-экономическое положение Республики Татарстан и инвестиционную привлекательность крупных эмитентов в машиностроительном комплексе;

- уточнить понятие «стратегическое предприятие Республики Татарстан», инициировать процесс и оказывать поддержку указанных эмитентов для их выхода на общенациональный и зарубежный финансовые рынки;

- разработать схему «народного» IPO на базе одного-двух стратегических предприятий Республики Татарстан для размещения по приемлемой цене и приобретения жителями республики и близлежащих субъектов;

- разработать комплексное экономическое обоснование и меры по популяризации идеи финансового и инвестиционного центра Волго-Камского региона в г. Казани;

- апробировать систему республиканских заимствований на внутреннем рынке Российской Федерации. Предполагаемый совокупный

объем выпуска и размещения ценных бумаг Республики Татарстан на период до 2010 года – 15 млрд рублей;

- определить степень участия Республики Татарстан в финансировании приоритетных национальных проектов и возможность активного использования для этих целей инструментов финансового рынка, в частности на этапе реализации ипотечных программ;

- оказывать поддержку и координировать процесс сотрудничества республиканских предприятий с представителями крупного национального бизнеса в вопросе реализации социально-экономических проектов на территории Республики Татарстан и поиска эффективных источников инвестиций;

- активно привлекать к сотрудничеству в качестве консультантов экономических ведомств Республики Татарстан и государственного сектора известные инвестиционно-финансовые и консалтинговые компании. Целесообразно сформировать реестр уполномоченных финансовых консультантов Кабинета Министров – Правительства Республики Татарстан с акцентом на представителей местной инфраструктуры рынка;

- участвовать в процессе подготовки предложений по совершенствованию нормативной правовой базы финансового рынка, включая региональный аспект инвестиционной политики и формирования новых финансовых структур;

- разработать превентивные меры противодействия недружественным поглощениям (рейдерству) и другим негативным явлениям в сфере финансового предпринимательства;

- обеспечить постоянную информационно-разъяснительную кампанию в республиканских и местных СМИ, поддержку межрегиональных научно-практических конференций и других мероприятий, организуемых научным сообществом и профессиональными участниками финансового рынка.

Активизация процесса заимствований предприятий на финансовом рынке должна обеспечить устойчивые темпы экономического роста и на этой основе повышение благосостояния

населения, развитие высокотехнологичных производств и пользующихся спросом услуг.

Реализация инноваций и структурная перестройка общественного хозяйства в свою очередь невозможны без эффективной инвестиционной политики как на правительственном, республиканском, уровне, так и на предприятиях различных секторов экономики.

На современном этапе в экономике Республики сложилась **нерыночная** структура инвестиций. Для большинства предприятий главным источником инвестиций в основной капитал продолжают оставаться собственные средства – амортизационные отчисления и прибыль. Среди привлеченных ресурсов доминируют бюджетные средства различного уровня, а также кредиты банков, преимущественно крупному и среднему бизнесу.

Эпизодическое обращение нескольких крупных предприятий – ОАО «Татнефть», ОАО «Нижнекамскнефтехим» – к рынку капиталов как к источнику инвестиций является, скорее всего, показательной инициативой, элементом повышения общего имиджа, важным фактором при формировании рейтинговых оценок и соответствующего мнения в профессиональном сообществе. Иными словами, в Республике Татарстан, как практически во всех других регионах Российской Федерации, до сих пор не создана современная система инвестиционного заимствования, и это крайне негативно отражается на технологическом обновлении основных фондов и структурной перестройке экономики.

Вместе с тем размещение ценных бумаг республиканских предприятий на фондовом рынке в настоящее время является одним из основных способов компенсировать мощный отток из Республики средств населения, выводимых из внутреннего оборота различными финансовыми структурами, банками, а также гражданами, непосредственно участвующими в биржевой торговле. В течение длительного времени Республика Татарстан фактически является устойчивым «донором» внутрироссийского фондового рынка, а не крупным заемщиком.

Для кардинального изменения структуры инвестиций и возрастания роли перспективных инструментов заимствований необходимо реализовать ряд первоочередных мер, основанных на осознании необходимости совместного участия в подготовке этого процесса исполнительных органов, собственников и топ-менеджеров – потенциальных эмитентов, а также представителей бизнес-сообщества на рынке финансовых услуг.

В более конкретном изложении эти мероприятия, на наш взгляд, заключаются в следующем:

- четкая классификация источников инвестиций с целью их эффективного использования по отдельным направлениям (социальная сфера, общий производственный сектор, рыночная инфраструктура, инновационные технологии и перспективные виды услуг);

- умение правильно определить приоритеты в инвестиционной политике со стороны государства, имея в виду рационализацию бюджетных инвестиций;

- ориентация предприятий на повышение размера капитализации, то есть максимизацию рыночной стоимости. Такой подход является важнейшим условием противодействия недружественным захватам и противозаконным поглощениям;

- проведение мониторинга и оценка экономического потенциала эмитентов Республики Татарстан и на этой основе разработка для предприятий рекомендаций по наиболее оптимальной схеме заимствований на период до 2010 года (ПРО, облигационные займы, долгосрочные банковские кредиты, бюджетное финансирование или эффективное сочетание указанных способов);

- осуществление оценки стоимости активов, долговой нагрузки и прогноза выпуска продукции для предприятий важнейших сфер экономики.

Практическая реализация основных элементов механизма выхода предприятий на внутренний фондовый рынок, осуществление постоянных заимствований **по потребностям** и на приемлемых условиях предполагают

проведение комплекса согласованных мероприятий со стороны экономических ведомств, в первую очередь Министерства экономики и промышленности Республики Татарстан, холдинговых компаний – держателей крупных госпакетов акций, самих потенциальных эмитентов и профессиональных участников финансового рынка – предполагаемых организаторов процесса размещения ценных бумаг.

Такие мероприятия, как нам представляется, могут состоять в последовательной реализации следующих действий:

- активное внедрение на предприятиях основополагающих элементов современной системы корпоративного управления. Это ускорит выход на фондовый рынок непубличных компаний;

- разработка системы рейтингов инвестиционной привлекательности эмитентов в Республике Татарстан, организация их тестирования через рейтинговые агентства и размещение итоговых показателей на доступных сайтах и в печати;

- доведение до потенциальных эмитентов опыта работы известных в регионе компаний – организаторов заимствований на рынке ценных бумаг – с целью совместной разработки персональных схем выхода на фондовый рынок с учетом особенностей хозяйственного статуса субъекта и его финансового состояния;

- формирование технологии и стратегии региональных IPO и корпоративных облигационных займов;

- проработка вопроса об открытии в г. Казани межрегиональной торговой площадки (биржи) для организации работы с ценными бумагами предприятий 2-го и 3-го эшелонов. Это позволит ускорить организацию торговли ценными бумагами основной массы региональных компаний, оптимизирует стартовые затраты при выходе на рынок и одновременно привлечет дополнительные финансовые ресурсы в экономику Республики Татарстан;

- прогнозная оценка роста капитализации реального сектора за счет выхода на рынок первичных размещений в разрезе крупных и

средних компаний по объему выпуска продукции и услуг и отдельных секторов общественного хозяйства. Это необходимо для определения реального размера экономики и принятия решений об изменении структурной политики;

- организация взаимодействия с партнерами по первичному размещению и формирование вторичного рынка ценных бумаг эмитентов.

При активизации действий по указанным выше направлениям первые положительные результаты от предполагаемых мероприятий – рост капитализации реального сектора экономики и инвестиций в основной капитал – должны быть ощущимы не позднее 2010 года.

К концу этого периода могут быть, в основном, сформированы и получат необратимое развитие базовые элементы **конкурентоспособной инвестиционно ориентированной экономической системы** как важнейшего фактора повышения уровня жизни населения. Благодаря современному финансовому рынку и его влиянию на все сферы общественной жизни, Республика Татарстан начнет активную переориентацию **с ресурсного на инновационно-ресурсный** путь развития. Это можно аргументировать изменением роли и места не только рынка ценных бумаг, но и всей системы финансовых услуг в региональной экономике. К концу 2010 года этот сектор должен стать основным механизмом перераспределения внутренних инвестиционных ресурсов, включая сбережения граждан, и таким образом главным источником для возрождения финансовой базы несырьевых отраслей. Успехи на внутреннем рынке заимствований должны активизировать деятельность иностранных инвесторов, в первую очередь в инновационные проекты и ОЭЗ.

На основе экономического подъема и повышения уровня благосостояния населения будет не только обеспечена прочная заинтересованность различных слоев общества в эффективном развитии финансовых инструментов, но и достигнута уверенность в правильности **государственной политики** в целом.

Список литературы

1. Закон Республики Татарстан от 28 декабря 2005 года № 133-3РТ «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Татарстан на 2005–2010 годы».
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. – 2006. – 11 мая.
3. Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан // «Время и деньги». – 2006. – 7 марта.
4. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Татарстан на 2002–2006 годы». – Постановление Правительства Российской Федерации от 24.08.2001 г., № 625 (с изм. от 07.07.2005 г.).
5. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на 2006–2008 годы. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 июня 2006 года, № 793-Р.

В редакцию материал поступил 18.12.06.

УДК 657.1:332.12

**В.А. РУБЦОВ, доктор географических наук, профессор,
А.Г. СТЕПИН, кандидат географических наук, доцент**

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СРЕДСТВ КАК ПРОБЛЕМА СОГЛАСОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Рассмотрены вопросы нахождения решения распределения средств в компромиссной среде. В окончательном решении учтены «интересы» всех хозяйствующих субъектов и подсистем в составе проблемной территориально-производственной системы.

Региональные системы формируются на определенной территории в результате взаимодействия качественно различных образований – природной и социально-экономической составляющих. Именно процессы, инициируемые взаимодействиями разнокачественных элементов региона, определяют формирование, функционирование и развитие подобных систем в виде сложных целостных образований, обладающих эмерджентными свойствами. Способствует этому и интенсификация обмена веществ, энергии и информации.

С системных позиций структура региона может быть рассмотрена как целеполагающая совокупность взаимосвязанных элементов в рамках конкретного участка территории. Функция же объекта может рассматриваться как роль, отведенная с позиции некоторых глобальных требований, которым данный объект должен подчиняться в силу своего положения в существующей иерархии объектов и отношений. При этом они выражают цель и смысл существования и развития, как данного региона, так и охватывающей системы.

Именно общественные интересы в рамках территориально-производственных образований признаются специалистами в качестве основных побудительных мотивов социальной и экономической деятельности и выступают как выражение отношения носителей интересов к

условиям их существования, их положению и роли в общественных отношениях. Отличительной особенностью общественных интересов является то, что они в той или иной форме осознаны и выражены. Последнее обстоятельство связано с наличием своеобразного перевода интересов на язык конкретных экономических, социальных, экономических и другого рода требований, научно-теоретических концепций, программ, планов и пр.

Важной особенностью, позволяющей прояснить роль интересов в развитии общественной жизни, социально-экономических интересов является определенное соответствие интересов потребностям (материальным и нематериальным), отражающим зависимость носителей интересов от объективных условий их существования и развития, потребность в этих условиях.

В региональных системах активное побудительное воздействие на формирование интересов оказывают не только социально-экономические, но и природные составляющие. Это, в частности, проявляется в зависимости территориальной организации системы производства и расселения от природных условий территории. Социально-экономические элементы региона всегда вынуждены считаться с природной средой, взаимосвязей с ее особенностями и состоянием. При игнорировании зависи-

мостей общественного сектора от природной основы в регионе могут наблюдаться существенные негативные экономические и экологические последствия.

Взаимоувязанная совокупность социально-экономических и природных составляющих региона представляется весьма важной и продуктивной – она позволяет вкладывать в понятие «интересы» более широкий смысл, распространяя его на более широкий смысл, на все подсистемы и элементы региона. Расширенное понятие интересов можно рассматривать в качестве своеобразного методического приема, цель которого состоит в том, чтобы с единых позиций рассматривать побудительные мотивы и движущие силы, вызывающие взаимодействия в региональных системах.

Последнее, в свою очередь, способно обеспечить методическую основу для трактовки взаимодействующих частей региональной системы как «равноправных партнеров» и тем самым подчеркнуть неправомерность исключительно потребительского отношения к природной среде. Этот прием преследует следующую цель: чтобы при анализе взаимодействия можно было бы оперировать однородными понятиями, что важно в техническом, вычислительном аспекте при разработке способов и методов устранения или смягчения противоречий, вызванных несовпадением интересов.

Основным и принципиальным отличительным признаком интересов в сферах действий общественных и природных законов является то, что первые из них – всегда в той или иной степени осознаны и выражены носителями, вторые же – их носителями не осознаны.

Подход к исследованию процессов взаимодействия в региональных системах, основанный на понятии интересов, их составляющих, открывает широкие возможности для содержательного анализа и объяснения моделей взаимодействия, так как процесс выявления и описания системы интересов (в интегральном и дифференциированном виде) неизбежно предполагает исследование мотивов, движущих сил и целей, преследуемых при взаимодействиях в рамках региона.

Допустим, что в составе региональной системы выделяются m территориальных единиц, которые в нашем случае совпадают с территориальными образованиями, принятыми в сетке административно территориального деления. В каждой из территориальных единиц с разной интенсивностью существуют элементы и отраслевых подсистем. В общем случае отсутствие любой из компоненты отраслевой подсистемы на данной территории может быть соотнесено с нулевой интенсивностью.

Необходимо построить систему распределения заимствованных средств по элементам системы (территориальным или отраслевым) при ограниченных объемах суммарных средств таким образом, чтобы система приоритетов, которые в определенном контексте могут рассматриваться в качестве своеобразных интересов, выходила на возможно максимальный уровень. В условиях ограниченности суммы выделяемых средств модель должна решать эту задачу самостоятельно, определяя в конечном счете параметры пространственно-отраслевой структуры перераспределения выделяемых средств.

Принципиальная модель балансировки интересов и предпочтений всей гаммы территориально-производственных элементов при решении проблем регионального инвестирования может быть представлена в виде следующей оптимизационной модели. Необходимо оптимизировать Z :

$$Z = S_C \times Y_C + S_T \times Y_T + S_{\Pi} \times Y_{\Pi}$$

При ограничениях:

$$A_1 \times Y_C - E_T \times Y_T \leq \Theta;$$

$$I_T \times Y_T \leq D;$$

$$E_T \times Y_T \leq D_T;$$

$$A_2 \times Y_C - E_{\Pi} \times Y_{\Pi} \geq \Theta;$$

$$I_{\Pi} \times Y_{\Pi} \geq D;$$

$$E_{\Pi} \times Y_{\Pi} \geq D_{\Pi};$$

$$I_C \times Y_C + I_T \times Y_T + I_{\Pi} \times Y_{\Pi} \leq D;$$

$$E_C \times Y_C \geq D_C;$$

$$U_C \geq \Theta, Y_T \geq \Theta \text{ и } Y_{\Pi} \geq \Theta.$$

Здесь через A_1 и A_2 обозначены матрицы, составленные из «булевых» переменных, единичные элементы которых позволяют

определить взаимосвязь между «субъектными» и «территориальными» компонентами инвестиционных переменных. Матрицы E_c , E_t и E_n представляют собой единичные матрицы соответствующих размерностей. Объекты I_c , I_t и I_n представляют вектора-строки соответствующих размерностей. D_c , D_t и D_n представляют собой вектора-столбцы соответствующих размерностей, составленных из величин, определяющих объемы запланированных инвестиций соответственно для нужд «субъектов», «территориальных единиц» и «подотраслей». Через Θ обозначены нулевые вектора-столбцы соответствующей размерности. Наконец, через D обозначено число, которое определяет общий (суммарный объем) инвестиций, выделяемых (планируемых) для всего региона в целом.

В целевой функции вектора-строки S_c , S_t и S_n представляют величины интересов и предпочтений для соответствующих элементов территориальной системы. Таким образом, целевая функция представляет собой числовое значение, которое определяет приведенный показатель унифицированных инвестиций.

Определенный смысл имеет использование каждого из слагаемых этой суммы в качестве своеобразного измерителя, определяющего вклад в итоговом распределении выделяемых средств. Так или иначе, наибольшей практической значимостью обладают переменные, которые позволяют не только определять структуру распределения средств по субъектам, а, следовательно, по территориальным единицам и подотраслям, но определять последовательность ресурсного «заполнения» в рамках данной системы при дискретной схеме поставки соответствующих ресурсов. Следует указать, что при решении задачи количество переменных может только увеличиться, если учесть необходимость уравнивания ряда соотношений.

Оптимизационная задача сформирована на основе информации, во-первых, определяющей исходный уровень потребности в выделяемых средствах и, во-вторых, представляющей собой совокупную систему приоритетов распределения средств в разрезе всех без исключения

элементов территориально-производственной структуры республики (субъекты хозяйственной деятельности – отдельные элементы, основные подотрасли и территориальные единицы подсистемы). Целевая функция в данной модели ориентирована на получение максимального эффекта в виде определенного результата, интерпретируемого виде общего эффекта «предпочтительности». Ограничения основного типа представлены линейными равенствами и неравенствами, которые соотносят всю совокупность взаимосвязей в системе. В качестве переменных величин выступают объемы средств, выраженных в денежной форме, требуемых для решения поставленных задач развития республики в разрезе всех без исключения элементов и подсистем.

Стандартная система решения оптимизационных задач, представленная в виде программы «поиск решения» в подсистеме «Excel», позволяет решать данную задачу при любом заданном объеме величины D , определяющей суммарный объем внешних заимствований (инвестиционных вложений). При этом значительный интерес представляет ситуация, при которой определяется, возможно, наименьший размер D (например, D_0), при котором достигается практически полное «структурное» удовлетворение «запросов» всей совокупности элементов и подсистем республики. В этом случае имеется в виду наличие такой ситуации, при которой происходит выполнение всей совокупности запросов хозяйствующих субъектов по минимуму. Последовательное решение оптимизационной задачи при различных значениях D показало, что таким объемом D_0 является величина 49000 млн руб. Эта величина служит исходным ориентиром для решения задачи рационального использования средств в процедуре восстановления хозяйства Чеченской республики как в пространственном, так и временном аспектах. Следует отметить, что предварительная оценка размеров требуемых средств для восстановления республиканского комплекса, полученная на основе предварительного подсчета по приростной модели, оценивающей исходное состояние

комплекса в середине 80-х годов, составила 54000 млн руб.

Оптимальная схема распределения инвестиций представлена при этом суммарном объеме в виде соответствующей таблицы, элементы которой учитывают, по сути дела, приоритеты распределения средств в рамках региональной системы, рассматриваемые как «эмерджентные интересы» – интересы верхних уровней «охватывающей» системы, представленных соответствующими органами российского управления и финансирования. Налицо наличие геоситуации, при которой не только учтены интересы нижних уровней охватывающей системы, но и определены основные направления и объемы воздействия верхних уровней, проявляющиеся через масштабы приоритетного инвестирования.

При этом следует признать, что предложенный подход достаточно просто модифицируется в вычислительный процесс, в котором любое изменение приоритетов в исходной модели позволяет рассчитать адекватный «план» выделения средств. Изменение приоритетов при этом может являться самостоятельной проблемой, требующей использования, например, экспертных методов оценивания.

Структура распределения средств по хозяйствующим субъектам при суммарном объеме средств D_0 равным 49000 млн руб., по хозяйствующим субъектам, подотраслям и территориальным единицам свидетельствует, что среди отдельных объектов по объему выделяемых средств особо важными оказываются объекты нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности и объекты электроэнергетики, связанные с восстановлением коммуникаций и силовых подстанций. Значительной долей обладает и ряд сельскохозяйственных районов республики, среди которых особо выделяются Надтеречный, Наурский и Шалинский районы.

Наибольшая доля выделяемых средств в разрезе подотраслей приходится на сельское хозяйство (25,02% общего объема выделяемых средств по ЧР), совокупность объектов социальной сферы, включающих и восстановление

жилья (17,33%), комплекс отраслей, обеспечивающих процессы обращения (15,51%), а также отрасли нефтедобычи (13,86%) и объектов электроэнергетики (12,24%).

Среди региональных подсистем выделяется межхозяйственный комплекс г. Грозного, несущего на себе всю совокупность «обязанностей» республиканского системоформирования, на долю которого приходится более 1/5 общего объема выделяемых средств. Практически поровну значительная доля средств должна выделяться для восстановления хозяйства Грозненского (14,16%), Гудермесского (11,49%) и Шалинского (10,53%) районов, каждый из которых до известных событий обладал наиболее диверсифицированной хозяйственной структурой. В настоящее время принято подобные территориально-хозяйственные образования относить к категории «клusterов».

Вместе с этим следует помнить, что процессы выделения и освоения средств, как правило, состоят из ряда этапов (стадий), требующих использования процедур корректировки предпочтений в направлениях использования средств, в том числе и качественного свойства. Следует согласиться и с тем предположением, что процесс восстановления хозяйственной основы региональной системы является многоэтапным (многостадийным) процессом. Последнее обстоятельство наталкивает на мысль о том, что, помимо пространственно-поэлементного распределения запрашиваемых (выделяемых) средств, возможно выделение и динамические аспекты распределения, которые возникают с принятием условий ситуации, учитывающей многостадийность подобного распределения.

Предложенная модель позволяет разрешать подобную ситуацию при любом количестве этапов, но для наглядности в данной работе выбрана ситуация, включающая две стадии выделения средств. При этом используется принцип практического равенства сумм средств, выделяемых для каждой из очередей. Первая очередь в объеме 25000 млн руб., тогда как вторая – в 24000 млн руб. Пространственно-поэлементное распределение средств в рамках

выделенных этапов получены в результате решения оптимизационных задач. Сравнение объемов распределяемых средств в разрезе хозяйствующих элементов, территориальных единиц и подотраслей позволяет проследить пространственно-временные особенности «заполнения» выделяемыми средствами во всей гамме объектов в составе республики.

Для интерпретации полученных результатов рассчитаны четыре типа таблиц, которые последовательно показывают удельные показатели распределения средств в территориально-отраслевом и временном разрезах. Это, во-первых, удельные веса выделяемых средств на любой объект в общем объеме запрашиваемых средств в разрезе соответствующих этапов. Во-вторых, удельные веса выделяемых средств на любой объект в общем объеме средств, выделяемых отдельно для первой и второй очереди. В-третьих, удельный вес каждого объекта в величине затрат подотрасли в рамках каждой из двух очередей и, наконец, таблицы, определяющие удельный вес объекта в величине затрат территориальной единицы в рамках каждого из двух этапов.

Необходимость данной совокупности взаимосвязанных таблиц имеет целью задачу упрощения окончательного распределения средств в рамках всей совокупности управляющих подсистем (отраслевой и административно-территориальной и, наконец, отдельного субъекта планирования). При этом принимается во внимание необходимость использования таблиц балансового типа для выполнения процедуры согласования запросов и предпочтений, которая носит явно выраженный компромиссный характер.

Ясно, что для сокращения объема изложения анализа полученных результатов последующий анализ будет иллюстрироваться преимущественно на результатах расчета относительных материалов, полученных для одного из этапов. Примем для условности, что таковым является первый этап (очередь) распределения средств.

В первой очереди выделяемых средств полностью должна финансироваться электроэнергетика во всех указанных территориальных

единицах (в Гудермесском и Шалинском районах, а так же в г. Аргун и г. Грозный), подавляющее количество объектов нефтедобывающей промышленности (99,41% от выделяемых на эти нужды средств), практически во всех административных районах, в которых развита соответствующая подотрасль (в Грозненском, Гудермесском, Ножай-Юртовском и Шалинском), а так же в г. Грозный. Исключение составляют объекты Надтеречного района, в котором небольшие объекты запланированы для создания во второй очереди. Подавляющее количество объектов (92,31 %) подотрасли, производящей строительные материалы, должны быть возведены за счет средств первой очереди. Значителен удельный вес средств, выделяемых для восстановления инфраструктурных элементов республики (70,75%) и объектов социальной сферы (74,09%). В таких районах как Грозненский, Гудермесский, Итум-Калинский, Курчалойский, Ножай-Юртовский, Шалийский, Шатойский и Шаройский, а так же для г. Грозный, для формирования объектов обеих указанных сфер средства должны быть выделены в первой очереди. Чуть более на одну треть (37,5%) должны быть использованы средства в развитии объектов пищевой промышленности. При этом в первой очереди полностью покрывается потребность в запрашиваемых средствах в Гудермесском и Шалинском районах, а так же в г. Грозный. Потребности остальных подотраслей должны быть удовлетворены во второй очереди.

Анализ данных, свидетельствуют о том, что распределение средств в разрезе территориальных единиц отличается крайней неоднородностью. Отсутствуют территориальные единицы, которые практически полностью получают все без исключения средства на запланированные мероприятия. Наибольшей долей покрытия, превышающей 2/3 объема общерайонной потребности, выделяются Гудермесский (70,87 %), Шалинский (70,54%), Грозненский (69,74%), Шаройский (66,67%) административные районы. Значительно половинный уровень потребности превышают расходы первой очереди для Курчалойского

(62,4%) и Шатойского (58,33%), а также г. Грозного (60,28%). Чуть менее половины запланированной потребности приходится на г. Аргун (49,5 %), а также на Введенский (43,48%) и Наурский (42,48%) районы. Остальные территориальные единицы либо полностью не получают по оптимальному плану средств для покрытия текущих потребностей, такие, как Надтеречный, Сунженский и Урус-Мартановский район, либо «получают» средства в крайне ограниченном размере, как Ачхой-Мартановский (18,63%), Итумкалинский (8,16%), Щелковской (29,19%) и Ножай-Юртовский (38,2%) районы. Кроме того, данные таблицы представляют своеобразное «противоположное» событие, позволяющее определить удельные веса выделяемых средств второй очереди для решения задач распределения средств в рамках основных объектов Чеченской республики.

Структура распределения средств в первой и во второй очередях выделения позволяет оценить своеобразный «вклад» элементов охватывающей системы в финансировании объектов народнохозяйственного комплекса в разные периоды времени. Так, в первой очереди практически в равных долях, превышающих 1/5 часть выделяемого объема средств в очереди, средства должны поступить в нефтедобывающую, электроэнергетическую подотрасли и в инфраструктурный и социальный блоки республики. Наибольшая доля средств в первую очередь должна пойти на восстановление г. Грозного (23,8 % общего объема средств в первой очереди), Грозненского района (19,36 %), Гудермесского (15,96 %) и Шалинского (14,56%) районов, в которых и сконцентрированы мощности указанных подотраслей.

Более половины всех выделяемых во второй очереди средств направляется на восстановление объектов сельскохозяйственной подотрасли. Значительное внимание во второй очереди отводится нефтеперерабатывающей промышленности с концентрацией средств в г. Грозном (6,25 %). В машиностроительную подотрасль направляется объем средств, практически равный объему средств, направляемых

в инфраструктурный и социальный блоки объектов соответственно. На их долю приходится чуть менее 1/3 выделяемых средств второй очереди. Среди территориальных единиц наибольший объем средств направляется в г. Грозный (16,33 %), Надтеречный (11,67%) и Грозненский (8,75%) районы. По сравнению с территориальной структурой распределения средств первой очереди, для второй очереди характерен более высокий уровень однородности.

Полученные данные позволяют определить удельный вес каждого из хозяйствующих субъектов в средствах, выделяемых для развития соответствующей подотрасли в первой очереди. Так, в нефтедобывающей подотрасли более половины средств (51,85% выделяемых средств в отрасль в первой очереди) направляется в Грозненский район, тогда как почти 1/3 всех средств (29,6 %) направляется равными объемами в Гудермесский район и в г. Грозный. Для подъема электроэнергетической отрасли почти половина выделяемых для данной подотрасли средств направляется в г. Грозный (41,67%), четверть направляемых в электроэнергетику средств (25%) направляется в Шалинский район и равными долями (16,67 %) в Шалинский и Гудермесский районы.

В производстве строительных материалов выделяется объем средств, направляемых в Шалинский район (83,33%). Оставшиеся средства подотрасли равными долями должны быть направлены в Грозненский район и г. Грозный.

Интерес представляет ситуация, свидетельствующая о том, что система предпочтений, заложенных в определение затрат для подразделений сельскохозяйственного производства, обеспечила своеобразный «перенос» интенсификации использования распределяемых средств в этой подотрасли на вторую очередь. Это позволяет сделать вывод о необходимости на первом этапе использование внутренних резервов в сельскохозяйственном производстве как в равнинной, так и в горной части республики.

В инфраструктурных подотраслях выделяемые средства в наибольших объемах должны поступать в организации Грозненского и

Гудермесского районов (по 18,66%), в Шатойский район (14,93%), Курчалойский и Надтеречный районы по 11,19%. Значительная часть средств должна быть направлена в г. Грозный (9,33 %), Веденский (7,46%) и Ачхой-Мартановский (5,6%) районы. На долю остальных четырех районов приходится всего 3% объема средств, выделяемых для развития подразделений инфраструктурной подотрасли.

В социальной сфере почти 1/3 всего объема средств, выделяемых этой сфере, приходится на объекты в г. Грозный. Среди районов, в которых планируется выделение значительного объема средств, направляемых на восстановление социально-значимых объектов, выделяются Гудермесский (15,1 %), Курчалойский (15,26%) и Шалинский (14,47%). Общая доля объектов, размещенных в четырех отмеченных территориальных единицах, значительно превышает 2/3 всего объема выделяемых для этой цели средств.

В рамках первой очереди использования выделяемых средств эти четыре территориальные единицы вместе с Грозненским районом, в котором выделяется значительный объем средств, направляемых на развитие нефтедобывающей промышленности, составляют почти 80%. Последнее обстоятельство продиктовано особой ролью хозяйствующих разноотраслевых объектов в хозяйственной структуре республики.

Данные расчетов свидетельствуют о значительной ориентированности первой очереди выделения средств на удовлетворение потребностей в крайне ограниченном числе подотраслей. Так, на долю объектов нефтедобывающей промышленности, электроэнергетики, инфраструктурных подотраслей и объектов социальной сферы в первом «транше» выделяется более 95% выделяемых средств. При этом доля каждого из выделенных отраслевых подразделений составляет практически равную долю (около 1/4).

Наконец, в итоговой таблице представлена своеобразная межотраслевая структура распределения средств по территориальным единицам. Данная таблица свидетельствует о том, что по

суги дела только четыре территориальных единицы представляют многоотраслевые образования – Грозненский, Гудермесский и Шалинский районы, а также г. Грозный. Остальные районы можно отнести к моноструктурным, в которых средства направляются, преимущественно, для формирования объектов только двух сфер – инфраструктурной и социальной.

Вторая очередь выделения средств направляется преимущественно на восстановление нефтеперерабатывающей промышленности (100% всего объема выделяемых средств), машиностроения (100%), лесной и лесоперерабатывающей промышленности (100%), легкой промышленности (100%) и сельского хозяйства (100%). Это имеет свою определенную подоснову в виде частичного использования средств, вырученных от нефтедобывающей и энергетических подотраслей. Более 2/3 требуемого объема средств выделяется во второй очереди на финансирование пищевой промышленности. Чуть более четверти требуемых средств выделяется для восстановления инфраструктурных подотраслей и социальной сферы.

Наибольший удельный вес распределяемых средств в рамках второй очереди приходится на нефтеперерабатывающую промышленность Грозненского района и г. Грозный (6,25% средств, выделяемых для распределения в рамках второй очереди). Подобные масштабы использования средств выделяются в машиностроении г. Грозного (6,25%) и сельскохозяйственном производстве Шалинского района (5,83%). Именно объекты этих трех подотраслей выделяются в общем объеме выделяемых средств во второй очереди. На их долю приходится более 6% объема средств очереди.

Среди многоотраслевых подсистем территориальных единиц выделяется г. Грозный (16,33%), Надтеречный (11,67%), Грозненский (8,75%), Урус-Мартановский (7,21%), Гудермесский (6,83 %), Шалинский (6,33%) и Ножай-Юртовский районы (6,00%).

В отличие от первой очереди, вторую очередь следует признать полиструктурной. Не выделяются средства только для электро-

энергетики, тогда как все остальные подотрасли получают средства разного объема. Наибольшим уровнем полиструктурности отличаются такие территориальные единицы, как Гудермесский, Сунженский, Урус-Мартановский, Шалинский районы и города Аргун и Грозный. В Веденском (76,92 % в общем объеме средств, выделяемых для восстановления хозяйства территории единицы), Курчалойском (95,84%), Наурском (92,31%) , Шалинском (92,11%) районах доля средств, выделяемых на восстановление сельского хозяйства, превалирует над остальными видами средств, выделяемых для восстановления подотраслей в составе территориальной единицы.

В Ачхой-Мартановском районе средства практически поровну распределены на восстановление сельского хозяйства и социальной сферы. К районам подобного типа следует отнести и Урус-Мартановский район. Сунженский район следует отнести к подтипу, в котором основной объем средств направляется равными долями в сельское хозяйство и инвестиционные отрасли.

Таким образом, предложенная модель позволяет определить структурно-динамические особенности распределения средств в условиях высокой неопределенности, используя положения теории компромиссов в простран-

стве разноуровневых и разнокачественных интересов. Естественно, что в условиях снижения противоречивости и неопределенности предложенный подход может быть дополнен приемами, обеспечивающими использование общепринятых критериев оптимизации пространственно-функциональной организации региональных систем. Это использование выделяемых средств для создания новых элементов территориально-производственного комплекса на новейшей технологической основе, использующей передовые достижения. Основная ориентация в восстановлении при этом должна быть направлена на внедрение экономичных и высокопроизводительных средств, обеспечивающих, в конечном счете, и повышение благосостояния населения республики.

Список литературы

1. Леоненков А. Решение задач оптимизации в среде MS EXCEL. – СПб: БХВ-Петербург, 2005. – С. 704.
2. Рубцов В.А., Степин А.Г. Структурно-функциональная устойчивость территориально-производственных систем (Вопросы метризации).- Казань: Медок, 2005. – С. 200.
3. Хузеев Р.Г. Теория принятия компромиссных решений. – Казань: Изд-во КГУ, 1987. – С. 154.

В редакцию материал поступил 02.02.07.

УДК 332.12

А.М. ТУФЕТУЛОВ,
кандидат экономических наук, доцент

Казанский государственный финансово-экономический институт

ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ ОТРАСЛЕВОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье подробно исследуется взаимовлияние параметров технико-экономической парадигмы на формирование и развитие процессов отраслевой реструктуризации региональной экономики в рамках концепции «длинных волн». Отраслевая реструктуризация как закономерный процесс циклического развития экономики рассматривается сквозь призму имманентных базовых составляющих: институциональный, отраслевой и технологической перестройки. Кроме того, в публикации пристальное внимание уделяется условиям, этапам и особенностям технологической реструктуризации и факторам, детерминирующим технологический уклад. Таким образом, успешность реализации отраслевой реструктуризации региональной экономики во многом зависит от правильно выбранной стратегии технологического развития.

Существующая неопределенность в вопросе о сущности отраслевой реструктуризации в значительной степени объясняет затягивание начала целенаправленных структурных преобразований в национальной и региональных экономиках. Отсутствие четкого представления о цели и задачах необходимой реструктуризации осложняет не только процесс формирования экономической политики на период отраслевой реструктуризации, но и процесс становления механизма регулирования структурных преобразований.

В этой связи необходимо отметить, что наиболее приемлема позиция ученых-экономистов, рассматривающих отраслевую реструктуризацию региональной экономики как элемент длинноволнового процесса, что означает признание определенных «требований», предъявляемых циклическим ходом развития экономики к проведению отраслевой реструктуризации. Интересна постановка проблем взаимосвязи структурных сдвигов и циклического развития экономики (Н.Д. Кондратьев, С.М. Меньшиков, Г. Менш, Й. Шумпетер, Ю.В. Яковец) и трансакционных издержек и изменений в структуре размещения производ-

ственных ресурсов в неоинституциональных экономических теориях (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон). При этом стратегия отраслевой реструктуризации и механизм ее государственного регулирования, а также поведение хозяйствующих субъектов, являющихся участниками структурного маневра, должны строиться с учетом объективных закономерностей.

Современный этап исследований характеризуется достаточно глубоким изучением теоретических и методологических проблем реструктуризации экономики, ее социально-экономических последствий в условиях становления постиндустриального общества. В научной среде существует постоянный интерес к исследованию проблем отраслевой реструктуризации региональной экономики, выявлению закономерностей структурных сдвигов, их взаимодействия с социально-экономическим прогрессом общественных систем. Большой вклад в разработку теории и методологии данного вопроса внесли российские ученые: А.И. Анчишкин, Д.А. Багиров, Л.А. Беркович, С.Ю. Глазьев, Л. Гордон, В.С. Дунаева, В.Л. Иноземцев, Л.С. Казинец, Я.А. Кронрод, А.И. Ноткин, В. Хруцкий, Ю.В. Яременко и другие.

Для изучения процесса отраслевой реструктуризации региональной экономики принципиальное значение, по нашему мнению, имеет разрабатываемая авторами различных концепций длинных волн категория «технико-экономическая парадигма» (ТЭП). Каждая новая технико-экономическая парадигма характеризуется новыми параметрами: ключевым фактором, выступающим в качестве основы системы технологических и управленческих нововведений; формой организации производства; качеством рабочей силы; структурой общественного продукта; нововведениями, направленными на замещение относительно дорогих элементов более интенсивным использованием ключевого фактора; структурой инвестиций, в которой значительное место занимают инвестиции в новую инфраструктуру, создающую условия для ускоренного развития отраслей, производящих и интенсивно потребляющих ключевой фактор, что способствует очередному длинноволновому подъему [1].

В соответствии с современным представлением об экономических волнах ключевым фактором 3-й длинной волны экономисты считают сталь, 4-й – нефть, 5-й – микроэлектронные компоненты [1, с. 146–147]. Главными свойствами «ключевых факторов» являются: низкая и постоянно снижающаяся относительная стоимость продукции; неограниченное предложение; потенциальная способность к диффузии в другие сектора экономики. Это позволяет в итоге изменить качество множества продуктов и снизить их стоимость, а также трансформировать применяемый в производстве труд и капитал [2].

Теоретический анализ трудов зарубежных и отечественных ученых определяет технико-экономическую парадигму как «новое множество руководящих принципов, которые становятся общепринятыми для очередной фазы развития» [1, с. 161]. Технико-экономическую парадигму можно рассматривать как своеобразную методологию технико-экономического развития на определенном этапе, в частности, зарубежный исследователь К. Перес-Перес предлагая свою трактовку ТЭП, рассматривает

ее как сферу производства и экономических отношений со всеми присущими ей явлениями (распределением доходов, технологиями, организационными и управленческими методами) [3]. Она представляет длинную волну как сочетание двух жизненных циклов: технико-экономического и институционального.

Используя категорию «технико-экономическая парадигма», К. Перес-Перес характеризует фазы длинной волны. Депрессия же (макроэкономический структурный кризис) определяется как «период несоответствия между возникающей новой технико-экономической парадигмой и институциональной структурой общества» [1, с. 224], которая на этом этапе продолжает ориентироваться на воспроизведение старой ТЭП. В фазе оживления (отраслевой реструктуризации), по мнению К. Перес-Перес, в соответствии с технологическими преобразованиями в технико-экономической сфере происходят изменения не только социального поведения, но и социальных институтов [4]. Стадия спада обусловлена кризисом господствующей парадигмы, вступившей в заключительную фазу своего жизненного цикла, то есть, исчерпание потенциала кризисной парадигмы, которое накладывается на сохранение соответствующего социально-институционального механизма, препятствующего развитию новых технологий, свидетельствует о начале депрессии [5].

Категория «технико-экономическая парадигма» позволяет рассматривать процесс отраслевой реструктуризации в широком смысле, то есть как триединый процесс технологической, отраслевой и институциональной перестройки (технико-экономическая парадигма формируется в результате технологической и отраслевой реструктуризации при условии проведения соответствующих институциональных преобразований). С исчерпанием потенциала доминирующей технико-экономической парадигмы (с наступлением структурного кризиса) появляется потребность в формировании новой парадигмы в результате трансформации технологической и отраслевой структуры и благодаря институциональным

преобразованиям в экономике. Последняя составляющая отраслевой реструктуризации особенно важна, так как является обязательным условием осуществления двух первых.

Отмечая особенности национальной экономики России, необходимо отметить, что старая институциональная структура, а также соответствующая ей модель государственного регулирования экономического развития создавались в соответствии с принципами технико-экономической парадигмы, ставшей кризисной, они не соответствуют потребностям новой структуры инвестиций и должны быть заменены в ходе институциональных преобразований, то есть, необходимость своевременных институциональных преобразований очевидна.

Несмотря на тесную взаимосвязь, каждая составляющая отраслевой реструктуризации является относительно самостоятельным процессом, имеющим свои собственные цели и результаты. Поэтому, несомненно, важно исследовать технологическую, отраслевую и институциональную реструктуризацию в отдельности как с точки зрения их роли в процессе отраслевой реструктуризации в целом, так и с точки зрения непосредственного результата. Здесь имеет смысл исходить из того, что отраслевая реструктуризация региональной экономики представляет собой единство технологической, отраслевой и институциональной перестройки на уровне региона, происходит периодически, составляя этап циклического развития структуры экономики.

Признание за отраслевой реструктуризацией статуса периодически повторяющегося процесса, предопределенного закономерностями циклического развития экономики, влечет за собой необходимость признания объективной обусловленности стратегии отраслевой реструктуризации, определяет актуальность выявления и изучения общекономических элементов в региональных моделях отраслевой реструктуризации, сформировавшихся в технологически развитых странах, в которых отраслевая реструктуризация, проведенная в конце 1970-1980-х гг., привела к становлению новой

технико-экономической парадигмы и новой институциональной структуры.

Идея о наличии в экономике существенно различных по своему техническому уровню производств, объединяемых в группы качественным единством технологий, вовлекаемых ресурсов и выпускаемой продукции [6], получила дальнейшее развитие в российской экономической науке.

Представляется продуктивным рассмотрение технологического развития как процесса периодической смены технологических укладов – «технологически сопряженных производств, объединенных в воспроизводящуюся целостность взаимосвязанных «входов» и «выходов», общими технологическими принципами, культурой труда и организации производства, его ориентацией на соответствующий тип общественного потребления и образ жизни населения» [7]. Технологическая отраслевая реструктуризация обеспечивает выход производительных сил на принципиально новый уровень развития в процессе смены лидирующего технологического уклада (ТУ).

Такой взгляд на проблему технологической отраслевой реструктуризации в настоящее время наиболее востребован, так как:

вписывается в систему концепций длинных волн экономического развития;

позволяет развить теоретико-методологический подход к анализу отраслевой реструктуризации;

дает основания для выработки согласованной с требованиями закономерностей процесса отраслевой реструктуризации стратегии структурной трансформации отечественной экономики, в том числе на региональном уровне;

представляет возможность формирования механизма регулирования структурных преобразований, соответствующего основным тенденциям этого процесса в мировой экономике;

обуславливает адекватность создаваемой структуры региональной экономики структуре, сложившейся в ведущих странах мира;

обеспечивает решение проблем, сопряженных с оценкой динамики структурных преобразований на уровне региона.

Движение ресурсных потоков на этапе скачка в технологическом развитии проанализировано Ю.В. Яременко, отождествлявшим создание современной экономики с высоким уровнем жизни населения, передовым производственным аппаратом, развитой системой научных исследований, мощным оборонным потенциалом, с закреплением за качественными ресурсами (для характеристики ресурсов Ю.В. Яременко использовал термины «качественные ресурсы» и «массовые ресурсы», основанием для отнесения ресурсов к той или иной группе является технический уровень средств производства и квалификация рабочей силы, используемых в целях воспроизводства ресурсов [8, с. 32]) доминирующей роли в процессе воспроизводства. Данное утверждение с помощью понятийного аппарата, разработанного для анализа закономерностей и тенденций технологического развития, можно интерпретировать как установление логической зависимости достижения перечисленных целей от формирования в результате технологической переустройки передового технологического уклада.

В период наиболее интенсивной отраслевой реструктуризации, когда происходит наращивание верхнего уровня экономики, по мнению Ю.В. Яременко, возникает потребность в ресурсах более высокого ранга по сравнению с ресурсами самых низких уровней. Но в начальной фазе отраслевой реструктуризации качественный рост нижнего уровня производств (на современном этапе – III ТУ) и темпы технологического развития верхних уровней экономики (V ТУ) незначительны. Интенсивность процесса замещения (содержание процесса замещения заключается в относительном увеличении объема качественных ресурсов, потребляемых низшими звенями, что «означает замещение этими ресурсами массовых ресурсов или любых других ресурсов более низкого ранга») в этот период не может быть существенной, что является следствием «разрыва в масштабах производства, характеризующих верхние и нижние звенья хозяйственной системы».

«Различные ступени в разделении труда, –

писал еще К. Маркс, – являются вместе с тем и различными формами собственности, то есть каждая ступень разделения труда определяет также и отношения индивидов друг к другу, соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [6].

Необходимость в подтягивании качественного уровня нижних звеньев в сочетании с объективно обусловленной низкой интенсивностью замещающих воздействий со стороны верхних хозяйственных уровней на начальном этапе отраслевой реструктуризации может вызвать (временное или воспроизведяющееся, в зависимости от дальнейшей стратегии технологического развития) расширение промежуточных звеньев (на данном этапе циклического развития – это IV ТУ). Остановка технологической отраслевой реструктуризации на первом этапе приводит к негативным последствиям, следствием которых является движение экономики по экстенсивному пути развития. Ю. В. Яременко следующим образом охарактеризовал ситуацию, складывающуюся в результате реализации данного варианта технологической реструктуризации: усиление роли процессов компенсирующего характера; значительный удельный вес нижних хозяйственных уровней и медленное его снижение; приближение глубины восходящих компенсирующих воздействий к максимально высокой; низкая интенсивность процессов импортозамещения; сопровождение исходящих замещающих воздействий существенным компенсирующим эффектом; слабое влияние качественных сдвигов, происходящих в экономике, на ее средний технический уровень; незначительная скорость перемещения с одного хозяйственного уровня на другой. Итоги такого развития: научно-технический прогресс затрагивает лишь отдельные хозяйствственные уровни; медленный рост общих народнохозяйственных качественных характеристик; превышение темпов расширения хозяйственных уровней, находящихся ниже качественного центра тяжести системы, над темпами расширения хозяйственных уровней, находящихся выше центра тяжести/

Для исключения возможности развития описанной выше ситуации, на наш взгляд, необходим переход ко второй фазе технологической отраслевой реструктуризации, когда формирование нового ТУ (для современной российской экономики – V ТУ) достигнет состояния, позволяющего осуществить процесс замещения на нижнем хозяйственном уровне (диффузии нового ТУ), содействуя отмиранию замыкающих технологических звеньев. В ходе осуществления этого этапа отраслевой реструктуризации происходит: повышение роли процессов замещения; быстрый рост удельного веса верхних хозяйственных уровней; возрастает глубина нисходящих, замещающих воздействий; изменение соотношения между компенсирующим и замещающим эффектом в нисходящих воздействиях в пользу последнего; падение значения компенсирующих процессов; снижение удельного веса нижних уровней; существенное изменение среднего качественного уровня хозяйства; расширение верхних промежуточных звеньев экономики.

Таким образом, при выборе стратегии технологического развития на первом этапе отраслевой реструктуризации особое внимание должно быть уделено IV ТУ, который в условиях, когда V ТУ только формируется и качественных ресурсов для обеспечения его диффузии в экономику в целом еще недостаточно, является носителем как компенсирующей, так и замещающей функции, IV ТУ должен выполнять компенсирующие функции по отношению

к некоторым элементам V технологического уклада и замещающие – по отношению к ряду элементов III ТУ. И на первом, и на втором этапе отраслевой реструктуризации должны быть четко определены специфичные для каждого технологического уклада (соответственно III, IV, V и VI ТУ) цели и задачи развития, а в соответствии с ними следует формировать механизм государственного регулирования реализации выбранной стратегии.

Список литературы

1. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие// С.Ю. Глазьев, Г.И. Микерин, П.Н. Тесля и др. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. – 224 с.
2. Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. – М.: Международные отношения, 1989. – с. 235–236.
3. Яковец Ю.В. Циклы, кризисы, прогнозы. – М., 1999. – С. 8.
4. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000. – С. 43.
5. Расин Б. О концепции «кондратьевских циклов» капиталистического воспроизводства // Экономические науки. 1989. – № 9. – С. 114.
6. Яременко Ю. В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. – М.: Наука, 1999. – с. 32.
7. Глазьев С.Ю. Научно-технический прогресс и воспроизводственные структуры в народном хозяйстве // Проблемы хозяйственного механизма управления НТП. – М., 1986. – С. 50–67.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. – с. 20.

В редакцию материал поступил 26.12.06.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ (МАРКЕТИНГ)

УДК 339.37

Н.Н. ЕРМОЛАЕВА,
ст. преподаватель

Альметьевский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

НОВЫЙ ИМПУЛЬС ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УСЛУГ В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ

В статье рассматриваются подходы к процессу управления качеством торговых услуг как одного из ключевых и актуальных факторов развития конкурентоспособности торгового предприятия. Отмечается специфичность содержания сервиса торговых услуг и впервые проводится параллель между качественным сервисом и качеством реализуемых товаров. Рассматривается взаимосвязь между заинтересованностью потребителей в приобретении качественных товаров и интересами самого торгового предприятия. В статье определяются основные принципы и предлагаются подходы к разработке системы менеджмента качества розничных торговых предприятий.

В последние годы наблюдается устойчивая тенденция повышения роли услуг в жизни общества, причем рост сферы услуг значительно опережает рост материального производства. Сектор услуг особенно повышенными темпами развивается в таких крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург. Их концентрация достигает от 45% до 60%. Развитие получили такие сферы услуг, как ресторанный бизнес и услуги общественного питания, парикмахерские, косметологические, туристические услуги, а также сфера торговли.

Торговля занимает важное место в российской экономике и является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей. Розничная торговля в начале XXI века формирует треть валового внутреннего продукта (ВВП), что намного больше, чем приносит сельское хозяйство и многие другие отрасли промышленности вместе взятые.

Оборот розничной торговли в РФ в 2006 году увеличился на 12,9% по сравнению с 2005 годом. В Европе данный показатель не превышает 3%

годового роста. Аналитики считают, что рост российского розничного рынка в течение 2005–2010 гг. может достигнуть 13,5% ежегодно. Но, несмотря на такие высокие темпы роста, российский рынок еще сильно отстает по товарообороту от рынков развитых европейских стран.

Одновременно с этим проблемной зоной для большинства предприятий розничной торговли остается вопрос менеджмента качества торговых услуг. Проведенные автором статьи исследования в области удовлетворенности российских потребителей уровнем и качеством торговых услуг позволили выделить следующие важные моменты:

1. Российский потребитель значительно поднял планку требований к уровню обслуживания в сфере торговых услуг, ориентируясь на более высокий, качественный уровень: ему не безразлично внимание со стороны торгового персонала, повысились требования к качеству предоставляемой информации по товару, высока его чувствительность к срокам предоставляемой гарантии, послепродажному (сервисному) обслуживанию.

2. Удовлетворенность качеством торговых услуг прямо пропорциональна удовлетворенности качеством приобретенного товара. Ненадлежащее качество приобретенного товара вызывает чувства раздражения, огорчения и разочарования конкретным торговым предприятием, которое продало ему этот товар.

3. В 90% случаев из 100% потребитель предъявляет претензии по качеству приобретенного товара не производителю, а именно администрации торгового предприятия, видя в ней главный источник своей неудовлетворенности качеством товара.

Предыдущий этап развития рыночных отношений в торговле характеризовался активным ростом торговых площадей за счет прихода на рынок крупных торговых сетей. На долю современных форматов (гипермаркет, супермаркет, минимаркет, дискаунтер) розничной торговли в России на 1000 человек приходится 18 м², тогда как в Турции – 60, в Польше – 114, во Франции – 273 м² [1].

Следует отметить достаточный рост товарооборота розничной торговли по РФ и РТ за последние годы. Динамика роста товарооборота розничной торговли представлена в табл. 1.

Таким образом, наблюдается устойчивый прирост объемов розничного товарооборота, а также ежегодное увеличение внешнеторгового товарооборота с зарубежными странами. Однако количественный рост товарооборота не может гарантировать сам по себе факт значи-

тельного и качественного роста уровня сервиса торговых услуг.

Важным фактором, по мнению автора, определяющим рост торговых сетей в России, является увеличение потребительского спроса, в основе которого лежит рост реальных доходов населения. По данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), реальные денежные доходы населения России в 2006 году увеличились на 9,9% против 9,3% в 2005 году. Министерство экономического развития Российской Федерации прогнозирует рост реальных доходов населения на 2007–2008 гг. в пределах 9% [1].

Сегодня на первый план в сфере розничной торговли выдвигаются такие специфические критерии оценки конкурентоспособности торгового предприятия, как качественный сервис. Его оценка представляется одновременно актуальной и не в полной мере проработанной с точки зрения методики и очечочных технологий. Вместе с тем торговые услуги, как специфичный объект сервиса, требуют особого внимания и глубоких знаний. Данные знания базируются на таких дисциплинах, как маркетинг, организация торговли, товароведение, поведение потребителей, маркетинговые коммуникации, менеджмент [2].

В настоящее время большая часть предприятий торговли уже осознала наличие закономерной взаимосвязи, которая выражается в наличии прямой зависимости между уровнем

Таблица 1
**Оборот розничной торговли по Российской Федерации
и Республике Татарстан за 2000-2005 гг.
(в процентах к предыдущему году)**

Показатели	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Оборот розничной торговли по РФ	109,0	111,0	109,3	108,8	112,5	112,8
Внешнеторговый оборот со странами вне СНГ	131,8	104,2	109,7	125,6	130,8	136,0
Оборот розничной торговли по РТ	93,7	105,3	114,6	107,2	119,1	123,4

сервиса предоставляемых услуг и уровнем прибыльности предприятия. В рыночных условиях хозяйствования продавец вынужден считаться с интересами потребителей и строить политику сбыта на основе создания максимальной степени комфортности для покупателя. Поведение потребителей, закономерности психологии потребителей в процессе выбора товара, их предпочтения, вкусы и привычки становятся специфичным и пристальным объектом изучения со стороны предпринимательских торговых структур.

Современный потребитель и общество в целом выдвигают ряд требований по организации качественного сервиса в сфере торговли. Среди них можно выделить: комфортность пребывания потребителя в торговом зале, максимальные удобства и скорость обслуживания, предоставление полной и доступной информации о товаре, обеспечение гарантий в области качества приобретаемых товаров, уровень профессионального этикета и культуры торгового персонала, предоставление квалифицированной консультации по характеристикам товара, наличие послепродажного сервиса для товаров длительного пользования. Продолжительные наблюдения за процессом организации сервисного обслуживания в торговых предприятиях позволили сделать автору работы ряд следующих выводов, а именно:

- «качество торгового сервиса» не может рассматриваться в отрыве от «качества реализуемых в розничной сети товаров», так как потребитель только в том случае испытывает полную удовлетворенность при покупке, когда его полностью удовлетворяет качество приобретенного товара;

- качество товара выдвигается на первый план у большей части российских потребителей, причем тенденция к стремлению к качественным товарам растет пропорционально уровню культуры и развитости общества.

Как показывает отечественная и зарубежная практика ведения бизнеса, своевременное решение проблем по обеспечению качества сервиса в торговых предприятиях создает дополнительные возможности по обеспечению

устойчивого конкурентного преимущества. Только качественный сервис помогает торговой организации прочно закрепиться в выбранном рыночном сегменте и занять собственную «нишу». Удовлетворение потребностей и интересов потребителей уже сегодня носит соревновательный характер в торговых сетях, а в будущем прогнозируется дальнейшее совершенствование работы в данном направлении. Современные рыночные отношения становятся практически невозможными без грамотной политики организации сервиса торговых услуг, учитывающей интересы потребителей, общества в целом и собственные коммерческие цели и интересы со стороны торговых организаций.

Параллельно с этими положительными моментами имеют место и такие явления как вытеснение с рынка ряда качественных товаров по причине их недлительного срока хранения – речь идет о йогуртах, молочной продукции, предназначенной для детского питания, колбасных изделиях натурального происхождения. В этом случае потребитель, поставленный в заранее невыгодные условия, вынужден приобретать не тот товар, в котором действительно нуждается, а тот товар, который ему буквально навязывается супермаркетом. В этом случае политика менеджеров торгового предприятия объясняется стремлением к снижению издержек обращения при работе с продовольственными товарами длительного срока хранения. Ситуация с прогрессирующим ростом в сырьевом составе пищевых товаров различных добавок в виде стабилизаторов, красителей, консервантов и ароматизаторов становится в последнее время практически критической. Перечень пищевых добавок, разрешенных для применения в РФ, постоянно расширяется и корректируется, исходя из степени адаптации санитарных норм, принятых в нашей стране, к международным и европейским стандартам безопасности. В этой связи следует отметить, что стремление к единению в области международной стандартизации в данном случае не является положительным моментом для регулирования качества товаров на отечественном потребительском рынке.

По мнению автора, в ближайшем будущем торговые предприятия столкнутся с проблемой целенаправленного управления качеством услуг, решение которой невозможно без обращения должного внимания на качество реализуемых товаров. Крупные супермаркеты, заботясь о собственном конкурентном положении и стремясь к привлечению внимания потребителей и увеличению покупательского потока, будут учиться работать совершенно по-новому. Новшества будут связаны с разработкой и внедрением внутренних систем менеджмента качества торговых услуг. Стандартные процедуры, связанные с сертификацией торговых услуг, которые на сегодняшний день являются обязательными, постепенно отойдут на второй план, так как процедура сертификации не гарантирует ежедневного и стабильного качества торговых услуг, а всего лишь представляет собой деятельность по подтверждению соответствия услуги установленным требованиям.

Система менеджмента качества торговых услуг, по мнению таких авторов, как О.А. Семин, В.А. Сайдашева и В.В. Панюкова, должна базироваться на следующих основных принципах менеджмента качества (ИСО 9000:2000):

1. Максимальная ориентация на потребителя, его желания, потребности, ожидания и поведение, необходимость строить планы менеджмента торговым предприятием только с учетом пожеланий и потребностей потребителя. Например, в настоящее время российский потребитель достаточно требовательно относится к качеству товара, уровню обслуживания в рамках торгового предприятия.

2. Лидерство руководителей предприятия, которые в первую очередь сами должны понимать и уметь объяснять последовательность и необходимость управления качеством торговых услуг. В данном случае наличие лидерских качеств необходимо для умения вовлечь персонал в общий процесс управления качеством торговых услуг.

3. Вовлеченность работников в осуществление построения системы менеджмента качества на торговом предприятии, максимальная прозрачность требований, целей и резуль-

татов, необходимость проведения соответствующего обучения сотрудников эффективным приемам работы, и повышение их заинтересованности в результатах труда за счет морального и материального стимулирования [2].

4. Использование процессного подхода к построению системы менеджмента качества услуг, который должен обеспечить точную и планомерную работу всего торгового предприятия с учетом управления параметрами «входа» – поставка и приемка только качественных товаров. На «выходе» данного процесса обязательным условием и основной целью внедрения данного подхода должно быть положительное отношение потребителя и его состояние удовлетворенности приобретенным качественным товаром.

Примерная схема построения и управления данным процессом представлена на рис. 1.

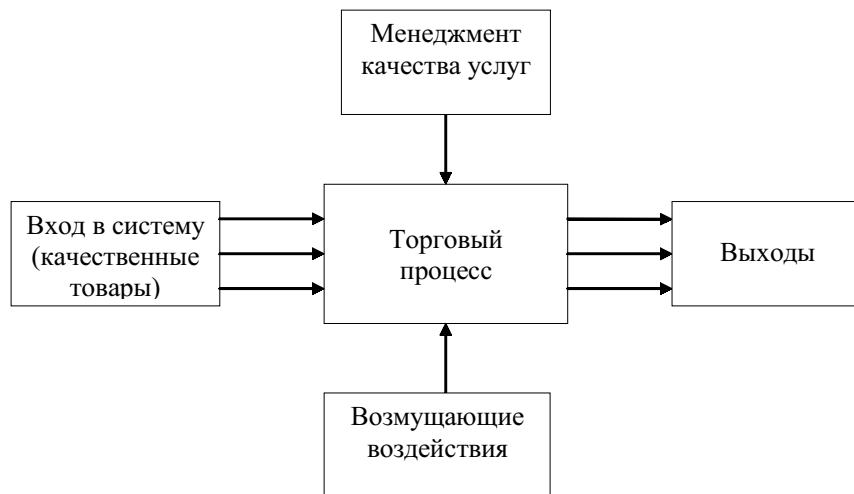
5. Использование системного подхода к управлению процессом, умение четко разграничивать подпроцессы и определять их роль в общем процессе управления качеством услуг.

6. Постоянное совершенствование деятельности предприятия и сферы менеджмента на основе применения методики самооценки и модели превосходства: выявление сильных и слабых сторон деятельности предприятия, самообследование существующей системы менеджмента на предприятии и разработка поэтапного достижения новых стратегических целей.

Автором статьи определены главные аргументы в пользу необходимости внедрения системы менеджмента качества на торговых предприятиях. Ими становятся:

- актуальность и необходимость преобразований, проводимых в интересах потребителей, так как по большей части групп товаров произошло достаточное насыщение рынка и теперь конкурентная борьба прогнозируется на уровне качества реализуемого товара и уровня качества торговых услуг;

- возможность дифференциации торгово-технологического процесса на такие стандартные и унифицированные звенья, как: изучение спроса, составление заявок, приемка

Рис 1. Организация процессного подхода в управлении качеством торговых услуг

товара по количеству и качеству, размещение товара на хранение и обеспечение оптимальных режимов хранения, подготовка товаров к продаже и размещение в торговом зале, реализация товаров потребителю;

- наличие возможностей по составлению точных должностных инструкций для обслуживающего персонала и поддержание в целом на предприятии стабильного и заданного внутренними нормативами высокого уровня обслуживания;

- дифференциация каждого торгово-технологического процесса на такие стандартные и унифицированные звенья как: изучение спроса, составление заявок, приемка товара по количеству и качеству, размещение товара на хранение, подготовка к продаже и размещение в торговом зале, реализация товаров потребителю, что позволит составить точные инструкции для рабочего персонала и в целом поддерживать стабильный и заданный внутренними нормативами уровень обслуживания;

- высокое качество обслуживания которое должно осуществляться только за счет реализации качественных товаров, что позволит торговым предприятиям не «платить по счетам» за неудовлетворительное качество товаров

отдельных поставщиков и тем самым сохранить свой имидж в глазах потребителей.

Таким образом, автором данной статьи был обозначен взаимообусловленный интерес со стороны торговых предприятий, потребителей и общества в целом в области организации и поддержания высокого уровня сервиса торговых услуг. Одновременно было определено, что управление качеством торговых услуг должно осуществляться параллельно с управлением качеством реализуемых товаров. Современная розничная торговля имеет в настоящее время все возможности для того, чтобы стать своеобразным фильтром, отсеивающим недоброкачественные товары с рынка. Описанная в данной статье схема пересечения интересов, на наш взгляд, позволит по-новому определить подходы в менеджменте качества торговых услуг. В ближайшей перспективе автором планируется детальная разработка методологии и технологии внедрения системы менеджмента качества в торговых предприятиях. Для цивилизованного развития рыночных отношений данное направление представляется наиболее актуальным, востребованным и эффективным. Современная розничная торговля находится на пути важных перемен, которые продиктованы интересами российских потребителей и общества.

Список литературы

1. Нагапетянц Р. Н. Маркетинг в розничной торговле// Маркетинг.– 2006. – № 5. – С.66–74.
2. Сёмин О.А., Сайдашева В.А., Панюкова В.В. Маркетинг и управление качеством торговых услуг. – М.: Дело и Сервис, 2006.
3. Салливан М., М. Эдлок. Маркетинг в розничной торговле. – Спб.: ИД «Нева», 2004.
4. Аткинсон Д. Все о продажах. – М.: Фаир-Пресс, 2003.
5. Егоров В. Ф. Организация торговли. – Спб.: Питер-Принт, 2004.

В редакцию материал поступил 25.01.07.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7

М.В. БАЙТЕЕВА,
кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Владимирского юридического института
Министерства юстиции РФ

НОРМАТИВНЫЕ ИДЕИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются этико-правовые аспекты обоснования границ свободы человека в современном обществе. Анализируются различные научные подходы юристов и философов к проблемам соотношения интересов личности и государства, перспективы их развития в обществе.

В течение столетий люди экспериментировали с властью, и эти опыты, как правило, имели негативные последствия. Не секрет, что государство склонно всячески регламентировать жизнь индивида, оформлять ее совокупностью дисциплинарных норм, эксплуатировать его способности и подавлять волю, сужать рамки свободы для тех, кто рассматривается как политический оппонент. Поэтому и в философии права, и в политической философии все чаще ставится вопрос не только об обязанностях и правах индивидов, но и моральных обязательствах государства.

Дискуссия о нормативности и стандартах общественной жизни всегда имеет как политico-правовой, так и морально-этический формат. Как и другие социальные нормы, правовые нормы отражают характер складывающихся отношений в обществе: определяют взаимные ограничения свободы, выделяют границы легального поведения. Установление этих границ всегда требует предварительного выяснения содержания правовой свободы.

Возможность делать что хочешь ограничена дважды: реальностью, которая устанавливает, что можно делать фактически, и нормами,

которые определяют, что делать разрешено. Хотя требования индивидуализма всегда выражались в желании изменить состояния свободы, гарантированная законная свобода приобреталась ценой взаимного ограничения. Еще с античности естественной свободе, которая не имела никаких иных границ, кроме силы индивида, противополагалась гражданская свобода, ограниченная общей волей. Поэтому к первой в римском праве относили владение, олицетворявшее проявление силы (например, захват вещи), а ко второй – собственность, которая базировалась на гарантированном частном праве. «От природы каждый человек имеет право на все, в чем он нуждается; но юридический акт, который делает его собственником одного блага, исключает его из владения другим», – писал Ж.Ж. Руссо [1]. Ш.Л. Монтескье выражался более категорично: «Свобода – это право делать все, что законы позволяют. Если бы гражданин мог делать, что законы запрещают, то он не имел бы больше другого, так как другой имел бы аналогичную власть»¹. Однако четче всех сформулировал эту мысль И. Фихте, который писал об изменениях

¹Ibid.

свободы и задачах права так: «Если какое-либо количество людей объединяется, это значит: они хотят жить вместе. Но они вовсе не могут существовать вместе, если каждый не ограничивает свою свободу свободой всех остальных. Если миллион людей соберется вместе, то каждый захочет для себя как можно больше свободы. Объединив волю всех в общее понятие «воля», индивид делит совокупность возможной свободы равными долями, он идет на это, потому что все свободны друг от друга и свобода каждого ограничена свободой всех других» [2].

Именно эту границу, где разграничивается воля всех, проводит право. И. Кант определил право как «ограничение свободы каждого на условии взаимного согласия». Эта мысль нашла отражение во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, в первой статье которой гарантируется и «исполнение естественных прав каждого человека безо всяких границ, кроме разрешения остальным членам пользоваться равными правами». В этих определениях свободы проявляется установление тождественности императиву Канта: отделение индивидуальной свободы, согласно всеобщего закона, означает ограничение ее для всех.

Для того, чтобы принципы и функции права определялись как разделение и регулирование свободы, недостаточно их просто дефинировать. Формальный принцип Канта выступает здесь необходимым, но отнюдь не достаточным принципом для взаимного регулирования отношений людей. Проблематичность понятия справедливости находит отражение в вопросе: «Как можно измерить свободу одного индивида и ограничить ее свободой другого?». Здесь требуются не только формальные гарантии частной «автономии», но и «материальные» шансы самоопределения личности.

Еще в XIX веке Г. Еллинек соотносил отдельные права человека с различными правовыми статусами – статусом *negativus*, статусом *activus* и статусом *positivus* [3]. К первой группе он относил основные права и свободы человека. При этом статус *negativus* обосновывал ограничения власти в пользу

индивидуа, где государство обязано было не мешать осуществлению его прав и свобод. Вторая группа совпадала с гражданскими правами политического участия. Имея статус *activus*, они являлись гарантией активного вмешательства индивида в политические события. В третью группу входили социальные права, которые должны были оформляться статусом *positivus*, что позволило бы гражданам пользоваться возможностями государства.

Анализируя основные права и свободы, Т. Маршалл акцентировал внимание на особенностях их временной актуализации в государстве: первая группа появилась в XVIII, вторая – в XIX, а третья – в XX веке [4]. Он отмечал, что права первого поколения как элементарные требования свободы индивида подвергаются критике менее всего. Ж.Ж. Руссо также подчеркивал, что наибольшую критику вызывает не индивидуальная свобода, а политическое самоопределение, поскольку обладатель власти склонен признавать права и свободы других до тех пор, пока не стал вопрос о перераспределении сферыластных правомочий. Относительно прав второго поколения, в частности прав политического участия, часто дискутируется вопрос о том, кому и на каком основании нужно их давать:

- гражданам;
- лицам, проживающим на данной территории продолжительное время;
- лицам, временно пребывающим в государстве или вообще всем индивидам?

Наиболее спорными являются социальные права, которые отнесены к правам третьего поколения. Логично задаться вопросом, как следует их понимать: исходя из того, что государство поддерживает попавших в беду, но все же самостоятельных индивидов или только тех из них, кто безоговорочно нуждается в помощи? Либеральные государства ставят перед собой задачу способствовать самоопределению граждан, но отнюдь не с целью страхования их от социальных и экономических неудач.

В современном обществе индивидуальные права и свободы постоянно находятся под крылом государственной власти и зависят от

лимита помощи государства, причем, время от времени, возможности использования этой свободы остро нуждаются в такой помощи. Известный западноевропейский специалист по юридической логике Р. Алекси выделяет здесь следующие группы прав:

- право индивида на защиту государством;
- право на оборону;
- право политического участия;
- право социальных гарантий;
- процессуальные права, которые относятся к способу осуществления прав, перечисленных выше [5].

При более точном рассмотрении оказывается, что речь идет не просто о правах и свободах человека, но о теоретико-правовых концептах, которые характеризуются свойствами универсальности и фундаментальности, а также приоритетом в отношении положительного права.

Следует отметить, что проблемным моментом нормативности прав человека является неоднозначность их формулировок в различных государствах. Еще хуже обстоит дело с их фактическим соблюдением. В этой ситуации идея права образует нормативную цель, которая требует бескомпромиссности и создания одинаково приемлемых условий жизни для человека. Это требование не должно зависеть от того, перешли ли соответствующие права в положительное право или нет. Права человека воспринимаются как идеалы, к которым политики обращаются лишь в речах предвыборных компаний и, которые как это не парадоксально, зачастую становятся своего рода контрафактами. Чтобы понять механизм такой трансформации, следует выяснить, какой смысл приобретает идея права вообще.

Для того, чтобы кто-то имел право на что-то в положительном смысле, необходимы минимум четыре условия: во-первых, должно быть ясно, кого следует считать носителем соответствующего права; во-вторых, необходимо знать, в чем заключается или состоит данное право; в третьих, необходимо идентифицировать не только адресата, но и гаранта права; в-четвертых, должна быть установлена процедура обеспечения права.

Первое условие призвано разъяснить: кому именно принадлежат права человека. Основная проблема здесь состоит в уяснении смысла понятия «человек». Очевидно, что нельзя сводить это понятие к биологической категории или соотносить его с неким групповым признаком. Индивид – это, прежде всего, личность со своей автономией, включающей разумные, языковые, практические способности и нравственные установки.

Вторым условием является содержание или смысл прав человека. При возникновении конфликтов возникает необходимость следовать ссылке на бесспорность негативных и активных прав, а в случае возникновения разногласий в вопросах о социальных правах разнотечения должны временно игнорироваться. Здесь уместно привести доводы постмодернистов, неоднократно подвергающих критике нормативную идею прав человека. Наиболее радикальная позиция здесь принадлежит Ж.Ф. Литару, который считает права человека односторонним выражением традиций, свойственных Западной Европе [6]. Однако с мнением о том, что права человека имеют европейскую природу происхождения, трудно согласиться. Индивидуализированное право европейца на «самооборону» и защиту, прежде всего, от государства, исключает историческую коммунистичность культурных форм. Тем не менее, аналогичное право охраны человеческой жизни, уважения неприкосновенности и свободы индивида есть и в других неевропейских культурах. Очевидно, что категоричные формулировки прав человека Виргинского билля о правах и Декларации прав человека и гражданина 1789 года имеют идентичную основу. Права данного типа могут обеспечивать максимальную защиту интересов личности и поэтому нередко формулируются в формате одностороннего преимущества.

Но при этом возникает ряд вопросов. Можно ли изменять содержание прав человека без учета культурного контекста отдельных народов? Следует ли устанавливать, наряду с личными, коллективные права человека, соотнося его с определенной группой (например, права

меньшинств)? Что означает обладание первоначальными и неприкосновенными правами? Против каких конкурирующих требований эти права могут иметь преимущества и кто должен предоставлять их?

Особой проблемой прав человека является их обеспечение. Человеку необходимо не только предоставить, но и обеспечить реализацию его прав - имеющий право должен иметь возможность действий. У подавляющего большинства индивидов, имеющих права, возникает необходимость обращаться для их защиты и реализации за помощью государства. Юрисдикция конституционных судов, призванная предотвращать нарушение или ограничение основных прав, может не справляться со своими задачами под давлением власти. Этим оправдывается существование ряда наднациональных организаций, призванных выполнять важную задачу наблюдения и применения санкций против государств, нарушающих права человека. К числу таких организаций относятся Комиссия по правам человека ООН и ряд других организаций. Однако, как показывает практика, не им, а общественности, выполняющей независимый контроль за деятельность структур власти, принадлежит главная роль в защите прав человека. Передача функций контроля в руки общественности приводит к качественным изменениям самого правового регулирования. Еще в XIX веке известный русский юрист Н. Коркунов писал: «Личность естественно противопоставляет интересу власти свои особенные, индивидуальные интересы, отстаивая и оберегая их. Каково бы ни было государственное устройство, кем бы ни осуществлялись функции власти, человеческое сознание всегда стремится подчинить акты властовования юридическим нормам» [7].

Обеспечение гарантий процесса реализации прав человека является проблемным полем любого государства. Здесь происходят основные разногласия в плоскости политических взглядов между различными либеральными концепциями. Одни считают принцип правового государства уже достаточной гарантией основных прав и свобод, другие настаивают на республи-

канских идеях демократии. Для многих юристов значительной проблемой является то, что права человека касаются неограниченного круга адресатов и безусловны в своем применении. Индивиды владеют не приобретаемыми и не отчуждаемыми правами, которые защищают честь и достоинство. Это ядро нормативной идеи политики, которое становится основным правовым принципом.

Практически во всех конституциях неприкосновенными благами являются честь и достоинство человека, и государство обязано ориентироваться на уважение и содействие их реализации. Хотя употребление термина «достоинство» отличается универсальностью и неизменностью антропологического признака, тем не менее, еще стоики идентифицировали его неоднозначно. В греческом мышлении идеал гуманности базировался на сознании конечности жизни человека и необходимости уважения его при жизни. При Цицероне человеческая честь имела определенную форму, сопряженную с содержанием понятия «достоинство». Неограниченная жажда наслаждений считалась несовместимой с понятием достоинства человека. В поздней античности и средневековье это представление связывалось с божественным происхождением человека. Так, Августин считал наличие духовных и умственных способностей человека доказательством его родства с Богом. Однако корни современного понятия человеческого достоинства лежат в моральном бытии – ens morale. Поэтому в XIII веке Великая хартия вольностей и позже П. Мирандолла, связывали концепцию божественного происхождения человека со stoической мыслью об автономии индивида, находя фундамент человеческого достоинства в свободе [8].

Позже С. Пуффендорф выводил тождественность понимания человеческого достоинства из качества разумности, что достигло кульминации развития в метафизике И. Канта, оформившего понятие достоинства человека из формулы человека как самоцели. Человек как личность имеет не только внешнюю ценность относительно других, но и внутреннюю, обозначенную Кантом как достоинство че-

ловека. Способность к практическому самоопределению, включая свободное использование разума, и качество дееспособной автономии каждого являются и сегодня абсолютной ценностью.

Следует отметить, что, наряду с человеческой честью понятие свободы образует центральный вопрос политической морали вообще. Как уже отмечалось, свобода оформляет границы признания лица дееспособным, причем регламентации и ограничения в политической жизни действуют не только в качестве сущности личной и политической автономии, но и самоопределения, выбора собственной позиции в жизни. Понятие свободы нередко связывается с независимостью и активным распоряжением своими возможностями. Б. Констан отличал античную свободу от современной состоянием ценностных установок в публичной и частной сферах. Как ни парадоксально, но современная свобода ассоциируется с личными правами индивида, а античная – предполагает его независимость в общественной сфере.

Однако самое важное различие проявляется между негативной и позитивной свободой, находясь в тесной связи с дилеммой публичной и частной автономии субъекта. Акцент на таком различении был впервые сделан И. Берлином, который понимал под негативной свободой отсутствие внешней необходимости или внешних вмешательств [9]. Еще Т. Гоббс проводил аналогию между свободой и беспрепятственно устремляющимися реками, что оказало решающее влияние на формирование стандарта восприятия классическим эмпиризмом в лице Локка, Юма и Милля.

В противоположность негативной, позитивная свобода воспринимается как способность индивида к самореализации и автономии. Для

лучшего понимания этой мысли И. Берлин предлагал разграничить понятия свободы в двух вариантах – «свобода от» и «свобода для». Он выделял бытие свободы внутренней, психологической необходимости как положительный признак, подчеркивая при этом, что и негативная, и позитивная свобода характеризуют в целом совокупность политического мышления. Так, свобода в негативном смысле предотвращает отрицательный вариант развития событий при оформлении рамок политических манипуляций по ее ограничению, а в позитивном – создает предпосылки для реализации действий индивида как гражданина демократического общества. Очевидно, что в современном государстве оба варианта должны оформлять рамки свободы выбора индивида, максимально предоставляя ему возможность самому принимать решения.

Список литературы

1. R.Zippelius. Rechtsphilosophie. – München.: C.H. Beck, 2003. – S. 186.
2. Fichte J.G.Grundlage des Naturrechts, 1796. – §8.
3. G. Jellinek. Das System der subjektiven öffentlichen Rechte. – Tübingen, 1995. – S.110.
4. T. Marshall. Bürgerrechte und soziale Klassen. – Frankfurt/M, 1992.
5. R. Alexy. Theorie der Grundrechte. – Frankfurt/M, 1994.
6. J.F. Lyotard. Der Widerstreit. – München, 1989.
7. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 318.
8. Ch .Horn.Einführung in die Politische Philosophie. – Darmstadt.: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. – S.91.
9. I. Berlin. Two Concepts of Liberty//Four Essays on Liberty. – Oxford, 1969.

В редакцию материал поступил 28.02.07.

УДК 340.13

А.В. КРАСНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ СТИМУЛАХ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье правовые стимулы законодательства рассматриваются с позиций инструмента согласования и удовлетворения интересов члена социума. Обосновывается тезис, что поощрение относится к содержанию санкций нормы. Исследуется институт правовых льгот.

Проблема правового стимулирования правомерной деятельности – одна из наиболее актуальных и значимых на сегодняшнем этапе развития общества. Становится очевидным, что с переходом к другому мировоззрению, иным формам взаимодействия субъектов общества необходимо менять парадигму правового мышления от трактовки права как принудительной силы к пониманию права как инструмента согласования и удовлетворения интересов членов социума. Безусловно, на этом пути сделано очень многое. Отечественные ученые внесли значительный вклад в развитие правовой теории, в переосмысление принципов права и пр. Однако, по нашему мнению, на уровне общей теории государства и права необходимо ставить вопрос об изменении концептуального подхода к механизму правового обеспечения правомерной деятельности.

Произошедшие за последние десятилетия в российском обществе изменения показывают, что устоявшиеся, как может показаться, подходы к пониманию права начинают трансформироваться под воздействием объективных факторов. В рамках данной работы мы остановимся на одном из наиболее существенных, с нашей точки зрения, момента в определении новых магистральных векторов развития общего правового регулирования – вопросе о правовом стимулировании.

Базовыми ценностями современного российского общества стали собственность и

свобода. Не вдаваясь в подробный анализ указанного тезиса, подчеркнем, что именно из этого постулата необходимо исходить, формулируя новые, концептуальные подходы к обеспечению правомерного поведения. Действительно, в «обществе свободных людей» [1] необходимо опираться на заинтересованность субъектов в совершении правомерных действий. Если моральные и иные неправовые регуляторы постепенно утрачивают свою актуальность (как это ни печально), на первое место должно выходить экономическое стимулирование поведения. Если для большинства граждан России основной ценностью становится достижение социального благополучия, а уровень успешности их деятельности трактуется исключительно через призму их материального благосостояния, то и воздействие права должно все в большей степени использовать именно эти факторы. И здесь правотворческие органы должны задуматься, как создать такую ситуацию, чтобы в случае совершения правомерного, социально полезного поведения стимулировать граждан, тем самым поддерживая их начинания. При этом государство должно просчитывать модели поведения таким образом, чтобы не отнимать у граждан те или иные блага с целью заставить их совершить определенные действия, а, наоборот, предоставить соответствующие блага сознательным гражданам. Типичный пример – демографическая проблема: с одной стороны, можно ввести налог на бездетность,

как предлагают некоторые общественные деятели [2], с другой – ввести так называемый материнский капитал¹. Что касается мер ограничения, то неблагоприятно-правовое воздействие также должно строиться на этом же фундаменте, однако это тема для отдельного разговора.

Проблема правовых стимулов имеет серьезную разработку в научной литературе. Вопросами правового стимулирования в разное время занимались представители разных юридических наук – теории государства и права, уголовного, гражданского, трудового права². Серьезный вклад в исследования по данной тематике внес А.В. Малько, создавший на данный момент по существу теорию правовых стимулов, разработавший основные принципы и направления льготной правовой политики в России и подготовивший ряд специалистов в указанной сфере [3, 4, 5].

Вопрос о правовом стимулировании связан с проблемой правовой санкции как элемента нормы права и как меры воздействия на нарушителей требований правовых предписаний. На данном аспекте мы бы хотели остановиться несколько подробнее.

Как известно, понятие «правовая санкция» имеет два основных значения. В качестве правовой санкции понимаются: во-первых, один из структурных элементов правовой нормы; во-вторых, меры воздействия на лицо, которому адресованы правила поведения, на случай нарушения диспозиции нормы, содержащиеся в одноименном структурном элементе нормы.

¹ В соответствии с предложениями, изложенными Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ 2006 г., по сообщениям ИТАР-ТАСС, 17 ноября 2006 г. парламентарии приняли поправки в Налоговый кодекс, освобождающие «материнский капитал» от подоходного налога. Поправки были приняты немногим более чем за месяц до вступления в силу закона о «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». По этому закону с 1 января 2007 г. женщины при рождении второго и последующих детей будут получать сертификат на 250 тыс. рублей.

² См., например, работы Матузова Н.И., Кудрявцева В.Н., Гущиной Н.А., Тарханова И.А., Басина Ю.Г., Дубовик Н.П., Прохоровой М.В. Петрова А.А., Голика Ю.В., Ведяхина В.М., Мирошник С.В. Бахраха Д.Н. и др.

Содержание санкций трактуется в правовой науке по-разному. К сожалению, объем данной работы, а также поставленные цели не дают возможности проанализировать точки зрения по данному вопросу [6].

В науке редко уделяется внимание тому обстоятельству, что санкция правовой нормы не просто указывает на неблагоприятные правовые последствия, но и побуждает к соблюдению той или иной модели поведения через механизм стимулирования. Обеспечить – значит создать условия для чего-либо, сделать надежным, безусловно осуществимым.

Общепринятым является подход к стимулу как к побудительному фактору. Если рассмотреть правовые средства в информационно-психологическом аспекте, то становится очевидным, что стимулы и ограничения являются значимыми для мотивации поведения, связаны в буквальном смысле с ценностью, на которую ориентируется интерес субъекта [7]. И действительно, «право воздействует на экономику, потребности не непосредственно, а через интересы людей, в которых находит отражение воля всего народа. Интересы являются связующим звеном между правом и экономикой, потребностями. Все указанные категории находятся в определенном соотношении и составляют объективно обусловленную цепь: условия жизни общества (среда) – потребности – интересы – воля – право» [8]. Стимул должен информировать субъекта до совершения акта поведения о положительных последствиях поступка, когда лицо видит цель и добивается ее.

На наш взгляд, поощрение, наряду с неблагоприятными правовыми последствиями, относится к содержанию санкций. Этого мнения придерживается целый ряд правоведов [9, 10, 11, 12, 13, 14].

Не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что для применения неблагоприятно-правовой санкции зачастую необходимо подключение мер государственного принуждения, а в случае применения санкций в виде поощрения этого не требуется. И в том, и в другом случае поведение **обеспечивается**. Для реализации гипотезы и диспозиции в ряде

случаев тоже может понадобиться принуждение. Так же и применительно к санкциям: в одних случаях принуждение подключается, в других – нет.

Все сказанное выше приводит к убеждению в том, что нет необходимости разделять как абсолютно несовместимые понятия неблагоприятные правовые последствия и поощрительные меры. Не претендуя в рамках данной работы на подробный анализ мер стимулирования в действующем законодательстве, обратимся тем не менее к отдельным их разновидностям, обратив внимание на различные сферы общественных отношений, дабы проиллюстрировать некоторые из наших тезисов³.

Правовая льгота – правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворить свои интересы и выражющееся как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей [15]. На наш взгляд, льгота может фигурировать и на уровне диспозиции, и на уровне санкции нормы. В данном случае наиболее важный момент – разграничение ситуации, когда льгота только оформляет достигнутый результат или облегчает действия, которые в любом случае будут совершаться, и другого случая, когда льгота обеспечивает требуемое поведение, ведь тогда у лица есть выбор – совершать действие (бездействие) или нет.

Льготы в экономической сфере достаточно разнообразны. Например, Министерство финансов имеет право освобождать от налогов транспортников, которые перевозят нефть [16]; отменяются таможенные пошлины на продукцию (часть) нефтепереработки, лесопромышленности [17]. Указанные меры относятся, скорее, к содержанию диспозиции правовой нормы.

В то же время некоторые льготы могут рассматриваться как меры обеспечения (санкции): чтобы юридические лица участвовали в социальной программе строительства жилья для военнослужащих из состава российских войск,

³ В качестве примеров мы обратимся к нормативным актам как 90-х годов, действующим до настоящего момента, так и более современному законодательству.

выведенных из Германии, необходимо освобождать их от ряда налогов [18]; если организация отправляет средства на материально техническую базу – освобождать от обязательной продажи части валютной выручки [19]. Согласно Постановлению Правительства Астраханской области от 16.12.2005 г. №439-П, налоговые льготы могут быть предоставлены при соответствии одному из следующих критериев: повышение инвестиционной привлекательности области; повышение уровня жизни населения области; оптимизация расходов областного бюджета [20].

Нормотворческий орган предусматривает «меры поддержки» (или «формы поддержки»), оказываемые (или которые должны оказываться) тем или иным категориям лиц: финансово-промышленным группам [21], садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям граждан [22] и др. Так, предоставляется государственная поддержка за счет средств федерального бюджета в виде субсидий на частичное возмещение расходов бюджетов субъектов Российской Федерации, связанных с реализацией мероприятий, предусмотренных региональной программой переселения соотечественников, проживающих за рубежом [23]. Или, например, в соответствии с Постановлением Администрации Ростовской области от 21.12.2005 г. № 299 «О поддержке птицеводства в Ростовской области», необходимо обеспечить предоставление субсидий на компенсацию части расходов по уплате процентов по кредитам, привлеченным на реализацию инвестиционных проектов по строительству объектов птицеводства [24].

Кроме полного или частичного освобождения от налогов, взносов во внебюджетные фонды и платежей, все остальные так называемые меры поддержки в большинстве своем под понятие поощрительной санкции не подпадают. В целом «поддержка» и «поощрение» – это разные по содержанию категории. Освобождение же от налогов есть вид льгот, о которых выше говорилось подробно.

В действующих нормативных актах можно встретить и понятие «экономическое стимули-

рование». Оно, в частности, встречается в законодательстве, посвященном поставкам продукции (сельскохозяйственной, оборонной и иной) для федеральных государственных нужд [25]. В целях экономического стимулирования закупок и поставок сельхозпродукции товаропроизводителям (поставщикам) могут предоставляться льготы по налогообложению; целевые дотации и субсидии; кредиты на льготных условиях и пр. В п. 2 ст. 7 этого закона говорится, что в договор поставки могут включаться конкретные льготы из приведенного списка.

На наш взгляд, просто поставка отдельных видов продукции (например, сельскохозяйственной) или поставка в определенное место (территорию) – не только правомерное, а специально поощряемое государством поведение, поэтому такое «экономическое стимулирование» вполне можно отнести к поощрительным санкциям.

Об экономическом стимулировании говорится также и в Комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в экономику России [25]. Таким образом, государство поощряет инвестирование в жилищное строительство, и последнее становится одним из действенных способов реализации жилищной правосубъектности граждан [27].

Как видим, поощрение может существовать в форме льгот, что сомнений не вызывает. По поводу других поощрительных мер, рассмотренных нами в качестве санкций, можно сказать, что они практически не поддаются стройной классификации. Понятие «формы поддержки» включает в себя и льготы, и другие поощрительные санкции, и другие стимулирующие меры на уровне диспозиции. «Экономическое стимулирование» включает в себя в том числе и льготы; кроме того, использование понятия «стимулирование» некорректно и потому, что стимул, как было подмечено, – широкое понятие, превосходящее по объему поощрение (стимулировать могут по-своему и субъективное право, и определенный юридический факт). Поэтому следует говорить о льготах и иных поощрительных мерах.

С поощрительными санкциями связан целый ряд проблем, касающихся как их создания (на уровне правотворчества), так и реализации. Первое, что бросается в глаза, – отсутствие четкого понятийного аппарата в законодательстве. Используются, как мы выше отмечали, совершенно различные термины. В результате очень сложно отграничить правовые явления обеспечительного порядка от тех, которые закрепляются на уровне диспозиций нормы. Это затруднение вызывается и другой причиной – недостатками в применении юридико-технических приемов формулирования государственной воли: в нормы не включается указание на конкретное специально поощряемое поведение; поощрительные меры перечисляются хаотично, без увязок с основаниями их применения; отсутствует четкое логическое построение элементов нормы, обычно присущее тем из последних, которые в качестве санкции предусматривают неблагоприятные правовые последствия. Более того, законодатель часто использует формулировки типа «рекомендуется применять такие-то поощрения», тот или иной орган «вправе» (но не обязан) применить их и т.д. Типичный пример можно встретить в п. 8 ст. 13 Земельного кодекса РФ [28]: в целях повышения заинтересованности собственников земельных участков в сохранении и восстановлении плодородия почв, защите земель может осуществляться экономическое стимулирование охраны и использования земель в порядке, установленном бюджетным законодательством и законодательством о налогах и сборах.

Можно, однако, привести и обратный пример, когда меры стимулирования возводятся в ранг приоритетных – ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ [29], закрепляющая, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Соответственно в ряде норм УИК РФ предусматриваются меры поощрения (ст.ст. 114, 134, 135 и пр.).

Перспективной в плане применения поощрений отраслью выступает трудовое право. В

ст. 191 Трудового кодекса РФ [30] говорится о том, что работодатель поощряет работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности (объявляет благодарность, выдает премию, награждает ценным подарком, почетной грамотой, представляет к званию лучшего по профессии). Другие виды поощрений работников за труд определяются коллективным договором или правилами внутреннего трудового распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине. За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам. Указанные законодательные положения находят отражение в других нормативных актах [31]. Однако здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда заранее четкие параметры поощряемого поведения не определены. Это, в свою очередь, ведет к волонтаризму со стороны должностных лиц, в чьей компетенции находится принятие решения о применении поощрений.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что необоснованное введение льгот может привести к злоупотреблению своим положением теми или иными субъектами [32]. Введение правовых льгот должно вносить вклад в формирование и развитие элементов свободы в общественных отношениях, укрепление правовых начал государственной и общественной жизни. Правовые льготы направлены на преодоление социальных конфликтов; правовые преимущества – это один из механизмов примирения противоборствующих социальных интересов в рамках приемлемого для общества в целом общего интереса, выражющего общую волю [33].

Следует согласиться с тем, что процессы реализации санкций с поощрением недостаточно управляются государством; введение норм с поощрительными санкциями характеризуется политической конъюнктурой, непредсказуемостью, непоследовательностью; требуются новые цели, идеалы, к которым должно быть направлено специально поощряемое поведение [34].

Полезным, на наш взгляд, является предложение установить меры ответственности на

случай невыполнения правовых льгот [35]: в противном случае льгота превращается в декларацию.

Конечно, можно сослаться на то, что четкое законодательное закрепление поощрительных санкций не требуется, поскольку эти меры должны предусматриваться в локальных и индивидуальных актах. Однако нынешний уровень правосознания, отсутствие инициативы не позволяют спускать решение интересующей нас проблемы на уровень локального и индивидуально-правового регулирования. Тем не менее, мы считаем, что за поощрительными санкциями – будущее обеспечительных процессов.

Список литературы

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2004г. // Российская газета. – 2004. – 27 мая; <http://vip.lenta.ru/doc/2004/05/26/putin>
2. Зурабов восстановил налог на бездепность // <http://www.rusnovosti.ru/news/2006/10/2/07/32509>
3. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп., науч. – М.: Юристъ, 2003.
4. Матузов Н.И., Малько А. В. Правовое стимулирование в условиях становления рыночных отношений // Государство и право. – 1995. – № 4. – С. 11–19.
5. Малько А.В., Морозова И.С. Льготы в российском праве. – Саратов: СГАП, 2004.
6. Краснов А.В. Правовые санкции в экономической сфере: теоретический и цивилистический аспекты. – Казань: Изд-во «Таглимат» ИЭУП, 2003.
7. Теория государства и права; отв. ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М: Юристъ, 2000. – С.737.
8. Баринов Н.А. Услуги. – 2-е изд., доп. – Саратов: Изд-во «Надежда», 2003. – С.32.
9. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: нормы и патология. – М.: Наука, 1982. – С.236–238.
10. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С.202;
11. Нормы советского права; под ред. М.И. Байтина, К.К. Бабаева – Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 1987. – С.201.
12. Основы государства и права; под общ. ред. А.С. Комарова – М.: Манускрипт, Русь – 90, 1996. – С.53.
13. Фаткулин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1987. – С.235–236.
14. Яковлев А.М. Социология экономической преступности. – М., 1988. – С.17, 57, 76.
15. Теория государства и права; отв. ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько – М.: Юристъ, 1997. – С.648.

16. п.3 Постановления Правительства РФ от 25.10.95 г. № 1048 «О мерах по ускорению завоза нефти, нефтепродуктов и топлива в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в IV квартале 1995 г.» // СЗ РФ. – 1995. – №45. – Ст. 4313.
17. п.1 Указа Президента РФ от 30.11.95г. № 1204 «О первоочередных мерах по поддержке экспортёров» // СЗ РФ. – 1995. – №49 – Ст. 4776.
18. п. 2 Постановления Правительства РФ от 19.12.94г. № 1397 «О дополнительных мерах по реализации программы жилищного строительства для российских военнослужащих из состава выведенных из Германии войск» // СЗ РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3705.
19. п.1 Указа Президента РФ от 19.07.95г. №723 «Об освобождении государственных, муниципальных и негосударственных образовательных учреждений от обязательной продажи части валютной выручки» // СЗ РФ. – 1995. – №30. – Ст. 2905. Документ не применяется в связи с истечением срока, установленного Федеральным законом от 08.08.2001 г. №130-ФЗ.
20. <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rm2006-01-16.html>
21. п.1 Указа Президента РФ от 1.04.96г. № 443 «О мерах по стимулированию создания и деятельности финансово-промышленных групп»//СЗ РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1573.
22. ст. 35 Федерального закона от 15.04.98г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»//СЗ РФ. – 1998. – № 16. – Ст. 1801.
23. Постановление Правительства РФ от 20.10.06г. №622 «Об утверждении Правил предоставления субъектам Российской Федерации, включенным в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, государственной поддержки за счет средств федерального бюджета». Вступает в силу 01.01.07. // Собрание законодательства РФ. – 2006. – №44. – Ст.4598.
24. <http://www.consultant.ru/law/review/reg/rm2006-01-16.html>
25. ст. 7 Федерального закона от 2.12.94 г. №53-ФЗ «О закупках и поставках сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия для государственных нужд»// СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3303.
26. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.10.95. №1016 // Российская газета. – 1995. – 9 ноября.
27. Сокол П.В. Инвестиционный договор в жилищном строительстве. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004. – С.6, 18.
28. Собрание законодательства РФ. – 2001. – №44. – ст. 4147.
29. Собрание законодательства РФ. – 1997. – №2. – ст. 198.
30. Трудовой кодекс РФ. Федеральный закон от 30.12.01. №197-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 31 декабря.
31. Приказ Фонда социального страхования РФ от 6.05.06г. №104 «Об оплате труда работников центрального аппарата фонда социального страхования Российской Федерации» (зарегистрирован в Минюсте РФ 15.06.06г. №7927) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – №26.
32. Рязанцев В.Ю. Отдельные вопросы злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке при заключении и исполнении договоров / В.Ю. Рязанцев // Актуальные вопросы частного права: Межвуз. сб. науч. трудов; отв. ред. Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С.176.
33. Морозова И.С. Льготы в российском праве: проблемы эффективности // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – №4. – С.43.
34. Малько А.В. Правовое стимулирование: проблемы теории и практики// Известия ВУЗов. Правоведение. – СПб., 1994. – № 3. – С.22.
35. Морозова И.С. Льготы в российском праве: проблемы эффективности // Известия вузов. Правоведение. – 2001. – №4. – С.47.

В редакцию материал поступил 13.12.06.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.62

Н.А. АБУЗЯРОВА,
доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ДОГОВОРНЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятием брачного договора, его содержанием, порядком и условиями заключения, изменения и расторжения. Анализируется соотношение гражданского-правового и семейно-правового регулирования имущественных отношений супружеских пар. Исследуется и дается собственное понимание сущности такого брачного договора. Вносится предложение о распространении договорного режима регулирования отношений супружеских пар на некоторые неимущественные отношения между ними.

Договорный режим имущества супружеских пар – институт, получивший закрепление в российском законодательстве сравнительно недавно, в результате введения в действие с 1 января 1995 г. первой части нового Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК, ГК РФ), в п. 1 ст. 256 которого предусмотрено, что «имущество, нажитое супружескими парами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества» [1]. Как справедливо отмечает Л.Б. Максимович, именно с появлением в законодательстве данной диспозитивной нормы у российских супружеских пар возникло право самим устанавливать в договорном порядке наиболее устраивающий их правовой режим (совместной, долевой или раздельной собственности) на принадлежащее супружеским парам имущество [2, с. 3]. Ведь в советский период в России, как и в СССР в целом, потребность в брачном договоре как инструменте регулирования имущественных отношений между супружескими парами практически отсутствовала, а

имущественной составляющей в супружеских отношениях отводилась малозначительная роль, ведь брачно-семейное законодательство в целом должно было, в первую очередь, «активно содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов и созданию коммунистической семьи, в которой найдут свое полное удовлетворение наиболее глубокие личные чувства людей» [2, с. 4].

Со вступлением в действие указанной нормы российские граждане получили возможность действовать при решении имущественных вопросов между супружескими парами таким же образом, как и граждане многих развитых зарубежных стран. До этого момента о вероятности договорного регулирования отношений между супружескими парами по поводу имущества россияне узнавали лишь из средств массовой информации, которые порой смакуют подробности из жизни «звезд» шоу-бизнеса, культуры или политики. Так, широкую известность получили некоторые скандальные подробности и условия расторжения брака таких известных

лиц, как С. Сталлоне, Д. Фонда и некоторых других.

Однако ГК РФ лишь дал возможность заключать соглашение между супругами по поводу их имущества, но не ответил на многие вопросы, которые возникают на практике по поводу брачного договора. Принятый 9 декабря 1995 года Семейный кодекс (далее – СК, СК РФ) впервые дал определение брачного договора, употребив термин «брачный договор» на уровне кодифицированного федерального закона. Он существенно развил процитированное выше положение ГК, в его тексте появилась самостоятельная глава – 8-я, которая так и называется: «Договорный режим имущества супружеских» [3].

На основании этого можно заключить, что при определении содержания регулирования имущественных отношений между супружескими следует руководствоваться как нормами СК РФ, так и статьями ГК РФ. Например, к определению совместной собственности супружеских, к порядку владения, пользования и распоряжения применяются все общие нормы о праве собственности и ст.ст. 244, 256 ГК РФ. Исчисление сроков в семейных правоотношениях осуществляется в соответствии со статьями ГК РФ о сроках (в частности, ст.ст. 198-200, 202-205). Заключение, изменение и расторжение брачного договора, регулирующего имущественные отношения супружеских, подчиняются статьям ГК РФ о сделках и т.д.

В соответствии со ст. 33 СК РФ законным режимом имущества супружеских является режим совместной собственности. Это означает, что в отношении общего совместно нажитого имущества супружеские обладают равными правами независимо от размеров долевого участия в его создании. Не влияет на начало действия равенства прав на имущество и то обстоятельство, что один из супружеских не работает и не имеет самостоятельного заработка. СК дает возможность супружеским отступить от режима совместной собственности и самостоятельно определить судьбу принадлежащего им имущества. С этой целью они и могут заключить брачный договор.

Глава 8-я СК РФ затронула практически все

важные вопросы, связанные с брачным договором: заключение, изменение, расторжение брачного договора, содержание такого договора, признание его недействительным. Содержащиеся в ней нормы достаточно последовательно устанавливают особенности договорного регулирования имущественных отношений супружеских.

В соответствии со ст. 30 СК РФ брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супружеских, определяющие имущественные права и обязанности супружеских в браке и (или) в случае его расторжения. Следует согласиться с тезисом Л.Б. Максимович о том, что брачный договор по своей правовой природе является гражданско-правовым инструментом семейно-правового регулирования имущественных отношений между супружескими. При этом, однако, важно, чтобы использование гражданско-правовых механизмов в семейном праве не противоречило существу и смыслу семейных отношений, не превращало особые супружеские взаимоотношения в обычные товарно-денежные отношения между автономными и обособленными участниками гражданского оборота [2, с. 9, 11].

Мы имеем сходную точку зрения и считаем, что брачные отношения не следует сводить исключительно к бизнес-партнерским, поскольку их сущность связана с созданием семьи, рождением и воспитанием детей, в том числе приемных, сохранением традиций, в получении сторонами брака преимущественно нематериальных благ, таких как любовь, уважение, взаимная забота и поддержка. Привнесение сюда тех или иных аспектов возмездности во многих случаях может быть аморальным. Более того, при определенных обстоятельствах, хотя многие воспримут это как преувеличение, можно говорить о признаках проституции в отношениях людей, в которых нет указанных личностных характеристик, а присутствуют лишь элементы предоставления оплаты за вступление в брак, нахождение в нем, выполнение тех или иных обязанностей. Наверное, лучше говорить о брачном договоре как меха-

низме обеспечения определенных имущественных гарантий его участников, своеобразного страхования рисков совместной жизни, таких как расторжение брака, изменение размера личных доходов, вынужденные крупные расходы и т.п.

Брачный договор – один из видов взаимных договоров. У каждой из сторон имеются не только права, но и обязанности. Это права и обязанности устанавливаются в отношении имущества друг друга, в отношении общего имущества, а также в отношении взаимного содержания. Супруги, заключая брачный договор добровольно, без давления с чьей бы то ни было стороны, достигают соглашения относительно его условий, которые перечислены в ст. 42 СК РФ «Содержание брачного договора». В связи с этим данный вид договора следует относить к числу так называемых консенсуальных договоров.

При этом следует иметь в виду, что брачный договор обязательно должен быть совершен в письменной форме и подлежит обязательному же нотариальному удостоверению. Несоблюдение нотариальной формы брачного договора в соответствии со ст. 165 ГК РФ влечет его недействительность. В то же время какого-то обязательного образца для такого договора действующим законодательством не установлено. Брачный договор можно заключить в любое время в период брака, а также до заключения брака. Однако в соответствии со ст. 41 СК РФ «брачный договор, заключенный до государственной регистрации заключения брака, вступает в силу со дня государственной регистрации брака».

Российское законодательство определяет только два объекта, в отношении которых супруги могут устанавливать те или иные условия брачного договора: 1) имущество супружеских; 2) решение вопросов взаимного содержания.

В брачном договоре супруги могут изменить предусмотренный законом режим совместной собственности и установить совместной, долевой или раздельный режим. П. 1 ст. 42 СК РФ позволяет супругам установить вышеназ-

ванные режимы по отношению либо ко всему имуществу в целом, либо к конкретным видам имущества, либо к имуществу каждого из супружеских, причем супруги могут определить судьбу своего имущества, как настоящего, так и того, которое приобретут в будущем. Например, супруги могут определить соотношение долей в процентном соотношении, например, 60% и 40%, 70% и 30%. Или установить, что недвижимое имущество находится в раздельной собственности, а движимое – в совместной.

Вариантов регулирования может быть огромное количество и выбираются они супружескими (будущими супружескими) самостоятельно, без каких-либо ограничений. Главное требование – соответствие брачного договора действующему российскому законодательству. В то же время заслуживает внимания точка зрения В.В. Ананьева о том, что в СК РФ следует предусмотреть типовые варианты режимов имущества, определяемых брачным контрактом взамен законного режима имущества супружеских [4]. Какие-то примерные варианты регулирования имущественных отношений супружеских считаю целесообразными.

В соответствии с законом супруги вправе определить в брачном договоре свои права и обязанности по взаимному содержанию, способы участия в доходах друг друга, порядок несения каждым из них семейных расходов; определить имущество, которое будет передано каждому из супружеских в случае расторжения брака, а также включить в брачный договор любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супружеских. Таким образом, в договоре возможно рассмотрение мельчайших нюансов имущественных отношений между супружескими. Например, при согласованном сторонами общем режиме раздельного имущества допустимо включение в договор положения о том, что ежемесячно один из супружеских выплачивает другому в период брака определенную сумму, а при разводе обеспечивает жильем, иным имуществом или определенного уровня доходами. Можно заключить в связи с этим, что брачный договор в какой-то мере может выполнять функцию

материального обеспечения другого лица либо, как уже отмечалось выше, даже страхования от наступления определенных неблагоприятных обстоятельств.

Необходимо отметить и следующую важную деталь: права и обязанности, предусмотренные брачным договором, могут ограничиваться определенными сроками либо ставиться в зависимость от наступления или ненаступления определенных условий. Например, условие о содержании другого лица может быть предусмотрено на период в 3–5 лет, а предоставление какого-то имущество в собственность супруга (супруги) может быть поставлено под условие рождения ребенка, получения образования, количества лет, проведенных в браке и т.д.

А.М. Нечаева справедливо отмечает, что предоставляя супругам полную свободу распоряжения своими имущественными правами, СК РФ полной вседозволенности в их осуществлении все-таки не допускает, поскольку она чревата нарушением интересов любого из супругов, а также членов их семьи [5]. В связи с этим закон, обеспечивая супругам (будущему супругу) значительную широту выбора вариантов регулирования их имущественных отношений, устанавливает в ч. 3 ст. 42 некоторые ограничения на содержание брачного договора. Так, он не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супружами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

Следует отметить, что в ряде зарубежных государств брачный договор может регулировать и некоторые личные неимущественные отношения супружеских [6]. На наш взгляд, определенные элементы этого подхода можно заимствовать и российскому законодательству.

Например, брачный договор, если наша позиция будет воспринята нормативными актами, мог бы включать положения об обязательном совместном проживании супружеских, о проживании их в пределах одного населенного пункта и т.д. Считаем, что такие ограничения правоспособности вытекают из самой сущности брака.

В соответствии с законом брачный договор может быть изменен или расторгнут в любое время по соглашению супружеских. Причем соглашение об изменении или о расторжении брачного договора совершается в той же форме, что и сам брачный договор. То есть это соглашение должно быть письменным и подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Установлено правило, что односторонний отказ от исполнения брачного договора не допускается. Иными словами, любые изменения в нем или его расторжение возможны лишь по взаимному согласию либо по решению суда.

Возможность его изменения или расторжения по инициативе одной из сторон предусмотрена законодательством только в строго определенных случаях и только по решению суда.

Первый случай – это существенное нарушение брачного договора одним из супружеских. Существенным нарушением в соответствии со ст. 450 ГК РФ признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. Вторым основанием для изменения или расторжения брачного договора является существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора. В соответствии со ст. 451 ГК РФ изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Действует правило, что по требованию одного из супружеских брачный договор может быть изменен или расторгнут по решению суда на основаниях и в порядке, которые установлены ГК РФ для изменения и расторжения договора.

Так, брачный договор также может быть признан недействительным. Основаниями для этого могут служить общие основания признания сделок недействительными (ст.ст. 165, 168, 170, 171, 176-179 ГК РФ). Например, рассматриваемый договор может быть признан недействительным в силу того, что одна из сторон (супруг или супруга) была признана недееспособной, или потому, что данная сделка была совершена под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств.

Суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супружеских, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. Это, например, случай, когда по указанному договору он должен предоставить своему партнеру по браку все получаемое им имущество, включая заработную плату и иные доходы. При принятии решений по таким вопросам судам, как представляется, следует исходить из общих принципов разумности и учета интересов обеих сторон. Человек, необдуманно либо в силу особого эмоционального состояния заключивший очевидно несправедливый для себя договор, должен иметь право на последующую защиту своих интересов.

Действие брачного договора прекращается с момента государственной регистрации расторжения брака, за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака (обеспечение членов семьи, предоставление им имущества во владение и пользование и т.п.).

Брачный договор не устраниет определенных особенностей ответственности супружеских по обязательствам. Так, при возникновении обязательств к одному из супружеских со стороны кредиторов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, а при недостаточности его – на его долю в общем совместном

имуществе. Однако в случае, если доля супруга была использована на нужды семьи, она взыскивается со всего имущества, а при его недостаточности супруги несут солидарную ответственность.

На долю другого супруга в общей собственности взыскание может быть обращено также в случаях, когда имущество было приобретено или увеличилось за счет средств, добытых преступным путем. Причем этот факт должен быть подтвержден приговором суда. Раздельное имущество другого супруга в любом случае не может быть объектом взыскания.

Вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о возмещении ущерба, лишь относительно вопросов, имели ли место установленные приговором действия и совершены ли они осужденным. Вопрос об определении конкретных размеров возмещения вреда каждым из супружеских решается судом, рассматривающим гражданский иск о возмещении ущерба. Взыскание может быть обращено не только на ту часть, которая увеличилась за счет средств, добытых преступным путем, но и на все общее имущество супружеских.

Список литературы

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве: дис... канд. юрид. наук. – М., 2002.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Ананьев В.В. Правовое положение имущества супружеских по законодательству Российской Федерации: дис... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 11.
5. Нечаева А.М. Семейное право: курс лекций. – М.: Юристъ, 1998. – С. 140.
6. Слепакова А.В. Правоотношения собственности супружеских: дис... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 5.

В редакцию материал поступил 22.03.07.

УДК 347.249

**Р.Н. САЛИЕВА,
доктор юридических наук, профессор**

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЛЬЗОВАНИЕ НЕДРАМИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГАЗОВЫХ (ГАЗОКОНДЕНСАТНЫХ) МЕСТОРОЖДЕНИЙ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В соответствии с законодательством о недрах изложены основные требования по рациональному использованию и охране недр. Определено, что выполнение установленных требований должно обеспечиваться нормами технического законодательства. На основе анализа действующих норм в сфере регламентации, в частности, таких процессов как проектирование разработки и обустройства газовых и газоконденсатных месторождений, определена специфика правового обеспечения рационального пользования недрами при осуществлении хозяйственной деятельности. Определены задачи правового обеспечения рационального пользования недрами, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Рациональное использование недр – это система требований, реализация которых обеспечивает полное и комплексное использование ресурсов недр для удовлетворения материальных и духовных потребностей общества.

В соответствии с действующим законодательством, основными требованиями по рациональному использованию и охране недр являются:

1) соблюдение установленного законодательством порядка предоставления недр в пользование и недопущение самовольного пользования недрами;

2) обеспечение полноты геологического изучения, рационального комплексного использования и охраны недр;

3) проведение опережающего геологического изучения недр, обеспечивающего достоверную оценку запасов полезных ископаемых или свойств участка недр, предоставленного в пользование в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых;

4) проведение государственной экспертизы и государственный учет запасов полезных ископаемых, а также участков недр, используемых в целях, не связанных с добычей полезных ископаемых;

5) обеспечение наиболее полного извлечения из недр запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и попутных компонентов;

6) достоверный учет извлекаемых и оставляемых в недрах запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых и попутных компонентов при разработке месторождений полезных ископаемых;

7) охрана месторождений полезных ископаемых от затопления, обводнения, пожаров и других факторов, снижающих качество полезных ископаемых и промышленную ценность месторождений или осложняющих их разработку;

8) предотвращение загрязнения недр при проведении работ, связанных с пользованием недрами, особенно при подземном хранении нефти, газа или иных веществ и материалов, захоронении вредных веществ и отходов производства, сбросе сточных вод;

9) соблюдение установленного порядка консервации и ликвидации предприятий по добыче полезных ископаемых и подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых;

10) предупреждение самовольной застройки площадей залегания полезных ископаемых

и соблюдение установленного порядка использования этих площадей в иных целях;

11) предотвращение накопления промышленных и бытовых отходов на площадях водосбора и в местах залегания подземных вод, используемых для питьевого или промышленного водоснабжения.

Выполнение перечисленных требований должно обеспечиваться в большей части нормами технического законодательства. В связи с принятием и введением в действие с 1 июля 2003 года закона РФ «О техническом регулировании» законодательство в сфере регулирования вышеперечисленных процессов радикально изменяется, существенно реформируется сертификация продукции (товаров). Кроме того, в связи с продвижением России по пути вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО) возникает потребность в унификации российского законодательства с зарубежным в сфере правового обеспечения безопасности, качества продукции (товаров), процессов производства и т.д.

В техническом законодательстве государств ЕС содержатся, в частности, нормы, регламентирующие безопасность машин и оборудования, безопасность окружающей среды, промышленную безопасность, безопасность эксплуатации зданий и установок, противопожарную безопасность, а также санитарно-эпидемиологическую безопасность и др.

В соответствии с вышеназванным законом техническое регулирование должно сопровождаться принятием и введением в действие соответствующих нормативных правовых актов. В идеале по объектам регулирования должны быть приняты: 1) технический регламент – это может быть федеральный закон или постановление Правительства либо Указ Президента Российской Федерации; 2) стандарт – это документ, в котором устанавливаются для добровольного многократного использования правила, общие принципы, характеристики процессов (методов) производства, эксплуатации и утилизации, работ или услуг; 3) декларация о соответствии или сертификат соответствия – это документальное удостоверение

того, что продукция, процессы (методы) производства, эксплуатации и утилизации, работы или услуги соответствуют установленным требованиям технических регламентов или положениям стандартов, условиям гражданско-правовых договоров.

В основном нормативном акте – Техническом регламенте – должны быть установлены обязательные для применения и соблюдения требования к объектам технического регулирования. Важно правильно определить круг объектов технического регулирования. В статье 1 Закона «О техническом регулировании», в частности, установлено, что закон регулирует отношения, возникающие при разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, а также при разработке, принятии, применении и исполнении на добровольной основе требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг. Исходя из этого, можно утверждать, что к объектам технического регулирования относятся продукция, процессы производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации. К специальным объектам, видимо, необходимо отнести в целом процесс разработки месторождений нефти или газа, включающий проектирование обустройства нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений; обустройство месторождений, эксплуатацию и исследование скважин; повышение нефтегазоотдачи пластов и производительности скважин; ремонт скважин; сбор и подготовку нефти и газа. К сожалению, процесс разработки нефтяных и газонефтяных месторождений до настоящего времени регламентируется Правилами, утвержденными коллегией Министерства нефтяной промышленности СССР 15.10.1984 года. Существует проблема обновления этих Правил в соответствии с требованиями законодательства о техническом регулировании, а также нормами международных стандартов, в частности ISO 9001 (система управления

качеством), ISO 14001 (системы управления окружающей средой), а также OH SAS 18001 (системы управления охраной труда и здоровья на производстве). Необходимы также нормативные акты, устанавливающие требования в сфере охраны окружающей среды к процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки и утилизации.

Проведенный анализ действующего законодательства подтверждает, что свою специфику имеет техническое регулирование в нефтегазовом комплексе, где техническое регулирование практически охватывает все виды деятельности хозяйствующих субъектов. В качестве примера с точки зрения обеспечения рационального и эффективного пользования недрами рассмотрим такой этап хозяйственной деятельности, как проектирование разработки и обустройства газовых месторождений. Нами были проведены анализ и систематизация действующих законодательных актов, регламентирующих этот вид деятельности. В частности, были изучены:

1. Действующее законодательство, регулирующее правоотношения в области проектирования разработки, обустройства и разработки газовых и газоконденсатных месторождений, в том числе проведена систематизация по следующим направлениям:

- подготовка месторождения к разработке;
- получение разрешений на землепользование, водопользование, размещение отходов, получение санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии объектов санитарным правилам и других разрешений.

2. Нормативные правовые акты, определяющие требования к разработке месторождений нефти и газа.

3. Требования промышленной безопасности к проектированию, строительству, эксплуатации, консервации и ликвидации опасных производственных объектов: регистрация в государственном реестре опасных производственных объектов; организация производственного контроля; декларация промышленной безопасности; экспертиза промышленной безопасности; технические устройства, применяемые на опасных производственных

объектах; предупреждение чрезвычайных ситуаций; ликвидация и консервация опасных производственных объектов.

4. Требования в области охраны окружающей среды.

5. Нормативные акты по учету энергетических ресурсов и другие.

Проведенный анализ нормативных правовых актов показал, что пока нет системного технического регулирования рассматриваемых видов деятельности хозяйствующих субъектов.

В частности, выявлено, что эффективная разработка месторождений полезных ископаемых на нераспределенном фонде недр может быть обеспечена лишь в том случае, если все участники хозяйственной деятельности в сфере разработки месторождений полезных ископаемых, в частности газовых и газоконденсатных, будут руководствоваться общими принципами рационального использования природных ресурсов, а также охраны окружающей среды, такими, как:

- 1) сохранение и улучшение природной среды для жизни настоящего и будущего поколений;

- 2) сочетание научно-технического прогресса с бережным отношением к природе и рациональным использованием ее ресурсов;

- 3) планирование природоохранных мероприятий;

- 4) комплексность охраны природы; соблюдение требований законодательства и другие.

Одним из средств обеспечения эффективной разработки месторождений является право.

Нормативные правовые акты, регламентирующие предстоящую хозяйственную деятельность на этапе разработки месторождений на нераспределенном фонде недр, необходимо подготовить в соответствии со следующими задачами:

1. Создание ясной и непротиворечивой системы и процедур.

2. Формирование механизмов охраны окружающей среды, призванных способствовать рациональному использованию природных ресурсов и снижению загрязнения

окружающей среды и других негативных воздействий на нее до приемлемого уровня.

3. Обеспечение безопасности населения (технической, экологической, радиационной, санитарной, пожарной и т.д.), защиты среды обитания человека от промышленных загрязнений.

Проведен также анализ содержания проектов Правил («Правила (руководство) по проектированию разработки газовых и газоконденсатных месторождений», «Правила (Руководство) по проектированию обустройства газовых и газоконденсатных месторождений», «Правила разработки газовых и газоконденсатных месторождений») и сформулированы предложения по внесению изменений и дополнений в указанные Проекты на основе действующих в этой сфере регулирования нормативных правовых актов.

В целом Проекты Правил носят руководящий характер, т.е. в них в основном схематично и описательно изложены такие процессы, как:

- проектирование разработки и обустройства месторождений газа и газоконденсата;
- разработка месторождений газа и газоконденсата.

Регламентируемые процессы включают в себя различные составные элементы:

- разработка дополнительных требуемых по законодательству документов;
- прохождение согласований с управленическими структурами, с общественными образованиями (местное население, малочисленные народы).
- осуществление различных видов деятельности, в т.ч. проведение опасных производственных работ, и эксплуатация особо опасных производственных объектов и другие.

В связи с этим в Проектах нормативных правовых актов указаны конкретные правовые акты, которыми следует руководствоваться при проектировании разработки и обустройства и при разработке месторождений, а также изложены соответствующие требования, содержащиеся в этих нормативных правовых актах.

В системе технического регулирования подготовленные проекты Правил проектирова-

ния разработки и обустройства и Проекты Правил разработки газовых и газоконденсатных месторождений представляют собой обобщающие (системообразующие) документы.

В соответствии с п.3 Методических рекомендаций по разработке систем технического регулирования в отраслях и сферах деятельности, под системой технического регулирования в отрасли понимается упорядоченная определенным образом совокупность объектов технического регулирования, для каждого из которых определены набор обязательных и добровольных требований, формы оценки соответствия этим требованиям, а также возможности их координированного использования в данной и смежных отраслях.

В связи с этим в каждой отрасли экономики должен быть разработан классификатор объектов технического регулирования. В частности, в газовой отрасли в таком классификаторе должны быть указаны объекты технического регулирования (например, машины и оборудование; сооружения, скважины глубокого бурения и т.п.). В соответствии с таким классификатором по каждому объекту технического регулирования должен быть разработан Технический регламент.

В технических регламентах также должны содержаться положения о контроле за рациональной разработкой месторождений. В частности, в случае нарушения требований право пользования недрами может быть ограничено, приостановлено или прекращено уполномоченными государственными органами в соответствии с законодательством. Рассмотрение, согласование проектной и технической документации на разработку месторождений полезных ископаемых осуществляется Федеральное агентство по недропользованию (пункт 5.3.13 Положения о Федеральном агентстве по недропользованию, утвержденного Постановлением Правительства от 17.06.2004 г. № 293).

Технологические проектные документы на разработку газовых и газоконденсатных месторождений подлежат обязательной государственной экспертизе для обеспечения выполнения лицензионных соглашений (договоров на

право пользования участками недр), рационального использования и охраны недр.

В соответствии с пунктом 6.3 Положения о Федеральном агентстве по недропользованию, утвержденном Постановлением Правительства от 17.06.2004 г. № 293, Приказом Федерального агентства по недропользованию от 20.07.2005 г. № 806, создана Центральная комиссия по разработке месторождений полезных ископаемых (ЦКР Роснедра), а в соответствии с Приказом от 03.03. 2005 г. № 217 территориальное отделение ЦКР – ТКР.

ЦКР проводит экспертизу технологических проектных документов на разработку наиболее крупных месторождений. Технологические проектные документы по оставшимся более мелким месторождениям подлежат экспертизе ТКР.

При проведении государственной экспертизы уполномоченные органы и должностные лица обязаны принимать меры к охране конфиденциальной информации о содержании технологических проектных документов, могущей составлять предмет государственной и коммерческой тайны (сведения о балансовых запасах, новых применяемых технологиях, технических решениях, «ноу-хая») в соответствии со ст. 139 ГК РФ.

Информация о работе скважин, соблюдении лицензионных соглашений, имеющихся отклонениях от проектных показателей является общедоступной.

Положение о государственном контроле за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр, утвержденное постановлением Правительства РФ от 12 мая 2005 г. № 293, определяет порядок проведения государственного контроля за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр (государственного геологического контроля), органы государственного геологического контроля, их полномочия, права, обязанности и порядок работы.

Задачей государственного геологического контроля является обеспечение соблюдения всеми пользователями недр установленного порядка пользования недрами, законодательства

и утвержденных в установленном порядке стандартов (норм, правил) в области геологического изучения, использования и охраны недр, правил ведения государственного учета и отчетности.

Государственный геологический контроль осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере природопользования, Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору, являющейся органом государственного горного надзора, и их территориальными органами, органами государственной власти субъектов РФ.

Органы государственного геологического контроля осуществляют государственный контроль за:

- соблюдением требований законодательства Российской Федерации о недрах, утвержденных в установленном порядке стандартов (норм, правил) и иных нормативных правовых актов, имеющих обязательную силу для всех пользователей недр при проведении ими всех видов работ, связанных с использованием и охраной недр, в том числе на континентальном шельфе Российской Федерации;

- соблюдением установленного законодательством порядка предоставления лицензий на пользование недрами;

- соблюдением пользователями недр условий, определенных в лицензии на пользование недрами;

- ведением работ по геологическому изучению и использованию недр методами и способами, исключающими экономически не обоснованные потери полезных ископаемых в недрах и снижение их качества и др.

В целом законодательство о техническом регулировании в рассматриваемой сфере общественных отношений находится в стадии формирования.

В связи с этим представляется целесообразным сгруппировать объекты технического регулирования в нефтегазовом секторе экономики в соответствии с этапами хозяйственной деятельности и соответственно построить систему норм технического регулирования.

Приведенные примеры, на наш взгляд,

подтверждают высказанное нами мнение о том, что техническое регулирование общественных отношений в различных сферах экономической (хозяйственной) деятельности представляет собой сложный процесс. При этом возникает вопрос об отраслевой принадлежности норм в сфере технического регулирования. В юридической литературе предлагается отнести технические нормы к источникам административного права [1]. В учебнике по предпринимательскому праву вопросы технического регулирования рассматриваются в разделе «Правовое обеспечение качества товаров, работ, услуг» [2]. Видимо, пока нельзя однозначно отнести нормы законодательства в сфере технического регулирования к той или иной отрасли права. В соответствии со ст.1 Закона РФ «О техническом регулировании», нормы этого закона регулируют отношения, возникающие при:

- разработке, принятии и исполнении обязательных требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации;
- разработке, принятии, применении и исполнении на добровольной основе требований к продукции, процессам производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнению работ или оказанию услуг;

- оценке соответствия. Закон также определяет права и обязанности участников регулируемых отношений. Фактически нормы закона регулируют самые разнообразные отношения – и отношения по созданию системы обязательной стандартизации и сертификации, а также государственного контроля за соблюдением требований технических регламентов (это сфера публично-правового регулирования – государственного, административного, экологического права); а также отношения в сфере добровольного подтверждения соответствия (это сфера предпринимательского, гражданского права). Видимо, пока можно говорить о комплексной отрасли законодательства в сфере технического регулирования, формирующемся, в том числе и под воздействием процессов глобализации, в частности в соответствии с происходящими процессами унификации российского законодательства с документами Европейского экономического сообщества по техническому регулированию.

Список литературы

1. Тихомиров Ю.А. Техническое законодательство – новая отрасль? // Право и экономика.– 2006. – № 2. – С.4.
2. Ершова И.В. Предпринимательское право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2003. – С.374–371.

В редакцию материал поступил 11.01.07.

УДК 347.4

Н.А. САТТАРОВА,
доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Развитие рыночной экономики в стране обусловило стремительное развитие ряда отраслей права, что явилось причиной трансформации некоторых традиционных правовых институтов в другие отрасли права.

Проблемы представительства в настоящее время продолжают интересовать исследователей, поскольку институт представительства, являясь несомненным спутником современного государства, обладает значительным количеством сходных черт вне зависимости от отраслевой принадлежности отдельных норм.

В современном обществе невозможно представить какую-либо сферу деятельности органов государственной власти, хозяйствующих субъектов и граждан без представительства. Виды представительства разнообразны, имеют свои особенности в зависимости от развития общественных отношений, регулируемых нормами той или иной отрасли права. Так, правовое государство, по мнению классиков российской и мировой конституционно-правовой мысли, возможно только при наличии народного представительства.

Народное представительство, привлекая огромную массу граждан-избирателей к решению государственных дел, к законотворчеству, способствует формированию институтов гражданского общества. В свою очередь, гражданское общество через свои институты, прежде всего общественные объединения, местное самоуправление, оказывает влияние на принятие государственных решений и способствует развитию народного представительства [1].

Заметим, что право граждан на народное представительство реализуется прежде всего по территориальному признаку ввиду деления Российской Федерации на субъекты Федерации и муниципальные образования.

Право граждан на представительство в органах публичной власти по своей сущности и предназначению относится к числу конституционных прав и свобод граждан. В пользу этого суждения свидетельствует значимость

данного права, его связанность с конституционными принципами народного суверенитета, представительной демократии, народовластвия. Отсутствие в перечне конституционных прав и свобод (глава 2 Конституции Российской Федерации) исследуемого субъективного права не может ставить под сомнение его конституционно-правовую природу в силу требований части 1 статьи 55 Конституции Российской Федерации. Кроме того, право граждан на представительство можно вывести из нормативного содержания статьи 3 Конституции Российской Федерации, согласно которой народ осуществляет свою власть непосредственно и через органы государственной власти и местного самоуправления [2].

Сфера экономических, предпринимательских отношений также немыслима без посредничества и представительства.

Институт представительства своими корнями уходит в глубокое прошлое. Еще в Древнем Риме на основании договора поручительства поверенный мог совершать сделки в интересах другого лица, выполнять определенные процессуальные действия.

В современных условиях, в связи с усложнением правоотношений в государстве с рыночной экономикой, сфера применения представительства достаточно широка.

В гражданском праве принято считать, что представительство – это совершение одним лицом (представителем) в силу имеющегося у

него полномочия от имени и в интересах другого лица (представляемого) сделок и иных юридических действий, в результате чего у представляемого непосредственно создаются, изменяются и прекращаются гражданские права и обязанности [3, с. 217].

Гражданский кодекс РФ не дает определения посредничества и перечня посреднических сделок. Вместе с тем необходимо отметить взаимосвязь понятий посредничества и представительства с системой права. Так, «представительство» в системе англосаксонского права в широком смысле включает все отношения, существующие между двумя лицами, когда одно из этих лиц (агент) действует за другое (принципал) и под его контролем. Поэтому в категорию представителя входят и комиссионеры, и торговые представители, и коммивояжеры, и брокеры, и капитаны судов, и адвокаты [4, с. 100].

В странах с континентальной системой права понимание посредничества и представительства различается в зависимости от принадлежности к дуалистической или монистической системе частного права. В тех странах, где частное право представлено торговым и гражданским правом (Франция, Германия), представительство осуществляется в рамках торгового права. В странах с монистической системой частного права существует проблема разграничения этих двух несколько схожих понятий [5].

Законодателем в п. 2 ст. 182 ГК РФ указан главный квалифицирующий признак посреднической деятельности: выступление в чужих интересах от собственного имени. Таким образом, данный критерий (действие от своего или чужого имени)ложен в основу разграничения понятий посредничества и представительства. Поскольку личность контрагента в большинстве случаев является определяющим фактором при заключении сделок, имя участника гражданского оборота позволяет четко идентифицировать субъекта конкретных гражданских прав и обязанностей и, соответственно, сторону договорного правоотношения.

Следует отметить, что признаком, сближаю-

щим в определенной степени отношения представительства и посредничества и делающим указанные понятия сравнимыми, является выступление лица (представителя, посредника) в чужих интересах.

Выступление посредника в гражданском обороте в чужих интересах позволяет провести границу между ним и другими субъектами права, также действующими от собственного имени (в частности, от дилеров, дистрибуторов и иных лиц, действующих в своих интересах и за свой счет) [6].

В юридической литературе отмечается, что основаниями возникновения представительства являются: во-первых, волеизъявление представляемого о предоставлении полномочия представителю, выраженное в договоре или доверенности; во-вторых, акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, предписывающий субъектам действовать в качестве представителя других лиц; в-третьих, факт, наличие которого в силу указания закона достаточно для возникновения полномочия одного лица быть представителем другого [7, с. 401].

В зависимости от оснований возникновения полномочий различают добровольное, т.е. основанное на доверенности, и законное, т.е. основанное на законе или изданном на основании закона административном акте, представительство. При этом в соответствии со ст. 182 ГК РФ полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.).

Представительство, основанное на доверенности или договоре, является добровольным, поскольку необходимым условием его возникновения служит волеизъявление самого представляемого. Как правило, непосредственная цель таких сделок, совершаемых представляемым, – установить представительские отношения (например, договоры поручения и агентирования). Однако договор может иметь иную направленность и лишь указывать на возможность осуществления представительских функций одним из его субъектов. Так, учредительный договор полного товарищества

может предоставлять право одному или нескольким его участникам вести дела от имени данного юридического лица (п. 1 ст. 72 ГК РФ). Договор простого товарищества в силу п. 2 ст. 1044 ГК РФ может удостоверять полномочие товарища совершать сделки с третьими лицами от имени всех товарищей.

Представительство, возникающее на основании закона или административного акта, является обязательным и не зависит от воли представляемого. Так, юридические действия от имени лиц, не достигших 14 лет, совершаются их родителями, усыновителями, опекунами (ст. 28 ГК РФ). Если ребенок остался без попечения родителей, то до его устройства на воспитание обязанности опекуна и, следовательно, функции законного представителя возлагаются на органы опеки и попечительства (п. 2 ст. 123 Семейного кодекса). Детям, постоянно находящимся на полном государственном попечении в воспитательных или лечебных учреждениях, учреждениях социальной защиты населения, опекуны не назначаются (п. 1 ст. 147 Семейного кодекса). Их законным представителем выступает администрация соответствующего учреждения. Сделки от имени совершеннолетних граждан, признанных недееспособными, заключаются их опекунами (ст. 29 ГК РФ). При отсутствии у таких лиц опекуна его функции выполняют администрация и медицинский персонал психиатрического стационара в соответствии со ст. 39 Закона РФ от 02.07.92 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [8].

Гражданское законодательство выделяет также особый вид представительства – коммерческое, которое само по себе представляет предпринимательскую деятельность. Напомним, что коммерческими представителями могут быть коммерческие организации (ст. 50 ГК РФ) и граждане – индивидуальные предприниматели (ст. 23 ГК РФ). Представляемыми могут быть любые лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Следует отметить, что, по сравнению с обычным представительством, особенности коммерческого представительства состоят в том,

что главным основанием возникновения полномочия является договор, заключенный в письменной форме, а не доверенность, а также право коммерческого представителя одновременно представлять разные стороны в сделке (п. 3 ст. 184 ГК РФ). Применительно к коммерческому представительству доверенность является субсидиарным основанием возникновения полномочий коммерческого представителя.

Особый интерес представляет представительство в гражданском и арбитражном процессе.

Гражданское (арбитражное) процессуальное представительство является формой оказания правовой помощи одного лица (представителя) другому лицу (представляемому) в форме совершения процессуальных действий представителем от имени и в интересах представляемого в рамках, полученных в связи с рассмотрением и разрешением судом гражданского дела, урегулированных совокупностью норм, составляющих институт [9, с. 67].

Развитие института представительства, усложнение судебных споров неизбежно приводят к тому, что на стороне тяжущегося часто выступает более одного представителя. Причинами такого положения авторы считают специализацию представителей.

Вместе с тем необходимо отметить, что самым распространенным видом представительства в гражданском и арбитражном процессе является добровольное договорное представительство. В основании указанного вида представительства по определению лежит договор, которым и регулируются отношения между представителем и представляемым. При этом представитель и представляемый могут быть связаны гражданско-правовым или трудовым договором.

Здесь необходимо отметить следующее. В ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указаны исчерпывающие случаи, когда представительство организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления в гражданском и административном судопроизводстве,

судопроизводстве по делам об административных правонарушениях признается правомерным. Такое представительство будет законным только тогда, когда его осуществляет адвокат. В качестве исключения к такому ограничению исполнения представительских функций закон допускает участие в представительстве работников, состоящих в штате организации, органов государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, данной нормой законодатель резко ограничил участие в представительстве интересов указанных организаций и органов других лиц, занимающихся оказанием юридической помощи (юридических фирм, лиц, не состоящих в адвокатских объединениях и т.д.). И в то же время этой нормой законодатель еще больше защитил интересы организаций, обращающихся за юридической помощью, обеспечив им возможность защищаться или представлять свои интересы на более профессиональной основе, наличие которой предполагается только у адвоката (в силу особого порядка приобретения статуса адвоката, независимости этого специалиста, достаточно сложной системы корпоративности в адвокатской деятельности (соблюдение адвокатской этики, порядок приостановления и лишения статуса адвоката) и т.д.) [10, с. 108].

В условиях радикального реформирования системы права возникли объективные основания полагать, что в сфере, например, трудовых отношений сложилась и продолжает развиваться система представительства. Она представляет собой совокупность взаимосвязанных правовых норм, регулирующих представительство работников (объединений работников) и представительство работодателей (объединений работодателей) в трудовых отношениях [11].

Необходимость представительства в публичных отношениях, в частности, в налоговой сфере, обусловлена сложным, противоречивым и конфликтным характером налоговых правоотношений.

Налоговое представительство во многом основывается на нормах гражданского законодательства, но имеет свои особенности. Отли-

чительные черты налогового представительства:

- полномочия осуществляются представителем только в сфере налогообложения;
- ограниченный круг лиц, которым предоставлено право иметь представителя (ст. 26 Налогового кодекса РФ определяет только налогоплательщиков, налоговых агентов и плательщиков сборов);
- исчерпывающий перечень видов представительства (законное и уполномоченное);
- налоговое представительство всегда осуществляется перед государством или муниципальными образованиями.

По смыслу ст. 27 и ст. 29 Налогового кодекса РФ налоговыми представителями признаются юридические или физические лица. При этом важно отметить, что физическое лицо для осуществления полномочий представителя должно иметь гражданскую дееспособность.

Заметим, что Налоговый кодекс РФ содержит ряд прямых запретов в отношении выполнения представительских функций некоторыми категориями физических лиц (например, согласно ст. 29 НК РФ не могут выступать налоговыми представителями должностные лица налоговых, таможенных органов, судьи, следователи и прокуроры).

Специфика деятельности коммерческих банков в современных условиях позволяет отнести их к представителям (посредникам), выражющим интересы государства, например, в сфере публичных финансов. Поскольку в России не существуют казначейские банки, коммерческие банки участвуют в расчетах с бюджетными средствами, способствуют уплате налогов налогоплательщиками путем перечисления денежных средств в бюджеты всех уровней бюджетной системы России.

С участием банков в бюджетно-налоговой сфере складываются следующие правоотношения «налогоплательщик – банк – государство», где:

- 1) «банк – государство» – публичные отношения (налоговые, бюджетные);
- 2) «налогоплательщик – государство» – налоговые правоотношения;

3) «налогоплательщик (клиент) – банк» – отношения гражданско-правового характера.

Кроме того, банки осуществляют посреднические операции между различными «игроками» на финансовом поле, они призваны способствовать оптимизации размещения денежных средств, успешному кредитованию бизнеса, активному использованию вкладов юридических и физических лиц, т.е. банки – основной, главный финансовый институт, изначально ориентированный на комплексное осуществление банковской деятельности, объективно стремящийся к универсализации. Как уже было отмечено, движение денежных средств проходит через счета кредитных организаций. Таким образом, происходит «кругооборот» денежных средств, денежное обращение, в стабильном функционировании которого заинтересовано государство. Наряду с банками, перемещение денежных средств на рынках осуществляют и другие финансовые и кредитно-финансовые учреждения: инвестиционные фонды, страховые компании, брокерские, дилерские фирмы и т.д. Но банки как субъекты финансового риска имеют существенные признаки, отличающие их от всех других субъектов.

Как видим, сфера применения представительства и посредничества в современном обществе достаточно распространенная. Краткий анализ института представительства позволяет отметить, что представительство, не являясь новой темой в науке, по-прежнему вызывает интерес у исследователей.

В заключение хотелось бы отметить, что социально-экономические изменения, произошедшие в России за последние годы, повлекли существенные изменения в системе правовых

отношений. Развитие рыночной экономики в стране обусловило стремительное развитие ряда отраслей права (финансового, налогового, валютного и т.д.), что явилось причиной трансформации некоторых традиционных правовых институтов в другие отрасли права. Безусловно, указанное обстоятельство ориентирует на их дальнейшее изучение в целях совершенствования действующего законодательства.

Список литературы

1. Садовникова Г.Д. Общественная палата и ее роль в развитии институтов народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 1.
2. Астафьев П.А. Право граждан на представительство в органах публичной власти// Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 3.
3. Гражданское право: учебник; под ред. А.Г. Калпина и А.И. Масляева. – М., 2001. – С. 217.
4. Васильев Е.А. Гражданское и торговое право капиталистических государств. – М.: Международные отношения, 1993. – С. 100.
5. Саркисян М.Р. Институт торгового посредничества// Журнал российского права. – 2002. – № 3.
6. Галушина И.Н. Понятия представительства и посредничества в гражданском праве: сравнительно-правовой аспект // Журнал российского права. – 2006. – № 2.
7. Гражданское право: учебник; в 2 т. Т. 1; отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Бек, 2000. – С. 401.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный); под ред. О.Н. Садикова. – М: Издательский Дом «ИНФРА-М», 2005.
9. Халатов С.А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2002. – С. 67.
10. Адвокатура в России: учебник для вузов; под общ. ред. Л.А. Демидовой, В.И. Сергеева. – М., 2005. – С. 108.
11. Васильев В.А. Представительство в трудовых отношениях // Трудовое право.– 2006. – № 3.

В редакцию материал поступил 26.12.06.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.24/343.8

Ю.В. БАРАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Зеленодольский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

СИСТЕМА СТАДИЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ ЭТОГО НАКАЗАНИЯ

В рамках концепции исправления осужденных рассматривались различные системы стадий ресоциализации. Однако данные системы остаются внутри концепции, не сумевшей доказать свою жизнеспособность и эффективность воздействия на процесс ресоциализации осужденных. В рамках новых исследований в философии, философской антропологии, социологии и юридической антропологии дается новое видение стадий ресоциализации. Она выстраивается внутри модели освоения чужой культуры, составляющей сущность межкультурной коммуникации. Данное видение ресоциализации осужденных к лишению свободы способно сдвинуть с мертвоточки сам процесс, но он связан с определенными трудностями. Об этом и некоторых других вопросах говорится в статье, которая отражает оригинальную авторскую концепцию ресоциализации.

В последнее время проблема ресоциализации осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания приобретает в мире не только актуальный характер, но и становится критерием оценки цивилизованности той или иной страны, эффективной реализации функций управления тем или иным государством. В сложившихся условиях Россия не может, как прежде, и далее игнорировать программы ресоциализации осужденных и освобожденных от этого наказания.

Указанные программы давно реализуются в европейских странах и США. Среди них есть неординарные проекты, представляющие особый интерес. Так, программа «Defi-Job», внедренная в одной из тюрем Люксембурга расставляет акценты в процессе ресоциализации в обратном порядке: в этой программе заключенные участвуют в жизни гражданского общества, а не наоборот [1]. Лоббирование интересов заключенных в процессе их адаптации, признание созданных новых стандартов

занятости заключенных, подписание соглашений о финансировании части текущих расходов со стороны государства являются теми этапами работы, через которые проходят вновь создаваемые организации по работе с освобожденными лицами. Но данный процесс продвигается с большим трудом даже в европейских странах, и потому в России, на наш взгляд, прохождение данных этапов в настоящее время нереально.

Трудности с реализацией программ ресоциализации связаны не только с отсутствием возможностей финансирования чрезвычайно затратных проектов, но и с тем, что до сих пор не разработана единая концепция ресоциализации. В силу этого обстоятельства и европейские страны до сих пор ищут эффективные механизмы ресоциализации осужденных и освобожденных. Поэтому наиболее важной составляющей концепции ресоциализации призвана стать система ее стадий. Именно она поможет сформировать понимание данного

процесса, его практическо-прикладную структуру.

Глубокое научное обоснование стадийности дает Д.Я. Малешин. Он утверждает, о том что стадии самостоятельны, что существуют определенные системные характеристики на каждой из стадий, но имеется один и тот же объект воздействия¹ [2]. Для процесса ресоциализации подобным объектом является лицо с отклоняющимся поведением, утратившее частично или полностью в силу объективных и/или субъективных причин положительные качества².

Большинство исследователей начинают рассмотрение процессов адаптации осужденных к лишению свободы с этапа их адаптации к условиям пенитенциарных учреждений. Процесс отбывания наказания в пенитенциарном учреждении в силу сложившихся реалий и интенсивности конфликтов, по нашему

мнению, аналогичен вооруженному конфликту³ [3]. Наличие в местах лишения свободы конфликта столь высокой интенсивности изначально ставит под сомнение возможность рассмотрения стадийности ресоциализации в них.

Поэтому более целесообразным выглядит рассмотрение процесса адаптации по отношению к лицам, освобожденным из мест лишения свободы⁴. Анализ обстоятельств освобождения, а так же различных теорий [4] позволяет прийти к выводу о том, что до освобождения из мест лишения свободы у рассматриваемых нами лиц возможны лишь три типа отношения к окружающему – защита, отрижение, а также умаление⁵ [4, с. 268]. Только после освобождения из мест лишения свободы либо при создании условий для этого в учреждениях переходного типа. Ресоциализация у них может иметь место в полном объеме.

Адаптация связана с приобретением в течение двух лет – опыта жизни на свободе, а в личностной сфере – плюрализма. На данном пути наибольшую трудность для процесса ресоциализации освобожденных может представлять их изолированность, создаваемая как представителями общества, так и ими самими⁶ [5]. Процесс адаптации освобожденного лица нуждается и в перестройке отношения самого

¹ Д.Я. Малешин включает в данную сферу разработку основных категорий сущности стадии, классификации и критериев выделения стадий, задач и действий, характерных для той или иной стадии. Дав определение стадии, как обособленной во времени, обладающей качественным своеобразием содержания и направленной на выполнение самостоятельной задачи части системы действий, он выделяет четыре признака перехода деятельности из одного состояния в другое. Если первое – это преемственность между предыдущим и последующим, второе – структурное усложнение (наращивание чего-то нового), то есть качественное изменение состояния; третье – обособленность во времени, то четвертое – подчиненность определенной логике, законам. При этом можно и не согласиться с его выводом о соответствии цели, средств, процесса и результата в динамике возбуждению, подготовке, осуществлению и окончанию, но это уже другой вопрос.

² Автор сознательно выбирает в качестве критерия подразделения на стадии процесс биологического-психологического приспособления личности к условиям общественной жизни, а именно, адаптацию личности и его социализацию. Данные процессы присущи всем членам общества без исключения и не ставят отдельную личность в позицию предрешенной изоляции, как это происходит при стигматизации. Процесс адаптации не содержит в себе в качестве обязательного элемента двусторонние отношения. При этом человек, будучи рассматриваемым отдельно от других, подобных ему, не получает отдельного обозначения. Никто из нас не застрахован, что на определенном этапе в силу как объективных, так и субъективных причин может нарушить определенные нормы и правила. Если при этом сразу повесить на него ярлык нарушителя, то можно с уверенностью прогнозировать с его стороны последующие нарушения.

³ Осужденные не должны адаптироваться к условиям пенитенциарного учреждения современного типа: чем менее они адаптируются к условиям пенитенциарного учреждения, тем большая существует вероятность их возможной ресоциализации в общество, и наоборот, чем выше их уровень адаптации к условиям пенитенциарного учреждения, тем ниже вероятность их нормальной реинтеграции в последующем в общество.

⁴ Автор придерживается точки зрения, что процесс ресоциализации осужденных включает и процессы после освобождения их из пенитенциарного учреждения.

⁵ Автором в качестве конструкта изменения отношения к окружающему применена конструкция модели освоения чужой культуры М. Беннета, которая включает последовательно этапы отрицания, защиты, умаления, и лишь затем – признания, адаптации и интеграции.

⁶ Данное явление может разворачиваться в двух вариантах, формах: жесткой и скрытой. В рамках теории стигматации (иногда пишут – стигматизации) действие не является естественно хорошим или плохим; нормальность и девиация определяются социалью.

освобожденного в виде признания⁷, которое непосредственно связано с изменением мировоззрения, взглядов на окружающее в ходе рефлексии.

Подобные радикальные изменения в отношениях с окружающими освобожденное лицо может произвести лишь при наличии условий для индивидуализации. Период индивидуализации и сам процесс могут быть рассмотрены как стремление к осознанию фактов совмещения процессов труда и отдыха, самопознание и поиск средств самовыражения, а иногда и понятия, стыкающегося с процессом простого физиологического и психологического отдыха, оно представляет собой определенный процесс «убегания» от интенсивных процессов адаптации, временную остановку со всеми возможными на данном этапе процессами и результатами.

Автономность индивидуальности обеспечивается при этом тем, что лицо способно к самоопределению (т.е. содержит в себе источники собственного строения и активности); способно не только к отражению, но и изменению действительности; оказываемые на него влияния являются частными, неполными (социальные влияния не означают изменения биохимических процессов и т.д.). Е.Б. Весна пишет, что в психологической литературе редко встречаются указания на сущность индивидуализации, его специфику, механизмы, результаты и т.д., даются весьма расплывчатые утверждения относительно того, что личность в рамках индивидуализации разворачивает свою уникальность, свой индивидуальный взгляд на мир, свою самостоятельную позицию. При этом индивидуальность рассматривается лишь в

⁷ Сутью его является то, что на определенном этапе различия освобожденным начинают восприниматься как нечто неизбежное и позитивное, существование различий начинает приниматься как необходимое человеческое состояние. На данном этапе, происходит принятие разных взглядов на мир, являющихся основой вариаций в поведении. Ценности перестают восприниматься как материальные вещи, а начинают рассматриваться как проявление чисто человеческой способности освоения мира. Процесс признания требует удовлетворения физиологических потребностей освобожденного, его относительной безопасности и длительного времени. Но данный процесс не может быть представлен в качестве стадии.

аспекте неповторимости, в основном биологической уникальности [6]. Но индивидуализация связана как с сознательным обособлением, так и с сознательной творческой активностью (целеполаганием), которые дают субъектизацию данного процесса.

В.С. Мерлин и вовсе утверждает, что индивидуальность и социальная действительность устроены неодинаковым образом. Способы их существования подчиняются законам, действующим в разных по масштабу фрагментах реальности [6, с. 153]. Таким образом, мы можем утверждать, что осужденное либо освобожденное лицо будет вести себя по-разному на разных этапах своей жизнедеятельности.

Выделяются следующие основные подходы к индивидуализации. Индивидуализация понимается:

как акцидентирование, отклонение в процессе социализации, вызванное все большей включенностью внутренних условий, сложившихся личностных черт, установок и т.д.;

- как субъектизация, т.е. становление личности в качестве субъекта;

- как самоопределность и обособленность, выделенность индивидуальности из сообщества, оформленность ее отдельности, уникальности и неповторимости;

- как индивидуация, т.е. движение от сознательного к бессознательному, постижение и преодоление бессознательного сознанием, становление самости;

- как интеграция (установление баланса между индивидуальными потребностями и социальным требованием);

- как сублимация, развертывание индивидуальных устремлений, тенденций в социальной среде, преодоление противодействия последней, поиск и формирование механизмов выхода этим устремлениям;

- как вариатизация (становление индивидуальных отклоняющихся, вариативных черт под влиянием вариативного опыта);

- как существование, индивидуальное бытие личности, представляющее собой непрерывный интимный процесс;

- как реализация уникальной сущности личности, ее творческое самовыражение;
- как выработка уникальных жизненных стратегий, смыслов, стилей деятельности, отражающих характер и уровень адаптивности личности;
- как высший уровень социализированности личности, отражающий ее способность к социальному творчеству, к привнесению;
- как интимизация, т.е. включение социального в глубинные слои личности [6, с.174–175].

Но трудно понять, как организован сам процесс индивидуализации. Возможно, поэтому в отечественной психологии до сих пор обособление трактуется как не имеющий самостоятельной аксиологической значимости дополнительный процесс, который связан с развитием личности как субъекта, переходом ее от бессознательной идентификации к самоопределению или наоборот.

Е.Б. Весна, специально исследовавшая проблематику соотношения социализации – индивидуализации, дает определение сущности индивидуализации. По ее мнению, она состоит в том, что индивидуализация представляет собой динамический процесс, последовательно включающий в себя осознанный отказ от следования норме – обособление, или деобъективацию, осмысливание – обращение к индивидуальному неозначененному знанию, или интуитивацию, и, наконец, означивание образа с целью его передачи, включения в социальное знание – экстериоризацию [6, с. 232], т.е., если в дошкольном возрасте индивидуальный опыт означивается социальным значением, то в подростковом, напротив, социальный опыт соотносится с индивидуальными смыслами. Здесь присутствуют моделирование, игра. Таким образом, в подростковом возрасте доминирующей формой деятельности становится персонифицирующая деятельность, связанная с моделированием, проигрыванием множества сценариев будущей взрослой жизни на фоне индивидуализации. Только при наличии подобной возможности в зрелом возрасте наблюдается духовная реализация личности и ее интеграция.

Только при индивидуализации вырабатывается представление о сложности, уникальности другого человека, ибо оно формируется в процессе открытия собственной уникальности. Это обстоятельство является условием социальной компетентности лица: открыв свою уникальность, человек может ориентироваться на уникальность другого, становится способным к социальному взаимодействию. Лишь после данных процессов может быть продолжена эффективная ресоциализация в форме реинтеграции⁸ [7].

Реинтеграция проходит благополучно, если свойства человека принимаются группой, обществом. Если они не принимаются, то можно предположить варианты сохранения индивидом своей непохожести и появление агрессивных взаимодействий (взаимоотношений) с остальными представителями общества. Лицо может также изменить себя, чтобы стать подобным

⁸ Анализ процессов индивидуализации позволяет утверждать, что законы данного этапа не поддаются изучению в обычном понимании, они могут быть лишь поняты, прочувствованы. Из понимания потребностей, мотивов, желаний, склонностей, страсти индивида проистекает вывод о том, что освобожденный не имеет права концентрации своих сил на одной цели, что может быть позволено другим. Из потребностей денег, почестей и власти, освобожденному нельзя будет сконцентрироваться по отдельности ни на одном из них, ибо это будет отвергнуто обществом. Напрашивается вывод о том, что задачей стадии индивидуализации освобожденного может стать выработка именно данной истины. Но по всем законам данной сферы, он должен прийти к пониманию этого сам, без воздействия со стороны. Соответственно, в общественном понимании модификация освобожденного должна происходить в той мере, которая позволяет проскочить уровни социальных потребностей и выйти на духовные потребности, или же освобожденный может не модифицировать себя, ограничившись малым. В таком состоянии конформизма и почти тотальной подчиненности требованиям общества он все же не застрахован от возможного нарушения данных же требований как в силу их изменчивости, так и силу отсутствия понимания им самим механизмов действия системы общества. Исследования периода индивидуализации может привести к выводу о том, что вариантов ресоциализации у освобожденного почти или практически нет. В ходе дальнейшего анализа процесса ресоциализации в смысле приспособления девиантного индивида к жизни без острых конфликтов возможно определение некоторых вариантов возможной ресоциализации. В данном случае рассмотрение ресоциализации носит социологический характер и предусматривает анализ более масштабных процессов. Стоит отметить также, что в социологии имеется и данное определение ресоциализации.

другим, либо выбирается конформизм, внешнее соглашательство и адаптация [8].

Таким образом, при наличии процесса индивидуализации, как мостика между адаптацией и интеграцией, эффективная ресоциализация возможна. Соответственно, можно говорить о последовательности стадий ресоциализации, которая включает последовательно стадию адаптации (можем обозначить ее в указанном контексте и как стадию реадаптации), стадию индивидуализации и стадию интеграции (в русле наших исследований целесообразно добавление приставки «ре» и ее обозначение под названием стадии реинтеграции).

Процесс ресоциализации развертывается по циклу: от реадаптации – к индивидуализации, от него – к реинтеграции. Сам процесс ресоциализации внутри развертывается по схеме последовательных этапов отрицания, защиты, умаления, признания, адаптации и интеграции. При этом реадаптация включает изменение отношения к окружающему по схеме циклов от защиты до отрицания, от отрицания до умаления и обратно, а далее должна идти индивидуализация. Лишь после нее возможен переход к признанию как первому типу отношений на стадии реинтеграции, на которой происходит циклическое изменение к окружающему по схеме от признания к привыканию (адаптации) и обратно, от признания до интеграции и обратно. Особенностью стадии реинтеграции является то, что здесь между каждым этапом может присутствовать индивидуализация, то есть лицу все более необходима свобода в форме единности. Но при всем этом можно утверждать о едином процессе вторичной социализации, то есть ресоциализации.

Лишь при понимании системы стадий можно говорить о механизме ресоциализации, связанной с установлением тех или иных типов взаимосвязей с окружающим миром, либо переходить к рассмотрению особенностей механизма ресоциализации освобожденного в тот тип общества, который характерен для той или иной страны, в данном случае – для России.

В рамках юридического мировоззрения возможно и дальнейшее сохранение точек

зрения на необходимость воздействия на лицо с целью его возвращения в общество, изменения его асоциальных установок и системы ценностных ориентаций, восстановления его общественно полезных связей и отношений со стороны. Но воздействие возможно лишь до определенного предела, ибо всякое воздействие со стороны на любой объект природы приводит к возрастанию в нем хаотической составляющей. Мы можем лишь пробудить у осужденного желание изменить свои установки, ориентиры, настроить новые отношения или скорректировать старые. В контексте сказанного обратим внимание на указанную в ст. 1 УИК РФ возможность оказания помощи осужденным в социальной адаптации в качестве задачи уголовно-исполнительского законодательства⁹ [9].

Необходимость замены парадигмы правового воздействия на парадигму взаимодействия в ходе правовой социализации, ресоциализации особенно видна именно при анализе процессов индивидуализации. Данный процесс имеет как психологическую, так и физиологическую компоненту. Процесс индивидуализации включает в себя интенсивные процессы измененных состояний сознания (ИСС), обособления и созерцания, «душевные кризисы». Таким образом, В.С. Мерлин прав, считая, что ресоциализируемое лицо живет в разные периоды времени по различным биopsихофизиологическим законам. Соответственно, и право им воспринимается в данные периоды по-разному.

Список литературы

1. Тайс В. Главное – социальная реабилитация // В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительской системе: Сб. мат. 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (Саратов, 16–20 сентября 2003 года); под общ. ред. Ю.И. Калинина. – С. 102–106.

⁹ В комментариях к ст. 73 УИК РФ прямо говорится, что осужденному, по крайней мере, трижды приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспосабливаясь: а) к требованиям режима в исправительных учреждениях, к среде осужденных, материальным и бытовым ограничениям; б) при изменении вида исправительного учреждения; в) в связи с освобождением осужденного из исправительного учреждений.

2. Малешин Д.Я. Понятие стадии в исполнительном производстве. // Вестн. Моск. ун-та. Сер.11., Право. – 2002. – №4. – С. 110–120.
3. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2000. – С. 630.
4. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов; под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С.268.
5. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я); пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – С. 338.
6. Весна Е.Б. Психологические закономерности и механизм процесса социализации-индивидуализации в онтогенезе [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра психол. Наук: 19.00.13. Москва, 1998. РГБ ОД, 71: 99-19/4-3. – С.145–147.
7. Социологический энциклопедический словарь. На рус., англ., нем., фр., и чеш. языках. Редактор-координатор – акад. РАН Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. – С. 302.
8. Психология и педагогика: учеб. пособие; отв. ред. В.М. Николаенко. – М.: ИНФРА-М, Новосибирск: НГАЭиУ, 2001. – С. 84.
9. Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными. – М.: Экспертное бюро – М., 1997. – С. 21.

В редакцию материал поступил 19.02.07.

УДК 343.2

И.И. БИКЕЕВ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ОБЪЕКТОВ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В работе с позиций науки уголовного права дается авторское определение объектов повышенной опасности, раскрываются их признаки и классификация. Рассматривается соотношение указанных объектов с источниками повышенной опасности и иными схожими предметами. Приводится обоснование кriminalизации общественно опасных форм обращения с такими объектами.

Человечество с самого начала своего существования сталкивается с объектами, которые представляют значительную опасность для жизни, здоровья, имущества или иных ценностей, принадлежащих его представителям либо их группам¹ [1]. Желая обеспечить сохранность этих ценностей, оно устанавливает особые правила обращения с такими объектами. Человеку приходится защищать собственную безопасность, безопасность близких ему людей и всего того, что ему дорого или нужно, в силу того, что он сам, а также подавляющее большинство окружающих его предметов имеют конечный характер. Они могут быть уничтожены, повреждены, ограничены в возможностях и т.д.

Объектов, от которых исходит повышенная опасность для близко находящихся людей или других признаваемых в обществе благами ценностей огромное количество, причем их становится все больше. Такими объектами опасности могут быть различного рода вещи, определенные виды деятельности, процессы и явления. Иначе говоря, объекты повышенной опасности могут быть как материальными, так и нематериальными.

В законодательстве и правовой доктрине

широко используется термин «источник повышенной опасности». Целесообразно выяснить, как он соотносится с предлагаемым нами термином «объект повышенной опасности». На наш взгляд, источники повышенной опасности следует признать разновидностью указанных объектов в силу следующих обстоятельств.

До настоящего времени в юридической науке не выработано общепризнанного определения понятия источника повышенной опасности. Одни, отмечает С. Шишкин, связывают его с любой деятельностью, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля над ней со стороны человека. Другие выскаживают точку зрения о том, что под источниками повышенной опасности необходимо понимать предметы материального мира, обладающие опасными для окружающих свойствами и не поддающиеся полному контролю со стороны человека [2]. Помимо теорий деятельности и «объекта», существует еще и концепция «движущихся вещей», которая под источником повышенной опасности понимает вещи, оборудование, находящиеся в процессе эксплуатации и создающие при этом повышенную опасность для находящихся в процессе эксплуатации и окружающих. А в российской юридической энциклопедии 1999 г. дан вариант, из которого следует, что под источником повышенной опасности можно понимать как предметы, так

¹ Термин «объект» имеет несколько значений. В данном случае мы под ним понимаем «то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, явление внешнего мира».

и деятельность, создающие повышенную опасность для окружающих [3, с. 20].

Понимание источника повышенной опасности как деятельности получила закрепление в трудах многих советских и российских ученых. Например, в работах Б.С. Антимонова, В.Г. Вердникова, О.С. Иоффе, А.А. Субботина, С. Шишкина [3, с. 21], К.Б. Ярошенко и др. [4, 5, 6, 7, 8].

Однако в последнее время все большее распространение имеет иная научная позиция, согласно которой источниками повышенной опасности являются определенные материальные объекты, вещи. Ее отстаивают Н.И. Коняев [9], О.М. Солдатенко [10], А.А. Тебряев [11] и др., в определенной степени В.М. Болдинов [12].

Некоторые специалисты в своей научной позиции пытаются сочетать оба подхода и рассматривают источник повышенной опасности как предметы материального мира, деятельность которых в процессе их использования не поддается полному контролю человека. Среди них Л.А. Майданик, Н.Ю. Сергеева, А.М. Белякова [13, 14].

В соответствии с ч. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих», юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» [15]. На наш взгляд, по смыслу ст. 1079 ГК РФ источниками повышенной опасности являются различные предметы, вещества, виды энергии и деятельности, использование и осуществление которых связано «с повышенной опасностью для окружающих», то есть источниками повышенной опасности являются

как отдельные предметы, так и виды деятельности.

Данную позицию автор настоящей работы обосновал еще в 2000 г. Подобный же подход предложила в рамках своего диссертационного исследования А.Д. Власова [16, 17]. В поддержку данной точки зрения следует отметить, что законодатель в статье 1079 ГК РФ одновременно использует и термин «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих» и термин «источник повышенной опасности».

Предметами повышенной опасности являются различного рода механизмы, ядовитые, взрывчатые вещества, транспортные средства и т.д. Видами деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, являются строительная, монтажная, погрузочно-разгрузочная и иная деятельность. По мнению С.А. Зенцовой, источник повышенной опасности необходимо рассматривать в аспекте эксплуатации, использования предметов повышенной опасности (деятельности). Они должны быть включены в деятельность человека [18]. По ее мнению, источник повышенной опасности – это деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих в результате использования технических устройств, систем и механизмов, чреватая высокой вероятностью причинения тяжких последствий, не поддающихся полному контролю со стороны человека, вследствие того что и сам человек является ненадежным элементом во всей этой системе [19].

Однако, как представляется, некоторые опасные виды деятельности не обязательно связаны с какими-либо предметами, с манипулированием ими. Так, на наш взгляд, источником повышенной опасности следует признавать и такую разновидность осмысленной и тщательно регламентированной человеческой деятельности как медицинская деятельность [20, 21, 22, 23]. А она может заключаться и в немедикаментозном, беспредметном воздействии. Например, в лечебном массаже, вправлении костей, перевязке, стягивании, указаниях по питанию, движениям, осуществлению физических упражнений и т.п. При таких действиях используются

знания и навыки медицинского работника, его физические возможности, действия (или бездействие) его рук, но не опасные для окружающих материальные объекты (вещи).

Л.Л. Кругликов и А.Ф. Соколов отмечают, что гражданское право не признает оружие источником повышенной опасности [24]. Это мнение основано на точке зрения авторов, на которых они ссылаются [25]. Те, в свою очередь, опираются на положение абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья»: «Источником повышенной опасности надлежит признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами» [26].

Однако данное постановление Пленума было издано до принятия части второй ГК РФ, существенно изменившего регламентацию понятия и круга источников повышенной опасности, и дает ограничительное толкование ГК, что, на наш взгляд, является недопустимым, поскольку оно ведет к ущемлению прав потерпевших. Дело в том, что признание предмета или деятельности источником повышенной опасности влечет особую (повышенную), по сравнению с обычной, имущественную ответственность его владельца [27]. Он возмещает причиненный таким источником имущественный, физический, моральный вред в полном объеме.

По мнению отдельных авторов, ответственность такого владельца наступает, в исключение из общего правила, без вины [28]. Он, как отмечалось выше, обязан возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Другие авторы говорят, что вина в деликте, связанном с источником повышенной

опасности, существует, поскольку его владелец обязан эксплуатировать этот источник таким образом, чтобы не причинить вред другим лицам. А неисполнение или ненадлежащее исполнение этой обязанности влечет гражданское правонарушение, элементом которой является субъективная составляющая – вина [29]. Мы присоединяемся к этой точке зрения, поскольку считаем, что ответственность без вины является характеристикой объективного вменения и на современном этапе развития российского права применяться не должна. В связи с этим целесообразным представляется исключение из ч. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ слов «законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда».

Отдельные представители криминалистической науки относят оружие к источникам повышенной опасности. Так, В.Д. Корма указывает, что под техногенными источниками повышенной опасности в криминалистике следует понимать материальные объекты, созданные или преобразованные человеческой деятельностью, которые изначально содержат в себе высокую степень вероятности причинения необратимых изменений организму человека, гибели людей и животных, а также значительного разрушения преград [30, с. 19]. К таким источникам он относит машины, механизмы, и аппараты производственного и бытового назначения; ядовитые, сильнодействующие, наркотические, психотропные, взрывчатые, радиоактивные и другие вещества; нефтепродукты и горюче-смазочные материалы; оружие; транспортные средства; физические явления (электрический ток, радиоактивные и иные излучения и др.) [30].

Разработчики УК РФ 1996 г. также имели особое представление об источниках повышенной опасности. В соответствии со ст. 168 этого акта наказывается уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Таким образом, к указанным источникам отнесен огонь, что также не

соответствует мнению специалистов в области гражданского права.

Мы считаем термин «источник повышенной опасности» удачным для применения в уголовном законе. Однако он должен быть универсальным, то есть распространяться на все случаи проявления повышенной опасности. В этой связи представляется возможным сформулировать основной признак источника повышенной опасности как «способность в силу особой конструкции (состава, состояния, содержания) в результате противоправного обращения либо невозможности полного контроля над ним причинить или создать реальную опасность причинения смерти людям или существенного вреда иным охраняемым законом объектам». Данное положение считаем целесообразным с точки зрения защиты прав лиц, пострадавших от действия источника повышенной опасности, и предлагаем включить в Гражданский кодекс Российской Федерации.

Однако в целях недопущения спорной ситуации и терминологических расхождений, рассогласования различных отраслей права мы будем базироваться именно на понятии «объекты повышенной опасности» [31].

Иногда в российских нормативных правовых актах используются понятия, близкие по смыслу к понятию «источник повышенной опасности». Так, названы опасные производственные объекты [32], объекты, обеспечивающие жизнедеятельность населения и функционирование транспорта, и объекты, представляющие повышенную опасность для жизни и здоровья людей, а также для окружающей природной среды [33], особо радиационно опасные и ядерно опасные производства [34], собственно «опасные объекты» [35], «опасные производственные объекты» и «особо опасные объекты» [36], «потенциально опасное вещество», «производства повышенной опасности», «особо опасное производство» и «источник техногенной чрезвычайной ситуации» [37].

Представители уголовно-правовой науки также разрабатывали свои понятия, относящиеся к материальным объектам повышенной опасности. Например, многие авторы исполь-

зуют термины «общеопасные источники» или «общеопасные предметы». Говоря в этом ключе о сущности предметов преступлений против общественной безопасности, В.П. Тихий отмечает, что их действие связано с повышенным общим риском для жизни и здоровья граждан, социалистического и личного имущества [38].

Мы не считаем удачным использование термина «общеопасный», поскольку любое преступление причиняет вред исчислимому кругу объектов. Невозможно представить себе деяние, причиняющее вред всем без исключения объектам уголовно-правовой охраны. Даже если оно заключается в ненадлежащем обращении с предметами колossalной разрушительной силы. Так, взрыв ядерной бомбы способен уничтожить множество людей, биологических объектов, имущество, причинить огромный ущерб окружающей природной среде. Но сложно предположить, что незаконное обращение с такой бомбой посягает еще и, например, на честь и достоинство личности, ее половую неприкосновенность, общественную нравственность, основы конституционного строя и т.д. одновременно. Если же взять менее разрушительные предметы, например, холодное оружие, пиротехнические изделия, то их возможности по причинению вреда значительному кругу объектов, как представляется, еще менее значительны, чем у ядерной бомбы. В связи с этим говорить о каком-то круге общеопасных предметов считаем некорректным.

Описанное выше разнообразие понимания форм (источников) происхождения опасности представляется нам нецелесообразным. Многозначность и конкуренция терминов вредит успешной правоприменительной деятельности и препятствует нормальному и своевременному осуществлению прав и свобод различных субъектов.

На наш взгляд, объектами, от которых исходит повышенная опасность (или объектами повышенной опасности) являются элементы объективного, возможного для изучения внешним наблюдателем, мира, которые в силу присущих им особых свойств способны с высокой степенью вероятности при неправильном

обращении с ними или неправильном их осуществлении причинить существенный вред физическому состоянию людей и других ценностей либо создать реальные условия для причинения такого вреда².

На основании этого определения понятия можно заключить, что материальные объекты повышенной опасности – это имеющие материальную форму (овеществленные) предметы, находящиеся в одном из агрегатных состояний (твердом, жидким или газообразном), которые в силу присущих им особых свойств способны с высокой степенью вероятности при неправильном обращении с ними причинить существенный вред физическому состоянию людей и других ценностей либо создать реальные условия для причинения такого вреда.

Нематериальные объекты повышенной опасности можно определить сходным образом как виды деятельности, которые в силу присущих им особых свойств способны с высокой степенью вероятности при неправильном их осуществлении причинить существенный вред физическому состоянию людей и других ценностей либо создать реальные условия для причинения такого вреда. Уголовная ответственность за незаконное обращение с нематериальными объектами повышенной опасности – вопрос чрезвычайно широкий, который заслуживает отдельного рассмотрения в самостоятельном комплексном исследовании.

Несмотря на то, что все объекты повышенной опасности могут быть материальными (овеществленными) и нематериальными (не имеющими вещественного эффекта), у всех у них, как представляется, есть общие признаки, которые нуждаются в четком формулировании. Без анализа таких признаков сложно решить вопросы о сущности указанных объектов и о криминализации соответствующих деяний по отношению к ним. Кроме того, решение вопроса об отнесении отдельных предметов к источникам повышенной опасности принципиально

важно для возложения юридической ответственности на их владельцев. Например, В.А. Шестак отмечает, что судебная практика не относит к иным веществам и предметам, создающим повышенную опасность для окружающих (в качестве части предмета преступления, предусмотренного ст. 349 УК РФ) вещества и смеси, способные к быстрому воспламенению в случае контакта с огнем (бензин, сжиженные горючие газы и др.) [39].

Следует отметить, что большинство авторов, с трудами которых мы ознакомились, основными признаками источников повышенной опасности называют вредоносность (или опасность для окружающих), а также неподконтрольность в определенных ситуациях (или неполную подконтрольность) человеку. С определенными оговорками эти признаки можно относить и ко всем объектам повышенной опасности.

В.П. Тихий охарактеризовал общеопасные предметы тремя общими признаками: 1) повышенной общей опасностью; 2) специальным назначением и 3) особым правовым режимом [40, с. 20].

Говоря о повышенной общей опасности таких предметов, он отметил, что их действие, обращение с ними связаны с повышенным риском для жизни и здоровья граждан, социалистического и личного имущества и других ценностей. В качестве их объективного свойства он назвал внутренне присущую им способность разрушения, уничтожения, повреждения, обладание повышенным разрушительным действием и повышенной разрушительной силой, поражающим эффектом.

Специальное назначение общеопасных предметов, по мнению В.П. Тихого, заключается в том, что они предназначены или могут быть предназначены либо использованы в качестве средств поражения живой цели или разрушения, уничтожения, повреждения окружающей среды; что они являются оружием или могут быть использованы в качестве оружия со всеми вытекающими отсюда последствиями; и что по последствиям своего применения они сопоставимы с оружием.

² Мысли и другие внутренние субъективные эксцессы мы как элементы объективного мира не рассматриваем, поскольку без каких-либо проявлений вовне они воздействия на происходящее вокруг субъекта не оказывают.

Называя особый правовой режим в качестве третьего, и последнего, признака общеопасных предметов, В.П. Тихий отмечает, что для предотвращения опасности интересам общества и правам граждан, для предупреждения преступлений с использованием этих предметов, избежания несчастных случаев, наконец, для использования этих предметов в общественно полезных целях, государство устанавливает целую систему норм, относящихся к гражданскому, трудовому, административному и уголовному праву – правил общественной безопасности, определяющих порядок обращения с общеопасными предметами, порядок их изготовления, приобретения, ремонта, хранения, ношения, пользования, учета, перевозки, пересылки и т.д. [40, с. 20–24].

На наш взгляд, не все материальные объекты повышенной опасности могут быть предназначены либо использованы в качестве средств поражения живой цели или разрушения, уничтожения, повреждения окружающей среды аналогично оружию. Конечно, почти любой предмет можно задействовать в качестве орудия преступления. Например, для нанесения ударов, иных повреждений и т.п. Однако в таком случае следует признавать такими объектами большинство материальных предметов, что вряд ли будет правильным. Например, металлический лом, камень, кусок стекла. Все-таки, на первый план должна выходить степень возможного причинения вреда и степень неизбежности такого причинения в определенных обстоятельствах. Наука уже выработала определенные подходы в этом отношении. Так, многие специалисты принимают величину 10^{-6} (1:1 000 000) как уровень риска, допустимого в промышленности, величины 3×10^{-4} (1:30 000), 4×10^{-6} (1:4 000 000), 9×10^{-9} (1:9 000 000 000) и т.д. как уровни риска, приемлемые на автомобильном, железнодорожном и воздушном транспорте [41].

Особый правовой режим также не считаем обязательным, существенным признаком объекта повышенной опасности. Даже если предмет будет находиться в гражданском обороте без каких-либо ограничений, он все равно не

перестает быть самим собой. А особые правила установлены в отношении обращения с огромным количеством предметов, например, с лекарственными средствами, легковоспламеняющимися веществами, недвижимым имуществом. Однако это не меняет их сущности. Наоборот, специальные правила обращения вытекают из определенных качеств вещи. В нашем случае таким качеством является способность причинять вред окружающим объектам. Следствием его является особая обогатоспособность материальных объектов повышенной опасности, его обязательная сертификация, лицензирование действий с ними.

На наш взгляд, те или иные элементы объективного мира для того, чтобы их можно было признать объектами повышенной опасности в правовом понимании, со всеми вытекающими из этого последствиями, такими, например, как установление юридической ответственности за ненадлежащее обращение с ними, должны обладать несколькими обязательными признаками. Мы предлагаем выделять три следующие признака: 1) объективная форма; 2) наличие свойства повышенной опасности причинения вреда внешним по отношению к ним материальным объектам; 3) нахождение под фактическим или юридическим господством какого-либо лица, несущего правовую (юридическую) ответственность за их безопасное существование и функционирование.

Объективная форма проявляется в виде определенных материальных предметов либо видов деятельности, которые находятся в реальном мире за рамками собственно сознания человека (иногда этот мир называют внешним), могут быть наблюдаемы и познаны разными людьми. Эти предметы и виды деятельности характеризуются специфическими свойствами, индивидуализирующими такие объекты. Например, конкретными физическими параметрами, формой, массой, поверхностью, структурой, способностью к определенным химическим превращениям.

Свойство повышенной опасности заключается в высокой вероятности причинения

существенного вреда физическому состоянию людей и других ценностей либо создания реальных условий для причинения такого вреда в результате неправильного обращения с ними или неправильного их осуществления. Свойства повышенной опасности исследуемых объектов проявляются в том, что такие объекты имеют особые параметры, которые делают их значительно более опасными по сравнению с обычными предметами. Указанными параметрами могут быть большая масса, ядовитость (токсичность), энергетическая мощность, способность к взрыву, испусканию опасных излучений, самопроизвольному выстрелу, легкому воспламенению, резкое увеличение разрушительного потенциала преступников, использующих рассматриваемые предметы в качестве орудия преступления и т.д.

Например, радиоактивные вещества, такие как уран, плутоний и некоторые другие, характеризуются тем, что издают ионизирующее излучение, которое «создается при радиоактивном распаде, ядерных превращениях, торможении заряженных частиц в веществе и образует при взаимодействии со средой ионы разных знаков» [42]. А это ионизирующее излучение способно при определенных количественных параметрах причинить существенный физический ущерб, вплоть до гибели, людям, животным или растениям либо даже изменить их индивидуальные генетические особенности и тем самым воздействовать на биологические признаки потомков того или иного живого объекта.

Высокая вероятность причинения существенного вреда связана с его неизбежностью при определенном, несанкционированном в установленном порядке воздействии такого предмета. Причем такой вред во многих случаях может быть причинен даже случайно, без непосредственного участия человека, при проявлении опасных свойств и качеств. Например, в результате самопроизвольного движения транспортного средства, взрыва бомбы в результате удара, испускания сильного ионизирующего излучения радиоактивными веществами и т.д.

В то же время возможны случаи, когда самопроизвольного действия быть не может, но предмет все равно будет представлять повышенную опасность. Например, охотничий нож или кастет сами по себе вреда причинить не могут, разве что человек на них упадет и в силу этого получит какое-либо ранение, даже опасное для жизни. Однако указанные предметы настолько существенно повышают общественно опасные возможности, криминальный потенциал преступников, что оставить их без внимания уголовного права было бы неправильным. «Обычный» или, как иногда говорят, «средний», «среднестатистический» человек, не обладающий специальными познаниями или навыками боевых единоборств, как правило, не в состоянии голыми руками причинить тяжкий вред здоровью либо даже смерть другому «обычному» человеку. Применение же названных разновидностей холодного оружия делает это сравнительно несложным. В силу указанных обстоятельств предметы повышенного разрушительного воздействия, которые легко могут быть использованы уже в силу их функционального предназначения для поражения цели, следует, на наш взгляд, признавать объектами повышенной опасности.

Такой признак как нахождение объекта под фактическим или юридическим господством какого-либо лица, несущего ответственность за его безопасное существование и функционирование, обусловлен необходимостью установления такого обстоятельства как подконтрольность такого объекта людям. Человек не может отвечать за действие предмета, который находится вне рамок его контроля. Например, за падение метеорита, извержение вулкана, наводнение и т.п. Основаниями фактического или юридического господства могут быть бремя собственности на тот или иной конкретный предмет, владение им в связи с гражданско-правовыми сделками, трудовыми отношениями, обязанность контролировать обращение с ними со стороны других лиц и т.д.

Наличие перечисленных признаков объекта повышенной опасности создает, на наш взгляд, необходимость криминализации некоторых

форм незаконного обращения с ним. Уголовное право как отрасль права, охраняющая самые важные социальные ценности от наиболее общественно опасных деяний, не может оставаться в стороне от регулирования ненадлежащего обращения с объектами повышенной опасности, оно устанавливает юридическую ответственность за такое поведение. Дело в том, что слишком велика «социальная цена» такого обращения: гибель, в том числе массовая, людей, животных или растений, вред здоровью, изменение генетического кода, заражение объектов окружающей природной среды, уничтожение или повреждение материальных благ и многое-многое другое.

Список литературы

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 441.
2. Шишкин С. Деликтные обязательства владельцев источников повышенной опасности перед третьими лицами // Российская юстиция. – 2001. – № 11. – С. 38.
3. Шишкин С. Источник повышенной опасности и его виды // Российская юстиция. – 2002. – № 12. – С. 20.
4. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. – М.: Госюриздан, 1952. – 213 с.
5. Советское гражданское право: учебник; под ред. Андропова З.Г. и Вердникова В.Г. – М.: Высш. школа, 1987. – С.396
6. Иоффе О.С. Обязательственное право. – Л.: ЛГУ, 1975. – 880 с.
7. Субботин А.А. Ответственность за вред, причиненный народнохозяйственным объектам природы источниками повышенной опасности // Советское государство и право. – 1983. – № 8. – С. 136.
8. Ярошенко К.Б. Специальные случаи ответственности за причинение вреда. – М., 1977. – 219 с.
9. Коняев Н.И. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – С. 3–5.
10. Солдатенко О.М. Гражданское-правовое регулирование ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – С. 8.
11. Тебряев А.А. Внедоговорная (деликтная) ответственность и меры защиты за причинение вреда источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2002. – С. 7-8.
12. Болдинов В.М. Ответственность за причинение вреда источником повышенной опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2000. – С. 7.
13. Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья / Л.А. Майданик, Н.Ю. Сергеева. – М., 1968. – С. 48.
14. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда / А.М. Белякова. – М., 1986. - С. 110.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
16. Бикеев И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Йошкар-Ола, 2000. – С. 94.
17. Власова А.Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С. 12.
18. Зенцова С.А. Источник повышенной опасности и его уголовно-правовое значение: автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – С. 19.
19. Зенцова С.А. Источник повышенной опасности и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2006. – С. 10.
20. Козьминых Е. Обязательства вследствие причинения вреда здоровью при оказании медицинских услуг // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – С.34.
21. Бикеев И.И., Султанова Л.М. Медицинская деятельность как источник повышенной опасности // Институциональные преобразования в обществе и повышение эффективности рыночной экономики: Сборник материалов итоговой научно-практической конференции научно-педагогических работников / Отв. ред. И.И. Бикеев. – Казань: Изд-во «Таглимат» ИЭУП, 2004. – С. 311–315.
22. Власова А.Д. Гражданско-правовое регулирование обязательств вследствие причинения имущественного вреда жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности: дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С. 12.
23. Бикеев И.И., Султанова Л.М. Проблемы ответственности за правонарушения в сфере медицины // Право и экономика: проблемы теории и практики / Под науч. ред. д.ю.н., проф. Фаткудина З.М., к.ю.н., доц. Ахметьяновой З.А. – Казань: Изд-во «Таглимат» ИЭУП, 2005. – С. 332–341.
24. Кругликов Л.Л., Соколов А.Ф. Оружие: вопросы ответственности за его незаконный оборот, неправомерное применение и использование. // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе: сб. научных статей; под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 1999. – С. 42.
25. Гражданское право: учебник. Ч.2; подред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 1997.

26. Российская газета – 1994. – 14 июля.
27. Тебряев А.А. Общее основание и условия возникновения мер ответственности и мер защиты вследствие причинения вреда источником повышенной опасности // Юрист. – 2002. – № 6. – С. 27.
28. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев: Изд-во Киевского государственного университета, 1955. – С. 117.
29. Тебряев А.А. Вина причинителя вреда в де- ликтных обязательствах // Юрист. – 2002. – № 3. – С. 27.
30. Корма В.Д. Основы криминалистического учения о техногенных источниках повышенной опасности; под общ. ред. проф. Е.П. Ищенко. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – С. 19.
31. Денисова А.В., Малков В.П. Уголовно-правовые рассогласования: отраслевой и межотраслевой аспекты. – Казань: Изд-во «Таглимат», 2006. – 144 с.
32. Ст. 9.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
33. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Российская газета. – 2001. – 2 июня. – № 105.
34. П. 15 ст. 220 Части второй Налогового кодекса Российской Федерации от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
35. П. 18 ч. 1 ст. 32 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – 12 января. – № 6.
36. Положение об управлении государственного строительного надзора РД-01-09-2006, утвержденное приказом Ростехнадзора от 28.07.2006 № 733// Документ официально опубликован не был.
37. Порядок разработки декларации безопасности промышленного объекта Российской Федерации, утвержденный приказом МЧС РФ № 222, Госгортехнадзора РФ № 59 от 04.04.1996 // Документ официально опубликован не был.
38. Тихий В.П. Проблемы уголовно-правовой охраны общественной безопасности (понятие и система преступлений, совершенствование законодательства): дис. .... докт. юрид. наук. – Харьков, 1987. – С. 12–13.
39. Шестак В.А. Нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, радиоактивными материалами, взрывчатыми и иными веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих (уголовно-правовой аспект): дис. .... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 30–31.
40. Тихий В.П. Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности обращения с общеподобными предметами. – Киев: УМК ВО, 1989. – С. 20.
41. Хенли Э.Дж., Кунацото Х. Надежность технических систем и оценка риска. – М., 1984. – С. 20. Приводится по источнику: Гринберг М.С. Технические преступления. – Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. – С. 8.
42. ст. 1 Федерального закона от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 141.

В редакцию материал поступил 22.03.07.

УДК 343.13

В.М. БЫКОВ,
доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УПК РФ

В статье рассматриваются правовые основания и условия производства следственных действий. Игнорирование их приводит к тому, что все доказательства, полученные в результате производства следственных действий, могут быть признаны недопустимыми.

Правовые основания производства следственных действий – это наличие обязывающих или разрешающих норм УПК РФ о производстве конкретных следственных действий по уголовному делу с соблюдением указанных в уголовно-процессуальном законе процессуального порядка и условий их проведения. Эти нормы могут определять законность и обоснованность проводимого расследования по уголовному делу вообще, или системы следственных действий в целом, или конкретных следственных действий.

Проведение следственных действий только при наличии соответствующих правовых и фактических оснований обеспечивает получение допустимых доказательств по уголовному делу. Правовые основания производства следственных действий определяют не только форму, но в еще большей степени и содержание следственных действий.

Правовые основания производства следственных действий в процессуальной литературе понимаются и называются различно. Так, например, Г.М. Миньковский писал: «Под правовыми основаниями разумеется наличие у органа расследования и суда правомочий на производство соответствующего действия в отношении данного лица и в данный момент, а равно осуществление установленного порядка принятия решения о производстве данного следственного действия» [1].

С.А. Шейфер же называет правовые основания производства следственных действий формальными основаниями [2], а В.А. Семенцов называет эти правовые основания юридическими [3].

УПК РФ 2001 года внес ряд новелл в основания производства следственных действий: если по старому УПК РСФСР 1960 года ряд следственных действий производился с санкции прокурора, то теперь в соответствии с нормами УПК РФ следственные действия, существенно затрагивающие права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, можно производить только с согласия прокурора и решения суда.

Это обстоятельство требует нового осмысливания правовых оснований производства следственных действий, критического анализа новелл УПК РФ, регламентирующих процессуальный порядок принятия решения о производстве следственных действий.

Очень важный аспект проблемы заключается в том, что следует разобраться, как повышенная защита прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого сказывается на решении задач защиты потерпевшего, обеспечения своевременности и эффективности следственных действий, собирании, исследовании и проверке доказательств и раскрытии преступлений. С этих позиций мы и намерены исследовать проблему правовых оснований и ус-

ловий производства следственных действий по УПК РФ.

Прежде чем вести речь о правовых основаниях производства следственных действий, следует рассмотреть правовые основания расследования по уголовному делу. Действующий УПК РФ устанавливает, что следователь вправе проводить расследование по уголовному делу и, следовательно, производить по нему следственные действия, если следователь предварительно, в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 146 УПК РФ, возбудит уголовное дело, вынесет постановление о возбуждении уголовного дела, получив для этого согласие прокурора.

УПК РФ допускает в порядке исключения, а не как общее правило, в соответствии с ч. 4 ст. 146 УПК РФ производство следующих следственных действий – осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение судебной экспертизы. В последнем случае, на наш взгляд, законодатель имеет в виду назначение и производство судебной экспертизы, так как нельзя эти два действия разрывать, поскольку само по себе только назначение судебной экспертизы к получению доказательства не приводит, а заключение эксперта появляется именно в результате производства экспертизы. Следует обратить внимание на то, что норма ч. 4 ст. 146 УПК РФ о праве следователя производить осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела продублирована в ч. 2 ст. 176 УПК РФ, но этого законодатель не сделал в отношении освидетельствования и назначения судебной экспертизы. В науке уголовного процесса по этому поводу сразу же возникла дискуссия.

Одни авторы утверждают, что указанные в ч. 4 ст. 146 УПК РФ следственные действия могут быть произведены лишь в рамках процессуальной деятельности второго этапа досудебного производства – стадии предварительного расследования [4].

Другие авторы, а их большинство, считают, что осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение экспертизы по УПК РФ теперь возможно производить в стадии возбуждения уголовного дела [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14].

Трети авторы справедливо замечают, что норма ч. 4 ст. 146 УПК РФ о производстве следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела законодателем сформулирована довольно противоречиво, что она регламентирует в основном взаимоотношения следователя и дознавателя с прокурором и в меньшей степени содержательную сторону процессуальной деятельности стадии возбуждения уголовного дела [15, 16].

На наш взгляд, имеются все основания считать, что в рассматриваемой норме законодатель разрешил производить осмотр места происшествия, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы именно в стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме возбуждения уголовного дела как одного из важных оснований производства следственных действий, в уголовно-процессуальном законе указаны и другие основания для производства расследования, и, следовательно, для производства следственных действий. Эти основания следующие:

1) проведение следователем расследования с соблюдением норм статьи 151 УПК РФ о подследственности;

2) проведение расследования в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ в порядке отдельного поручения другим следователем;

3) проведение расследования только после принятия следователем уголовного дела к своему производству (ч. 1 ст. 156 УПК РФ);

4) проведение расследования по уголовному делу в пределах сроков предварительного следствия, установленных ст. 162 УПК РФ (при этом следует иметь в виду, что производство расследования не допускается после приостановления предварительного следствия в соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ);

5) участие следователя в расследовании по уголовному делу на основании включения его в состав следственной группы, что предусмотрено ст. 163 УПК РФ.

Принимать участие в расследовании по уголовному делу и производить неотложные следственные действия в соответствии со ст. 157 УПК РФ имеют право также и органы дознания.

После производства неотложных следственных действий и направления уголовного дела прокурору органы дознания имеют право производить по нему следственные действия только по поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

И.Е. Быховский отмечал, что дополнительным условием проведения следственных действий следователем является привлечение его к расследованию письменным распоряжением прокурора или начальника следственного отдела к разовому выполнению отдельного следственного действия по уголовному делу, не находящемуся в его производстве [17].

Ст. 37 УПК РФ о полномочиях прокурора в уголовном судопроизводстве прямо не указывает на такое его право. Однако следует исходить из того, что, если прокурор, в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, имеет право поручать дознавателю, следователю и нижестоящему прокурору расследование по уголовному делу в целом, то, тем более, он имеет право давать указания следователю о производстве отдельных следственных действий.

Кроме того, И.Е. Быховский указывал на еще одно основание участия следователя в производстве следственных действий – оказание содействия другому следователю в проведение конкретного следственного действия [18]. На наш взгляд, это основание является частным случаем рассмотренных нами выше оснований участия следователя в расследовании, осуществляемого следственной группой.

Принимать участие в расследовании по уголовному делу и лично производить отдельные следственные действия имеет право и прокурор (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Начальник следственного отдела также имеет право принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). Кроме того, должностным лицом, имеющим право проводить дознание и самостоятельно производить следственные действия, является также дознаватель (п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

Таковы правовые основания расследования

по уголовному делу в целом. Понятно, что если отсутствуют достаточные основания для расследования по уголовному делу вообще, то очевидно, что отсутствуют какие-либо основания для производства следственных действий в частности.

Правовым основанием производства следственных действий, относящихся ко всей их системе, как правильно указывает С.А. Шейфер, является закрепление соответствующего следственного действия в УПК РФ [18].

Это одно из главных оснований производства следственных действий, ибо если уголовно-процессуальный закон не указывает на какое-то действие следователя как следственное, то нельзя вообще говорить о законности и обоснованности его проведения и тем более о получении допустимых доказательств по уголовному делу.

Относительно того, какие действия следователя относятся к числу следственных по действующему УПК РФ, не совсем ясно. В науке уголовного процесса по этому вопросу уже давно идет дискуссия о том, какие действия следователя следует относить к числу следственных действий, а какие – нет.

Мы не имеем возможности в краткой статье подробно рассмотреть этот спорный вопрос. Однако полагаем, что следует исходить из того, что имеются все правовые основания относить к следственным следующие 16 действий следователя: осмотр, эксгумация трупа, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись телефонных и иных переговоров, допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте, назначение и производство судебной экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования, задержание подозреваемого, наложение ареста на имущество [19].

Все указанные нами следственные действия с точки зрения правовых оснований и процессуального порядка принятия решений об их производстве, как правильно отмечает О.В. Меремьянина, могут быть классифицированы следующим образом:

1) следственные действия, установленный порядок проведения которых не требует вынесения следователем специального постановления;

2) следственные действия, порядок проведения которых требует вынесения следователем соответствующего постановления;

3) следственные действия, для производства которых необходимо не только постановление следователя, но и получение согласия прокурора и решения суда;

4) следственные действия, проводимые в исключительных случаях на основании постановления следователя, но без получения судебного решения с последующим уведомлением судьи и прокурора о произведенном следственном действии [20].

В соответствии с действующим УПК РФ, следователь не должен выносить соответствующее постановление о производстве таких следственных действий, как: осмотр, следственный эксперимент, допрос, очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте.

Для производства ряда других следственных действий УПК РФ требует предварительного вынесения следователем постановления.

Это основание относится к таким следственным действиям, как эксгумация (ч. 3 ст. 178 УПК РФ), освидетельствование (ст. 179 УПК РФ), обыск (ст. 182 УПК РФ), выемка (ст. 183 УПК РФ), получение образцов для сравнительного исследования (ч. 3 ст. 202 УПК РФ), назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 195 УПК РФ).

В отличие от указанных следственных действий при производстве задержания статья, 92 УПК РФ требует составления не постановления, а протокола задержания. Вынесение следователем постановления о производстве следственного действия имеет большое значение для его законности и обоснованности, поскольку в нем формулируются фактические основания, указываются цели его производства, место проведения, участники следственного действия, порядок проведения и другие обстоятельства.

Для производства ряда других следственных действий необходимо согласие прокурора и решение суда.

Так, ч. 2 ст. 29 УПК РФ устанавливает, что: производство осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; производство обыска и выемки в жилище; производство личного обыска, за исключением случаев, предусмотренных статьей 93 УПК РФ; производство выемки предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; наложение ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях; контроль и запись телефонных и иных переговоров – могут быть произведены только после получения согласия прокурора и решения суда.

Кроме того, ч. 3 ст. 178 УПК РФ также устанавливает, что в случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, то разрешение на ее проведение выдается судом.

Установление судебного контроля за производством ряда следственных действий, который носит предварительный, упреждающий характер, – это весьма реальная гарантия защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые могут быть нарушены проведением следственных действий без достаточных к тому правовых оснований.

Однако установление судебного контроля за производством следственных действий имеет не только положительные, но и отрицательные стороны.

Прежде всего, само получение решения суда для следователя связано с определенными сложными процедурами. Это приводит к тому, что следователи, по сообщению Д.О. Сереброва, исследовавшего проблему судебного контроля за законностью и обоснованностью производства следственных действий, стали избегать производства ряда следственных действий, что

приводит к слабой доказательственной базе по уголовным делам, приводящей к отсутствию перспективы направления дела в суд и низкой раскрываемости преступлений [21].

На сложность получения решения суда о производстве следственных действий уже обращалось внимание в процессуальной литературе [22, 23].

В связи с этим представляется необходимым упростить процессуальный порядок получения решения суда о производстве следственных действий и, в первую очередь, отказаться от «системы двойной санкции», когда свое согласие на производство следственных действий дает вначале прокурор, а затем уже суд.

На наш взгляд, вполне достаточным был бы такой порядок: получив решение суда о производстве следственного действия, следователь уведомляет об этом надзирающего прокурора путем направления ему копии своего постановления и решения суда.

Создатели нового УПК РФ 2001 года, озабочившись защитой участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, защитой прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого, естественно, ориентировались в ряде новых норм УПК РФ на нормы Конституции РФ. В целом эта позиция, конечно, правильная. Однако авторы в своем усердии явно перестарались. По УПК РФ оказалось, что теперь требуется следователю получать решения суда о производстве таких следственных действий, о которых нормы Конституции РФ умалчивают или предоставляют право решить порядок производства отдельных следственных действий в федеральном законе.

Так, например, ст. 25 Конституции РФ установила, что «никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или по решению суда». Казалось бы, что создатели УПК РФ имели полное право установить процессуальный порядок производства осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц: или по постановлению следователя, или с согласия прокурора.

Но нет, законодатели избирают наиболее сложный порядок принятия решения по этому следственному действию – только по решению суда! Такие же решения могли бы быть приняты авторами УПК РФ и относительно порядка принятия решений о производстве обыска и выемки в жилище – по постановлению следователя или с согласия прокурора.

Также в Конституции РФ не содержится норм о том, чтобы наложение ареста на имущество производилось исключительно по решению суда. Да, в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ устанавливается, что «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Но наложение ареста на имущество нельзя толковать как лишение собственника его права на имущество. Вопрос о судьбе арестованного имущества все равно при разрешении уголовного дела по существу будет принимать суд. Так зачем же создавать для следователя дополнительные сложности в своевременном наложении ареста на имущество обвиняемого?

Или вот еще пример весьма спорного решения законодателей. О порядке производства эксгумации трупа, естественно, Конституция РФ ничего не говорит. Однако авторы УПК РФ записали в ч. 3 ст. 178 УПК РФ, что «в случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее проведение выдается судом». И при решении этого вопроса создатели УПК РФ вполне могли указать, что это следственное действие производится с согласия прокурора! На наш взгляд, это было бы достаточной гарантией его законности и обоснованности.

Основной недостаток рассматриваемых нами новелл УПК РФ заключается в том, что создаются искусственные правовые преграды для своевременного производства следователем рассматриваемых следственных действий, а это снижает эффективность предварительного расследования в целом и является порой одной из причин того, что некоторые преступления остаются нераскрытыми. Никто не собирается отрицать важности и необходимости судебного контроля за предварительным следствием, но этот контроль вполне может быть эффективным

и достаточным, если он будет последующим, проводящимся по жалобам заинтересованных участников уголовного судопроизводства.

Интересно узнать, а как же осуществляется судебный контроль за производством следственных действий в настоящее время в судебной практике?

В этом отношении большой интерес представляет статья В.В. Кальницкого. Автор на основании изучения 200 материалов о даче разрешения на производство следственных действий в жилище и личного обыска, а также по проверке законности произведенных действий пришел к выводу, что суды далеко не всегда глубоко вникают в исследование оснований производства следственного действия и порой некритично воспринимают позицию следователя и прокурора.

Далее автор анализирует причины такого положения и приходит к интересному выводу – он полагает, что, принимая решение о производстве следственного действия, судья действует как административное лицо, так как отсутствует процедура рассмотрения вопроса. В.В. Кальницкий, на наш взгляд, вполне обосновано предлагает в тех пределах, в которых позволяет Конституцией РФ, восстановить санкционирование прокурором следственных действий [24].

Как известно, ч. 5 ст. 165 УПК РФ в исключительных случаях, когда производство осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, а также личного обыска не терпит отлагательства, разрешает производить указанные следственные действия на основании постановления следователя без получения судебного решения. Проведя следственные действия, следователь затем в течение 24 часов уведомляет судью и прокурора о проведенном следственном действии. Далее судья проверяет законность проведенного следственного действия и выносит постановление относительно его законности или незаконности. Если судья признает, что следственное действие проведено незаконно, то все полученные доказательства признаются недопустимыми.

Рассматриваемая нами норма УПК РФ

представляется недостаточно ясной – о каких таких исключительных случаях говорит законодатель, которые не терпит отлагательства и разрешают следователю производить следственные действия без решения суда?

На это обстоятельство справедливо обращает внимание А.Б. Соловьев, который указывает, что невозможно составить и указать в законе перечень этих исключительных случаев. Он предлагает определить критерии, которыми мог бы руководствоваться следователь, принимая решение о производстве следственных действий в рассматриваемых исключительных случаях.

По мнению А.Б. Соловьева, этими критериями могли бы быть следующие обстоятельства:

- ситуация должна возникнуть неожиданно и вытекать из динамики расследования;

- ситуация быть обусловлена дефицитом времени для принятия решения, когда нет возможности без ущерба для результативности следственных действий обращаться в суд либо к прокурору;

- непроведение либо несвоевременное проведение следственных действий может повлечь тяжкие последствия: продолжение преступной деятельности, утрату или сокрытие важных доказательств и т.д.;

- следственные действия должны проводиться при наличии оснований, предусмотренных УПК, и при неукоснительном соблюдении процессуальной процедуры следственного действия;

- с особой тщательностью необходимо проверять наличие оснований к проведению следственных действий у лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми [25].

В целом с предложенными А.Б. Соловьевым критериями проведения следственных действий в исключительных случаях, когда их производство не терпит отлагательства и когда они могут быть произведены на основании постановления следователя без получения судебного решения, следует согласиться.

Что касается последнего критерия, то, на наш взгляд, с особой тщательностью необходимо

димо проверять наличие оснований проведения следственных действий относительно всех участников уголовного процесса, а не только у лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, и по этим основаниям последнее предложение трудно признать критерием.

И все же на первое место в ряду критерии, обоснованно указанных А.Б. Соловьевым, в качестве наиболее важного следует поставить наличие правовых и фактических оснований производства следственных действий, а затем в его перечне должны следовать другие критерии. Представляется, что критерии производства следственных действий в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, должны быть сформулированы и указаны в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, что позволит избежать различий в оценках их законности и обоснованности следователем, а затем судом.

Законность и обоснованность следственных действий обуславливается не только наличием оснований для их производства, но и выполнением ряда условий. Под условиями производства следственных действий следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом требования, обязательные для исполнения перед началом их производства.

Эти условия указаны в статьях УПК РФ, непосредственно регламентирующих производство ряда следственных действий. Анализ соответствующих статей УПК РФ о производстве следственных действий показал, что только при производстве осмотра и наложении ареста на почтово-телеграфные отправления законодатель не выдвигает каких-либо предварительных условия для их проведения. В отношении же других следственных действий в УПК РФ устанавливаются те или иные условия, которые следователь обязан выполнить перед их производством.

Так, при производстве эксгумации трупа в ч. 3 ст. 178 УПК РФ сформулировано условие об обязательном уведомлении о предстоящей эксгумации близких родственников и родственников покойного. Перед производством освидетельствования следователь, в соответствии с ч. 1 ст. 179 УПК РФ, предварительно

должен решить, не требуется ли вместо проведения освидетельствования назначение и производство судебной экспертизы. Относительно порядка производства следственного эксперимента ст. 181 УПК РФ выдвигает такое условие его производства как отсутствие опасности для здоровья участвующих в нем лиц.

Прежде чем приступить к производству обыска, следователь, в соответствии с ч. 5 ст. 182 УПК РФ, должен предложить обыскиваемому добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. И если они будут выданы добровольно и нет оснований опасаться их скрытия, то следователь вправе обыск не производить.

Условием же производства выемки является, как это указано в ч. 1 ст. 183 УПК РФ, точное знание следователем, где и у кого находятся определенные предметы и документы, подлежащие выемке. Условием производства такого следственного действия, как контроль и запись телефонных и иных переговоров, является указанное в ч. 1 ст. 186 УПК РФ требование, что указанные выше действия допускаются при производстве по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

В отношении допроса УПК РФ выдвигает условия не для начала производства этого следственного действия, а для его продолжения. Так, в ч. 2 и 3 ст. 187 УПК РФ указывается, что после допроса, который не может длиться более 4 часов, его продолжение допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи.

Одной из новелл УПК РФ является запрещение повторного допроса обвиняемого по тому же обвинению, если он отказался от дачи показаний на первом допросе. Ч. 4 ст. 173 УПК РФ в этом случае условием повторного допроса считает просьбу самого обвиняемого. Следует заметить, что ряд авторов эту норму УПК РФ подвергают справедливой критике, указывая на ее необоснованность [26, 22, 27].

Для производства очной ставки ч. 1 ст. 192 УПК РФ выдвигает следующее условие – очная ставка может быть проведена, «если в пока-

заниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия». Это означает, что участники очной ставки должны быть предварительно допрошены. На предварительный допрос опознавающего как на условие производства другого следственного действия – предъявления для опознания – также указывает ч. 1 ст. 193 УПК РФ: «Опознавающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать». Еще одно следственное действие может быть проведено, если ранее даны показания подозреваемым или обвиняемым, потерпевшим или свидетелем: такое условие выдвигается в ч. 1 ст. 194 УПК РФ для производства проверки показаний на месте.

При назначении и производстве судебной экспертизы, если она проводится в отношении потерпевшего или свидетеля, ч. 4 ст. 195 УПК РФ как условие ее проведения требует согласия вышеизначенных лиц или их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

В другом следственном действии, тесно связанном с назначением и производством судебной экспертизы, – получении образцов для сравнительного исследования – ч. 2 ст. 202 УПК РФ устанавливает еще одно условие его производства: «При получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство».

При проведении задержания подозреваемого, которое мы также относим к числу следственных действий, в ч. 1 ст. 91 УПК РФ сформулировано следующее условие его проведения: лицо может быть задержано по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

И в последнем из рассматриваемых нами следственных действий – наложении ареста на имущество – в ч. 1 ст. 115 УПК РФ сформулировано одно условие его производства: арест на

имущество при его возможной конфискации может быть наложен только на то имущество, которое получено в результате преступных действий или нажито преступным путем.

Таким образом, строгое выполнение следователем всех оснований и условий производства следственных действий, указанных в уголовно-процессуальном законе, позволит получить допустимые доказательства по уголовному делу. Проведенный нами анализ оснований и условий производства следственных действий показывает, что у законодателя имеются значительные возможности для дальнейшего совершенствования правовых оснований и условий производства следственных действий.

Список литературы

1. Миньковский Г.М. Следственные действия // Теория доказательств в советском уголовном процессе; отв. ред. Н.В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1973. – С. 387.
2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М., 2001. – С. 116–117.
3. Семенцов В.А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). – Екатеринбург, 2006. – С. 150.
4. Рыжаков А.П. Процессуальное решение о возбуждении уголовного дела публичного обвинения // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 115, 118–119.
5. Багаутдинов Ф. Возбуждение уголовного дела по УПК РФ // Законность. – 2002. – № 7. – С. 28.
6. Зуев С.В. Доказательства подозрения или информационное обоснование? // Следователь. – 2002. – № 11. – С. 24.
7. Яшин В.Н., Победкин А. В. Возбуждение уголовного дела: учеб. пособие для вузов. – М., 2002. – С. 123.
8. Исаенко В. Проблема выполнения следственных действий до возбуждения уголовного дела (закон и реальность) // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 85.
9. Масленков С.Л. К вопросу о производстве неотложных следственных действий // Следователь. – 2003. – № 3. – С. 15.
10. Торбин Ю.Г. Освидетельствование в свете нового УПК РФ // Государство и право. – 2003. – № 8. – С. 55.
11. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Изд-во «Экзамен», 2003. – С. 133.
12. Сереброва С.П. Возбуждение уголовного дела // Уголовный процесс России: учебник; под ред. В.Т. Томина. – М.: Юрайт-Издат, 2003. – С. 288.
13. Коротков А. Новый порядок возбуждения уголовного дела // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 99.

14. Корнелюк О.В. Теория и практика применения некоторых положений УПК РФ // Следователь. – 2004. – № 6. – С. 13.
15. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холodenко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. – С. 36.
16. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Проблемные аспекты стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ // Российский судья. – 2003. - № 5. – С. 23.
17. Быховский И.Е. Процессуальные и тактические вопросы системы следственных действий: автореф. дис.... докт. юрид. наук. – М., 1976. – С. 10.
18. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: «Юрлитинформ», 2001. – С. 105.
19. Быков В.М., Жмуррова Е.С. Следственные действия по Уголовно-процессуальному кодексу РФ // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 125–135.
20. Меремьянина О. В. Основания производства следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2004. – С. 12–13.
21. Серебров Д.О. Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: автореф. дис....канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. – С. 5.
22. Быков В.М. Уголовно-процессуальный кодекс РФ и проблемы раскрытия преступлений (полемические заметки) // Право и политика. – 2002. – № 9. – С. 66–72.
23. Адигамова Г.З. Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – С. 21.
24. Кальницкий В. «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 73–75.
25. Соловьев А. Обеспечение обоснованности проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 103–104.
26. Баев М.О., Баев О.Я. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии: возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие.– Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. – С.29–30.
27. Исаенко В. Следственные действия и полномочия прокурора по надзору за ними // Законность. – 2003. – № 2. – С. 22.

В редакцию материал поступил 24.01.07.

УДК 343.41

П.А. КАБАНОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский филиал
Института экономики, управления и права (г. Казань)

ЖЕРТВЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И ВИДЫ

В статье рассматривается базовое понятие нового междисциплинарного направления – криминальной политической виктимологии (ядром которой являются жертвы политических преступлений и злоупотреблений властью). С использованием современной виктимологической и криминологической литературы раскрывается сущность жертв политических преступлений. Впервые в отечественной юридической науке на основе действующего российского виктимологического законодательства и иных правовых источников автором производится криминологическая классификация жертв политических преступлений на относительно самостоятельные виды.

В современной отечественной криминологии и других юридических науках существует множество концепций, рассматривающих в качестве основного объекта исследования жертв преступлений, которые достаточно подробно описаны и объяснены в научной и учебной литературе. Каждая виктимологическая концепция, в зависимости от отрасли знания и субъективных пристрастий исследователей, по-своему раскрывает содержание, объем и значение базового термина – «жертва преступления».

В широком смысле криминологический термин «жертва преступления», как правило, относится к любому человеку, социальной группе или объекту, которому причинен вред преступной деятельностью других лиц. Однако данное рабочее определение не идеально и до сих пор является дискуссионным в научной среде. Одни специалисты полагают, что жертвой преступления могут быть только физические лица [1, с. 35; 2, с. 4; 3, с. 7; 4, с. 5; 5, с. 7; 6, с. 110; 7, с. 10]. Другие – относят к жертвам преступления не только физических, но и юридических лиц [8, с. 82–90; 9, 10; 10, 143; 11, с. 14; 12, с. 8; 13, с. 24]. Третий, дополнительно к физическим и юридическим лицам, – считают жертвами преступлений и преступности социальные группы, институты, общности [14,

с. 182]. Четвертые – значительно шире подходят к содержанию и объему термина «жертва»: дополнительно к названным выше категориям, таковыми они считают общество, государство и международный порядок [15, с. 350–351].

Не вступая в дискуссию по данному сложному теоретическому вопросу, вызванную различными факторами, мы лишь обозначим свою позицию по содержанию данного термина, которая заключается в том, что понятию «жертва преступления», в том числе и «жертва политического преступления», мы придаём самый широкий смысл. На наш взгляд, этим термином должны охватываться не только физические и юридические лица, но и социальные группы (общности), государство и общество, их институты и международное сообщество, которым наносится вред различного рода. Такой (широкий) подход, по мнению авторитетного отечественного специалиста, профессора В.Е. Квасиса, позволяет детализировать объекты научного исследования [16, 19] для их последующего описания и объяснения. Широта объема термина «жертва политического преступления» во многом связана с методологией их познания, в том числе с типологией и классификацией жертв различных групп политических преступлений.

В предложенных выше определениях группировка жертв преступлений проведена по такому общепринятым в юридических науках критерию как правовой статус. По избранному нами критерию все жертвы политических преступлений могут быть условно разделены на несколько самостоятельных категорий (групп): физические лица; юридические лица; социальные группы (общности); государственные или общественные институты; государство и общество; международное сообщество.

О том, что жертвой политического преступления может стать физическое лицо, ни у кого из специалистов не вызывает сомнений, разногласий и дискуссий. Действительно, непосредственной жертвой различного рода политических преступлений и некриминализированных общественно опасных процессов является, как правило, физическое лицо (человек). Только ему может причиняться физический вред от многообразных политических преступлений (актов терроризма, развязывания и ведения агрессивной войны, осуществления вооруженных мятежей), моральный и материальный вред от фальсификации результатов общегражданских, региональных или муниципальных выборов и референдумов (электоральной преступности), злоупотреблений властью и политических репрессий (государственного террора или тоталитарной преступности).

Современная отечественная криминальная политическая виктимология как межотраслевая частная виктимологическая теория, выставляя или «назначая» главной жертвой политических преступлений человека и формируя ее антропологическую составляющую, не должна забывать и о том, что вред от их совершения может быть причинен не только ему, но и юридическим лицам (корпоративная составляющая). Например, в результате совершения террористического акта или диверсии материальный вред может быть причинен не только человеку, но и хозяйствующему субъекту, государственному учреждению или общественной организации. Кроме того, может быть подорвана деловая репутация юридического лица, связанная с профессиональной пригодностью (возмож-

ностью надлежащим образом исполнять свои профессиональные или функциональные обязанности), то есть может быть причинен так называемый «репутационный» вред [17, 26]. Подтверждением тому может служить захват представителями незаконных вооруженных формирований осенью 2005 года в Нальчике помещений, в которых размещались подразделения органов внутренних дел, приведший не только к причинению зданиям милиции существенного имущественного ущерба, но и как следствие подорвавший доверие к правоохранителям со стороны значительной части населения этого города и региона.

Очевидно, что непосредственной жертвой политических преступлений и злоупотреблений политической властью могут стать не только отдельные физические и/или юридические лица, но и крупные социальные группы, объединенные по различным причинам объективного и субъективного характера. Жертвами таких видов политических преступлений, как геноцид или злоупотребление властью, могут стать не только отдельные, относительно небольшие социальные группы, но и целые народы. Об этом свидетельствуют ещё не забывшиеся в мировом сообществе недавние события прошлого XX века. Например, жертвами нацистских преследований в фашистской Германии и за её пределами (на захваченных немцами территориях) стали этнические евреи: геноцид против них именуется Холокостом, а жертв этого геноцида, как правило, даже в официальных документах правового характера называют жертвами Холокоста [18].

В Советском Союзе жертвами политических репрессий были различные социальные группы граждан этого государства, преследовавшиеся органами политической юстиции по идеологическим основаниям. В зависимости от пристрастий «выбирали» жертву по таким критериям, как: по прошлому или действующему социальному статусу (бывшие военнопленные [19], представители казачества [20]), по этнической принадлежности (российские немцы [21], якуты [22], финны [23], корейцы [24], представители других народов [25]); по партий-

ной принадлежности (эсеры, меньшевики и др.), по отношению к религии (священнослужители и верующие) [26] либо получившие специальную «метку» (клеймо) – «враг народа» [27, 14–16], «кулак», «подкулачник» и др.

Современные реалии свидетельствуют о наличии большого количества вооруженных межнациональных и межгосударственных конфликтов на различных континентах. К примеру, жертвами югославского вооруженного этнического конфликта на Балканах в 1992–1995 годах стали около 100 000 человек различных национальностей и вероисповеданий, погибших в этой войне [28]. Но это еще не все потери. До сих пор невозможно подсчитать, сколько человек получили ранения, контузии, лишились имущества и прав на него в результате этой войны, сколько юридических лиц лишились своего имущества в результате его умышленного и неосторожного уничтожения или повреждения. Невосполнимые потери понесли религиозные христианские учреждения на территории Косово.

О вредоносности межгосударственных вооруженных конфликтов и войн свидетельствует официальная статистика, криминологические [29, 231] и социологические исследования [30]. Например, жертвами агрессивной войны становятся и признаются не только различные категории военнослужащих, погибших при защите национального государства и его интересов [31], но и мирное население, попавшее под обстрелы или бомбежки либо по различным причинам оказавшееся на оккупированной территории.

Жертвами злоупотреблений политической властью, вооруженного мятежа, насилиственного захвата или удержания государственной власти, помимо физических и юридических лиц, могут стать государственные и общественные институты, существовавшие в национальном государстве и обществе, которые противоправно ликвидируются или их деятельность временно приостанавливается, а они заменяются новыми с аналогичными функциями.

Так, большевики, противоправно захватив власть в свои руки, уничтожив царскую семью, возможно, навсегда покончили с институтом

престолонаследия в России. Они же, отменив действовавшие ранее нормы российского права, заменили их пролетарским сознанием и партийно-правительственными директивами, а эффективную судебную систему – системой чрезвычайных судов – трибуналов, в более позднее время – «особыми совещаниями», «тройками», «двойками» и иными органами, осуществляющими судебные функции, но не правосудие. В результате таких институциональных изменений опосредованными жертвами коммунистического тоталитарного режима стало почти всё население Советского Союза, лишенное права на беспристрастный и справедливый суд по защите своих прав, свобод и законных интересов.

Безусловно, национальные государства и общество можно признавать жертвами политических преступлений. Так, жертвами агрессивной Второй мировой войны являются не только государства, пострадавшие от агрессивных действий фашистской Германии, но и образовавшиеся после её послевоенного раздела новые немецкие государства ФРГ и ГДР, а также само немецкое общество, которое было искусственно разделено на восточных и западных немцев. Это искусственное разделение Германии длительное время препятствовало реализации социально-экономических, культурных и иных прав и свобод граждан этих сопредельных государств. Кроме того, до настоящего времени уже объединенное немецкое государство через уполномоченных на то лиц вынуждено выплачивать материальные компенсационные выплаты жертвам фашистского политического режима, проживающим на территории бывшего Советского Союза, в том числе и в Российской Федерации [32].

Нам представляется, что жертвами агрессивной войны следует признавать государства, принимающие военные и иные меры по защите своих национальных территорий от оккупации. Они и после войны ещё длительное время несут материальные затраты на поддержание воинских захоронений и увековечение памяти погибших защитников Отечества [33].

Считаем, что жертвы политических преступлений, в первую очередь международных,

может стать международное сообщество и его институты. Развязывание и ведение агрессивной войны между бывшими союзниками может прекратить существование международной организации или союзного государства и многих других международных правительственные и неправительственные организаций. Это обстоятельство, несомненно, причинит значительный ущерб международному сотрудничеству государств и народов, значительно ограничит права и свободы жителей, населяющих эти государства.

В связи с изложенным можно предположить, что термин «жертва политического преступления» – охватывает широкий круг субъектов, которым в результате совершенного политического преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред, либо подрывается их деловая и/или политическая репутация. К жертвам политического преступления следует отнести и тех лиц, в отношении которых совершаются действия, существенно нарушающие или ограничивающие их социально-экономические, культурные и иные права и свободы.

Предложенная нами дефиниция – «жертва политического преступления» является рабочим, инструментальным определением. Это определение не претендует на истинность и окончательность. Выработка определения «жертва политического преступления» является важным, но не единственным объектом исследования криминальной политической виктимологии, который нуждается в дополнительном обосновании и познании с учетом закономерностей формирования этого межотраслевого направления криминологических знаний.

Выработанная нами классификация жертв политических преступлений на виды по правовым основаниям не является единственной, существует и много других.

Надеемся, что выработанные нами дефиниция «жертва политического преступления» и основания классификации жертв политических преступлений на виды в дальнейшем помогут исследователям более точно определить грани-

цы и содержание этого виктимологического явления и научной категории.

Список литературы

1. Ривман Д.В. Криминальная виктимология.– СПб.: Питер, 2002.
2. Ким Е.П. Виктимология: проблемы теории и практики: учебно-метод. пособие. – Хабаровск, 2004.
3. Мойсюк О.М. Виктимологическая профилактика нарушений безопасности дорожного движения Украины (ст.215 УК Украины): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1999.
4. Ильин И.В. Виктимология: как не стать жертвой // Автостоп. – 1999. – №5 (108). – С. 5.
5. Черных Е.В. Виктимологическая характеристика и предупреждение тяжкой насилиственной преступности: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Восточно-Сибирский юрид. ин-т МВД РФ, 2006.
6. Будякова Т. Потерпевший: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и виктимологический анализ понятия // Уголовное право. – 2006. – №4. – С. 109–113.
7. Таюрских Е.А. Виктимологическая характеристика и профилактика дорожно-транспортных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук – Иркутск, 2006.
8. Франк Л.Ф. Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. – Душанбе, 1977.
9. Полубинский В.И. Практические аспекты криминальной виктимологии. – М.: Знание, 1982.
10. Устинов В.С. Криминология: учеб. пособие. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2001.
11. Ильин И.В. Виктимологическая профилактика экономического мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2000.
12. Зыков Д.А. Виктимологические аспекты предупреждения компьютерного мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2002.
13. Лалетова М.В. Анализ понятий криминологии и виктимологии методом инверсии: лекция. – Кстово, 2004.
14. Viano E. Stereotyping and prejudice: crime victims and the criminal Justice system / E. Viano //Scandinavian studies on crime and crime prevention. – 1996. – VoI.5. – №2. – P.180-202.
15. Шнайдер Г.Й. Криминология; пер. с нем. О.В. Ильина. – М.: Прогресс, 1994.
16. Квашис В.Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений – М.: NOTA BENE, 1999.
17. Дьяченко Е.М. Деловая репутация юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006.
18. Об отнесении денежных средств, выплачиваемых Российской Федерацией жертвам Холокоста, к материальной помощи: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 мая 1999 года №522 //

Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – №21. – Ст.2623.

19. О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репрессированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период: Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 1995 года №63 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – №5. – Ст. 394.

20. О реабилитации казачества: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июня 1992 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – №30. – Ст.1805.

21. О неотложных мерах по реабилитации российских немцев: Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 1992 года №231 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1992. – №11. – Ст.548.

22. О восстановлении справедливости в отношении репрессированных в 20-30-е годы представителей якутского народа: Указ Президента Российской Федерации от 26 апреля 1994 года №834 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №1. – Ст.3.

23. О реабилитации российских финнов: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 29 июня 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №29. – Ст.1119.

24. О реабилитации российских корейцев: Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 1 апреля 1993 года // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №15. – Ст.529.

25. О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 января 1992 года №40 // Библиотека «Российской газеты». – 1995. – №1. – С.103.

26. О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий: Указ Президента Российской Федерации от 14 марта 1996 года №378 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №12. – Ст. 1063.

27. Померанец Г. Враг народа // Век XX и мир. – 1991. – №6. – С.14-16.

28. Белоусов В. Босния не забыла о соседях // Российская газета. – 2006. – 28 февр.

29. Зелинская Н.А. Политические преступления в системе международной преступности – Одесса: Фенікс, 2003.

30. Серебряков В.В. Социология войны – М.: Новый мир, 1997.

31. Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: Закон РФ от 14 января 1993 года №4292-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1993. – №7. – Ст.245.

32. Положение об условиях выплаты компенсаций лицам, подвергшимся нацистским преследованиям // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – №15. – Ст.1796.

33. Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: Указ Президента РФ от 22 января 2006 года №37 // Новые законы и нормативные акты. Библиотечка «Российской газеты». – 2006. – №6. – С.82.

В редакцию материал поступил 12.12.06.

УДК 343.9

С.Г. ОЛЬКОВ,
доктор юридических наук, профессор

Научно-исследовательский институт Аналитического моделирования в
юриспруденции Тюменского государственного нефтегазового университета –
Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЧАСТОТ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье представлены юридико-математические модели частот рационального преступного поведения взяточников в зависимости от изменения строгости уголовного закона и вероятности изобличения.

В отдельных публикациях по уголовному праву и криминологии, публичных выступлениях некоторых правоведов¹ иногда отмечается, что усиление уголовной ответственности за те или иные уголовно-наказуемые деяния принципиально не влияет на поведение преступников. Мол, вор-карманник в средние века воровал в толпе, в то время как его собрата за аналогичные деяния вешали прилюдно на виселице. Взяточник в петровские времена, когда усиливалось уголовное наказание за подобное поведение, дескать, только повышал цену и продолжал брать с той же или еще большей интенсивностью. Отсюда напрашивается очевидный вывод, что усиление уголовной ответственности никак не способствует сдерживанию определенного нежелательного поведения. Подобные утверждения не лишены смысла, но ошибочны, поскольку не согласуются с экономической теорией, отвечающей реальному положению дел. Ее суть заключается в том, что многие виды преступного поведения являются рациональными по своей природе, а, следовательно, чувствительными к такому фактору, как внешняя угроза. Относительно рациональный преступник, таким образом, чем-

то схож с рациональным потребителем или производителем, действующим в условиях рынка. Под усилением уголовной ответственности в данном исследовании мы подразумеваем произведение величины наказания на вероятность поимки, изобличения и осуждения преступника:

$$\Xi = \Theta \cdot P,$$

где Ξ – ожидаемое наказание, Θ – строгость наказания, например, в годах лишения свободы или в сумме штрафа (руб.), P – вероятность поимки, изобличения и осуждения преступника.

Поясним формулу примером. Так, максимальное уголовное наказание за кражу без квалифицирующих обстоятельств по ч. 1 ст. 158 УК РФ составляет лишение свободы на срок 2 года. Статистическую вероятность поимки и осуждения вора по ч. 1 ст. 158 УК РФ можно рассчитать, например, по простой формуле m/N , где m – число осужденных по данной статье (ч. 1 ст. 158 УК РФ) лиц, за вычетом осужденных за одно и то же преступление (соучастники), N – число совершенных преступлений данного вида. Нужно признать, что кражи обычно совершаются в условиях неочевидности (тайное похищение чужого имущества) и раскрываются, как правило, по схеме «от преступления к преступнику»², что обеспечивает низкую ве-

¹ Наша задача заключается не в том, чтобы критиковать конкретных носителей определенных представлений, а в том, чтобы попытаться выяснить существование вопроса.

² Гораздо реже по схеме «от преступника к преступлению».

роятность поимки преступника. Осуждение же за кражу будет связано с полноценной реализацией норм уголовно-процессуального закона, что еще в большей мере снизит вероятность осуждения преступника, то есть вероятность поимки преступника всегда выше, чем вероятность осуждения, и мы взяли в качестве основной вероятность осуждения, поскольку она ниже, чем вероятность поимки. Так, карманных воров (судят по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ) до сих пор ловят с поличным потому, что в противном случае не могут доказать их виновность в совершении данного преступления. Простая поимка такого вора, когда он «сбросил» кошелек, обычно бесполезна, и он уходит от ответственности. Кроме того, число зарегистрированных краж значительно ниже числа совершенных, поскольку кражи – это одно из самых латентных преступлений, хотя, естественно, коэффициент латентности этих преступлений, впрочем, как и любых других, есть переменная величина, меняющаяся под воздействием различных пространственно-временных и детерминирующих обстоятельств. Примем, что на данной территории в данное время вероятность осуждения вора по ч. 1 ст. 158 УК РФ составляет 0,01, то есть из ста воров ловят и осуждают на срок до 2 лет лишения свободы только одного. Тогда $\Xi = 2 \times 0,01 = 0,02$ года лишения свободы. Для потенциального вора это означает, что воровать можно, если доход будет превышать вероятные убытки – ожидаемое наказание, оцененное в рублях. Для расчета суммы ожидаемого наказания в рублях обычно используют понятие альтернативной стоимости, то есть рассчитывают сумму доходов, которые мог бы получить осужденный, находясь на свободе. Для нашего примера речь идет о возможных заработках потенциального вора на свободе в течение недели ($360 \times 0,02 = 7,2$ суток). Если в течение недели на свободе потенциальный вор заработал бы 1000 рублей, то сумма кражи, превышающая 1000 рублей, будет оправдывать надежды потенциального вора. То есть ему экономически целесообразно совершать кражу, если сумма похищаемого имущества превышает одну тысячу рублей. Многие

люди не совершают краж потому, что считают данный тип поведения неприемлемым для себя по этическим соображениям. И при прочих равных обстоятельствах этот фактор нужно вводить в модель, но таких замечательных людей мы во внимание пока не принимаем.

Вышеприведенные рассуждения и ограничения позволяют нам перейти к *построению простых математических моделей влияния ожидаемого наказания на частоты совершаемых преступных действий* (выделено авт.). Возьмем такое преступление, как получение взятки (ст. 290 УК РФ), и предположим, что величина ожидаемого наказания за данное преступление возрастает либо за счет Θ – строгости наказания, либо за счет P – вероятности поимки, изобличения и осуждения преступника (либо за счет того и другого одновременно). Спрашивается, как будут «вести себя» частоты получения взяток взяточниками? Не изменятся ли? А если да, то уменьшатся или возрастут? Взяточников и посредников пока оставим в стороне, чтобы обеспечить относительную чистоту модели.

Предположим, что «взятка» – «нормальная услуга» в экономическом смысле этого слова. Для простоты примем линейные функции спроса и предложения на услуги взяточников: $q_D = a_D - b_D p$, где q_D – функция спроса на услуги взяточников; a_D – количество запрашиваемых услуг при нулевой цене; b_D – параметр, показывающий скорость изменения функции при изменении независимой переменной на единицу измерения. Другими словами, он показывает, на сколько единиц в абсолютном выражении уменьшается или возрастает спрос (в штуках) при увеличении или уменьшении цены (p , руб.). Функция предложения услуг взяточников для нашего примера: $q_s = a_s + b_s p$, где q_s – функция предложения услуг взяточников; a_s – количество предлагаемых услуг при нулевой цене, то есть число услуг такого рода оказываемых бесплатно; b_s – параметр (первая производная, показывающая, на сколько в абсолютном выражении изменится количество оказываемых

услуг (в штуках) при изменении цены на единицу измерения (1 руб.).

Равновесная (справедливая) цена услуги взяткополучателя – $p_{\text{равн.}}$ достигается в точке пересечения кривых спроса и предложения на данный вид услуг: $p_{\text{равн.}} = q_s = q_D$ и определяется координатами $(p_{\text{равн.}}, q_{\text{равн.}})$. Равновесие в случае линейных кривых спроса и предложения находится простым решением уравнения:

$$p_{\text{равн.}} = q_s = q_D = a_D - b_D p = a_s + b_s p = \frac{a_D - a_s}{b_s + b_D}.$$

Отсюда равновесное количество спроса

$$\text{равно: } q_D = a_D - b_D p = a_D - b_D \left(\frac{a_D - a_s}{b_s + b_D} \right) = \frac{a_D b_s + b_D a_s}{b_s + b_D}.$$

Очевидно, что с ростом величины ожидаемого наказания, закладываемого в цену услуги, предоставляемой взяткополучателем, события должны разворачиваться следующим образом:

1) предложение услуг взяткополучателями должно уменьшиться соразмерно величине ожидаемого наказания на величину

$$\Delta q_1 = q_{\text{равн.}} - q_1,$$

где q_1 – количество услуг взяткополучателей, представляемых с учетом повышения ожидаемого наказания.

При этом на прежней кривой предложения точка опустится вниз до координат (p_1, q_1) , так как $\Delta p_1 = p_{\text{равн.}} - p_1$, а на прежней кривой спроса точка от равновесного состояния переместится вверх до

точки с координатами $(p_1, q_2) \Delta q_2 = q_{\text{равн.}} + q_2$.

2) Ясно, что $q_2 >> q_1$ – спрос значительно превышает предложение. Уже это обстоятельство должно изменить положение кривой предложения, то есть привести к сдвигам и вращению функции предложения – изменению параметров этой функций. Очевидно, что новая равновесная цена на услуги взяткополучателей должна сместиться вправо от точки цены прежнего равновесия $\Delta p_2 = p_{\text{равн.}} + p_2$, что на начальных, исходных функциях отразится точками $(p_2; q_3)$ на кривой спроса и $(p_2; q_4)$ на кривой предложения.

3) По всей видимости, новое равновесие должно сместиться вниз относительно прежнего:

$$(p_{\text{равн.}0}; q_{\text{равн.}0}) > (p_{\text{равн.}1}; q_{\text{равн.}1}).$$

Следовательно, кривая предложения от исходного должна опуститься вниз (параллельный перенос) ближе к оси абсцисс (уменьшается свободный член a_s , то есть $a_{s1} > a_s$), а также должен уменьшиться и угол наклона функции предложения: $b_{s1} > b_s$, и точка равновесия опускается еще ниже. Следовательно,

$$\Delta p_3 = p_{\text{равн.}} + p_2 + p_3, \quad \Delta q_3 = q_{\text{равн.}} - q_3.$$

Покажем это на графике (рис. 1).

Из графика видно, что точки пересечения кривых спроса и предложения опускаются вниз – сначала за счет параллельного переноса кривой предложения (уменьшился свободный член в функции предложения), а потом – за счет уменьшения угла наклона этой функции (вращение к оси абсцисс), то есть при повышении величины ожидаемого наказания изменяется

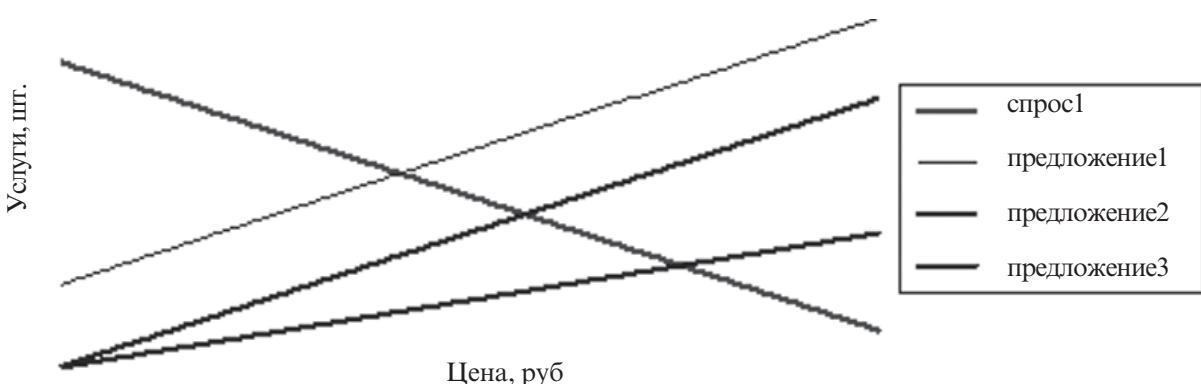

Рис 1. Изменение спроса и предложения при повышении ожидаемой величины наказания

функция предложения услуг взяткополучателей и точка равновесия смещается вниз и вправо, что влечет также уменьшение спроса на услуги взяткополучателей со стороны потенциальных взяткодателей при сохранении функции спроса на данный вид услуг без изменения. Если же величина ожидаемого наказания возрастет и для взяткодателей, то произойдет изменение положения функции спроса, что приведет к соответствующему смещению точки равновесия вверх или вниз, влево или вправо в зависимости от того, как изменится величина ожидаемого наказания, влияющая на цену услуги «взятка».

Таким образом, утверждение о том, что усиление уголовного наказания или повышение вероятности поимки преступника не влияют на частоты взяточничества, является, конечно, ошибочным, хотя содержит в себе элемент истины, указывающий на то, что взяточничество все-таки остается. Но оно бы исчезло даже в

условиях ненаучной морали общества, если бы вероятность осуждения взяткополучателя и взяткодателя была равной единице. В таком случае взятка, равно как и любое другое рациональное (!) преступление³, потеряло бы свою привлекательность. Однако в условиях ненаучной морали общества появился бы очередной заместитель социально-негативного свойства, восполняющий утрату прежнего. Так, если бы чиновники перестали брать взятки в современных условиях организации общественной и хозяйственной жизни, то непременно замедлились бы процессы хозяйственной активности, повысилась конкуренция между хозяйствующими субъектами, усилилось давление на государство (чиновников) со стороны общества, повышающее для них угрозы и делающее взяточничество все более ценным, менее наказуемым и уловимым.

В редакцию материал поступил 05.02.07.

---

³ Для объяснения частот иррациональных преступлений данная модель непригодна.

УДК 343.23.614.8

Р.Р. ФАЗЫЛОВ,
кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Статья посвящена анализу отдельных признаков объективной стороны состава нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики: действия, его последствий, причинной связи между ними, места совершения преступления. Обосновываются предложения по изменению действующей нормативно-правовой базы, дается авторское толкование некоторых положений уголовного закона.

Общепризнано, что каждый состав конкретного преступления представляет собой единство объективных и субъективных признаков, сформулированных в соответствующей статье (части статьи) Особенной части УК РФ. Особое значение в составе преступления играет такой ее элемент, как объективная сторона, поскольку наиболее часто именно по ней отграничиваются различные преступления, устанавливаются другие элементы состава, прежде всего, объект и субъективная сторона.

В уголовно-правовой литературе определения понятия объективной стороны преступления терминологически нередко отличаются друг от друга. Так, И. Реннеберг определял объективную сторону преступления как «...совокупность тех объективных обстоятельств преступных действий, которые влияют на их общественную опасность и морально-политическую предосудительность и поэтому указываются в качестве объективных признаков преступления в составе преступления, предусмотрленном уголовно-правовой нормой» [1, с. 18]. В.Н. Курдяев писал, что «объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с

преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата» [2, с. 60]. Г.В. Тимейко утверждал, что «объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного деяния, протекающий в определенных условиях места, времени и обстановки» [3, с. 6]. В.Б. Малинин и А.Ф. Парфенов объективную сторону преступления характеризуют как внешний вид преступного действия (действие или бездействие), совершенное определенным способом в конкретных условиях места, времени и обстановки, иногда с применением орудий или других средств, повлекшее в материальных составах вредные последствия [4, с. 13]. По мнению С.И. Никулина, объективная сторона преступления – это внешнее выражение процесса преступного посягательства [5, с. 70], в соответствии с научной позицией И.Г. Соломоненко – это внешняя сторона поведения человека, совершившего преступление [6, с. 45]. В трактовке Ф.С. Бражника внешнюю (объективную) сторону преступления образуют «физические процессы, то есть совершение в конкретном месте и времени определенным способом деяния в виде телодвижения или иного воздействия на окружающий мир, причиняющего вред охраняемым законом интересам» [7, с. 110]. По мнению И.М. Тяжковой, «объективная сторона преступления – это

внешний акт общественно опасного посягательства на охраняемый уголовным правом объект» [8, с. 219]. В целом приведенные суждения правильно очерчивают объективную сторону преступления.

Однако, на наш взгляд, наиболее удачное определение анализируемого понятиядается в работе Л.Д. Гаухмана как «совокупности внешних, объективных, социально значимых, выражающих общественную опасность и ее степень, существенных, типичных для данного вида преступления признаков, предусмотренных уголовным законом и – при бланкетности диспозиции статьи Особенной части УК РФ – в других законах и (или) иных нормативных правовых актах, характеризующие преступление как оконченное и совершенное исполнителем (исполнителями)» [9, с. 90].

В интересующем нас аспекте исследования объективная сторона преступления представляет собой внешнюю сторону человеческого поведения, которая выражается в объективной реальности и наиболее очевидна для стороннего наблюдателя.

В содержание объективной стороны обычно включают само деяние (действие или бездействие), преступные последствия, причинную связь между деянием и наступившими последствиями, а также факультативные признаки (место, время, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления) [10, с. 23–24]. Деяние в форме действия или бездействия является обязательным признаком объективной стороны состава преступления; оно присутствует в любом составе преступления [11, с. 96].

Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики посягает на отдельную группу общественных отношений, которые являются частью отношений общественной безопасности и регламентируют порядок производства отдельных видов работ и последующую эксплуатацию указанных объектов с учетом определенных правил безопасности. Ч. 1 ст. 215 УК РФ устанавливает ответственность за нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объ-

ектов атомной энергетики, если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды.

Диспозиция ч. 1 ст. 215 УК является бланкетной, поэтому для установления объективной стороны рассматриваемого преступления необходимо ознакомиться с соответствующими правилами безопасности на объектах атомной энергетики, нарушение которых может образовать состав анализируемого преступления. Эти правила содержатся в большом количестве нормативных актов, принятых в разное время и различными органами [12, 13]. При анализе, сопоставлении таких актов могут возникнуть коллизии, те или иные вопросы. Поэтому предлагаем объединить их в одном документе, регулирующем широкий спектр вопросов, с примерным названием «Правила размещения, проектирования, строительства и эксплуатации объектов атомной энергетики».

Точное и неукоснительное соблюдение таких специальных правил предосторожности является необходимым условием предотвращения наступления общественно опасных последствий. При расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел данной категории необходимо устанавливать, какое именно правило безопасности на объектах атомной энергетики было нарушено и в чем это нарушение выражалось.

В. Даль указывает, что нарушение – это существительное от глагола «нарушить» – «преступать, не соблюдать, поступать в противность чего; расстраивать, разорять, прерывать» [14, с. 464]. По С.И. Ожегову правило – это «постановление, предписание, устанавливающее порядок чего-нибудь» [15, с. 574]. Понятие «безопасность» имеет несколько значений. Иногда ее определяют как «отсутствие опасности, сохранность, надежность» [16, с. 67], как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [17, с. 41]. В ст. 1 Закона РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» понятие безопасности определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» [18, 19].

В связи с этим считаем, что под нарушением правил безопасности на объектах атомной энергетики следует понимать несоблюдение на таких объектах установленных нормативными актами предписаний, обеспечивающих безопасность охраняемых законодательством ценностей. Выражаться нарушение правил может в их неисполнении или ненадлежащем исполнении либо в совершении запрещенных ими действий. Причем такие правила касаются определенных, указанных в соответствующих актах форм поведения (размещения, проектирования и т.д.) на указанных объектах. Следует отметить, что существующие правила регламентируют весь технологический процесс деятельности объектов атомной энергетики: их размещение, проектирование, строительство, эксплуатацию и т.д. Таким образом, можно заключить, что рассматриваемое общественно опасное деяние может быть совершено и в форме действия, и в форме бездействия.

При использовании атомной энергии, ядерных материалов и радиоактивных веществ возможно возникновение аварий и иных происшествий, которые воздействуют на окружающую среду чрезвычайно вредным для нее излучением, в результате действия которого возникает особая угроза жизни и здоровью людей, объектам животного или растительного мира. Даже создание опасности несанкционированного действия такого излучения уже чрезвычайно вредоносно, поскольку она может развиться в реальные катастрофические процессы и происшествия. В связи с этим законодатель сформулировал обязательное последствие рассматриваемого деяния в следующем виде: «...если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды». Благодаря этому указанию можно заключить, что состав исследуемого преступления – материальный. Предусмотренные частями второй и третьей исследуемой статьи УК РФ составы также материальные, поскольку в качестве обязательных признаков включают наступившие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью, смерть человека, радиоактивное заражение окружающей среды, смерть двух или более лиц.

Между нарушением правил безопасности и наступлением указанных выше последствий обязательно должна быть необходимая причинная связь. Считаем, что перечисленные последствия должны вызываться именно неправильным обращением с самими объектами ядерной энергетики, что чревато ядерным взрывом или заражением, а не какими-то предметами, находящимися на территории таких объектов. Например, если при строительстве атомной электростанции в результате неправильного закрепления с крана рухнула балка и задавила насмерть работника, то налицо состав преступления, предусмотренный ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ», а не состав нарушения правил безопасности на объектах атомной энергетики. Не могут квалифицироваться по статье 215 УК РФ такие нарушения правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики, которые создали угрозу для жизни и здоровья людей по причинам, не связанным с взрывным или радиационным поражением, например, при использовании транспорта, приборов с высоким электрическим напряжением и т.д.

В этой связи очень важно уяснить, суть понятия «объекты атомной энергетики». Согласно определению, данному в новом политехническом словаре, под ядерной энергией (атомной энергией) понимается «внутренняя энергия атомного ядра, связанная с движением и взаимодействием образующих ядро нуклонов...», «отрасль энергетики, использующая ядерную энергию для электрификации и теплофикации»; «основа ядерной энергетики – атомные электростанции» [20, с. 653]. Под энергетикой понимается топливно-энергетический комплекс страны, который охватывает энергетические ресурсы, получение, преобразование, передачу и использование различных видов энергии [20, с. 648].

Правовую основу и принципы регулирования отношений, возникающих при использовании атомной энергии, определяет Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. №170-

ФЗ «Об использовании атомной энергии». Данный акт дает перечень объектов применения закона: ядерные установки (сооружения и комплексы с ядерными реакторами, в том числе атомные станции, суда и другие плавсредства, космические и летательные аппараты, другие транспортные и транспортабельные средства; сооружения и комплексы с промышленными, экспериментальными и исследовательскими ядерными реакторами, критическими и подкритическими ядерными стендами; сооружения, комплексы, полигоны, установки и устройства с ядерными зарядами для использования в мирных целях; другие, содержащие ядерные материалы, сооружения, комплексы, установки для производства, использования, переработки, транспортирования ядерного топлива и ядерных материалов), радиационные источники (не относящиеся к ядерным установкам комплексы, установки, аппараты, оборудование и изделия, в которых содержатся радиоактивные вещества или генерируется ионизирующее излучение), пункты хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранилища радиоактивных отходов (не относящиеся к ядерным установкам и радиационным источникам стационарные объекты и сооружения, предназначенные для хранения ядерных материалов и радиоактивных веществ, хранения или захоронения радиоактивных отходов), тепловыделяющая сборка ядерного реактора, облученные тепловыделяющие сборки ядерного реактора, ядерные материалы, радиоактивные вещества (не относящиеся к ядерным материалам вещества, испускающие ионизирующую излучение), радиоактивные отходы (ядерные материалы и радиоактивные вещества, дальнейшее использование которых не предусматривается).

Возникает естественный вопрос: следует ли эти объекты считать собственно объектами атомной энергетики? или такими объектами целесообразно признавать только предприятия атомной энергетики? Так, ст. 1 Федерального закона от 3 апреля 1996 г. № 29-ФЗ «О финансировании особо радиационно опасных и ядерно опасных производств и объектов» устанавливает, что «особо радиационно опас-

ными и ядерно опасными производствами и объектами (далее – особо опасные объекты) являются организации независимо от форм собственности, а также воинские части, занимающиеся разработкой, производством, эксплуатацией, хранением, транспортированием, утилизацией ядерного оружия, компонентов ядерного оружия, радиационно опасных материалов и изделий» [21]. Распоряжением Правительства РФ от 9 декабря 2005 г. № 2186-р утвержден Перечень организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты, содержащий 97 наименований юридических лиц [22]. В этот перечень входят, например, ОАО «Новосибирский завод химконцентратов», ФГУП «Производственное объединение «Маяк».

Судя по названию ст. 215 УК РФ – «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», законодатель понимает объекты атомной энергетики во втором смысле, а именно как энергетические комплексы или предприятия. Однако в любом случае перечисление объектов атомной энергетики в нормативном акте целесообразно, поскольку позволит избежать сложностей и ошибок при правоприменении. В связи с этим предлагаем устраниить имеющиеся в законодательстве расхождения терминологии и во всех нормативных актах добиться единобразия на базе термина «объекты атомной энергетики».

Постановлением Правительства РФ от 3 июля 2006 г. № 412 «О федеральных органах исполнительной власти, осуществляющих государственное управление использованием атомной энергии и государственное регулирование безопасности при использовании атомной энергии» органами, которые осуществляют государственное управление использованием атомной энергии в отношении подведомственных организаций, а также организаций, которые находятся под координацией и контролем таких органов, являются Федеральное агентство по атомной энергии, Министерство обороны Российской Федерации, Федеральное агентство по промышленности, Федеральное агентство морского и речного

транспорта, Федеральное агентство по образованию, Федеральное агентство по науке и инновациям, Федеральное агентство по энергетике, Федеральное агентство по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (в части, касающейся обращения с радиоактивными отходами низкой и средней активности и источниками ионизирующего излучения, не относящимися к ядерному, энергетическому и военному комплексам страны), Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию и Федеральное агентство по недропользованию [23].

Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим государственное регулирование ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии, в настоящее время является Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору. Она в числе других осуществляет функции по принятию нормативных правовых актов, контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды в части, касающейся ограничения негативного техногенного воздействия, безопасности при использовании атомной энергии (за исключением деятельности по разработке, изготовлению, испытанию, эксплуатации и утилизации ядерного оружия и ядерных энергетических установок военного назначения) [24].

Указанные органы имеют право осуществлять нормативное регулирование деятельности объектов атомной энергетики. Именно их инструкции и иные документы могут содержать правила безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики.

Список литературы

1. Реннеберг И. Объективная сторона преступления. – М.: Госюризdat, 1957.
2. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960.
3. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-н/Д, 1977.
4. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. – СПб, 2004.
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 70.
6. Уголовное право России. Практический курс: учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»; под общ. ред. Р.А.Адельханяна; под науч. ред. А.В.Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клювер, 2004.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Практикум; под ред. А.С. Михлина. – М.: Юристъ, 2004.
8. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении: учебник для вузов; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецовой и канд. юрид. наук, доц. И.М.Тяжковой. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
9. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика. – М., 2001.
10. Уголовное право России. Общая часть: опорные конспекты. – Омск: Омский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С. 23–24.
11. Уголовное право Российской Федерации; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М., 2002. – С.96.
12. Общие положения обеспечения безопасности объектов ядерного топливного цикла (ОПБ ОЯТЦ) (утв. Постановлением Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 2 декабря 2005 г. № 11) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 12. – 20 марта.
13. Правила принятия решений о размещении и сооружении ядерных установок, радиационных источников и пунктов хранения (утв. Постановлением Правительства РФ от 14 марта 1997 г. № 306) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 12. – Ст. 1442.
14. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: «Русский язык», 1989. – Т. 2.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: «Русский язык», 1990.
16. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. Т. 1. – М.: Изд-во иностранных и научных словарей, 1955. – С. 67.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 41.
18. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 76.
19. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 77.
20. Новый политехнический словарь; под. ред. А.Ю. Ишлинского. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – С. 653.
21. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 15. – Ст. 1552.

22. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 52 (часть III). – Ст. 5776.

23. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 28. – Ст. 3079.

24. «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору»: Постановление

Правительства РФ от 30 июля 2004 г. № 401 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 32. – Ст. 3348.

В редакцию материал поступил 22.03.07.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС; КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.13

А.Ю. ЕПИХИН,
доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В работе исследуется проблема различных теоретических подходов к процессу обеспечения безопасных условий участия любой (всякой) личности при производстве по уголовному делу. Пределы и содержания теории безопасности изменились и изменяются в соответствии с изменением социально-политических условий существования государства и общества.

Наука и рост знания – это то, что «всегда начинается с проблем и всегда кончается проблемами – проблемами возрастающей глубины – и характеризуется растущей способностью к выдвижению новых проблем» [1]. Этот вывод, сделанный известным научоведом Карлом Поппером, содержит в себе важнейшую методологическую установку, которой, по нашему мнению, обязан руководствоваться всякий исследователь. Именно умение увидеть проблему, ее масштаб и значимость является основным критерием, определяющим научный уровень исследования и исследователя.

Все критерии (их как минимум три) имеют непосредственное отношение к категории «проблема». В жизни они представляют собой, об разно говоря, три головы, принадлежащие одному тулowiщу, которым и является крупная научная проблема. Вне связи с некоторой научной проблемой (желаемым результатом) данные положения возникнуть не могут. Полученные результаты (новое объяснение реальности) и создают названные предпосылки, углубляя теоретическое знание. В этом и заключается связь названного критерия с проблемой.

Однако суть не только в этом. Здесь, на наш взгляд, вполне различимы и другие следы присутствия проблемности. «Новое крупное научное достижение» может быть истолковано и по-другому: исследователь смог выявить (абстрагировать) более масштабную проблему, достигнуть новых глубин осознания проблемности¹ [1, с. 371].

В этом же может заключаться и ключ к пониманию квалификационной формулы – «решение крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное или хозяйственное значение». Оговорки о важности проблемы означают, что констатация ее решения может быть обусловлена удовлетворением (как правило, времененным) значимого хозяйственного или социально-культурного спроса либо укреплением экономики и обороноспособности страны.

Но все же главная мысль здесь, на наш взгляд, кроется в том, что *о решении крупной научной проблемы можно говорить и в том*

¹ Наука есть прогресс от одной проблемы к другой – от менее глубокой к более глубокой проблеме.

случае, когда происходит ее укрупнение. Подчеркнем, что «укрупнить» в данном случае не означает усугубить: «укрупнить» в данном случае подразумевает решить проблему методом поглощения. Исследователь как бы достраивает проблему, показывает, что это лишь частное проявление системы более высокого порядка; все прежние проблемы не более чем следствия найденной им причины. Очевидно, что подобное укрупнение проблемного знания не может происходить произвольно. Оно предполагает обширное и долговременное (как необходимое условие созревания) исследование, обобщение подходов к постановке и решению более узких проблем.

История исследования проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства – это также путь укрупнения проблемы. Генезис научных исследований указанной тематики демонстрирует, что первоначально исследователи обращались к проблемам защиты отдельных категорий лиц в уголовном судопроизводстве и лишь некоторых значимых для этих лиц ценностей. Долгое время сегменты проблемы уголовно-процессуальной безопасности личности исследовались на уровне отдельных научных статей и кандидатских диссертаций. В результате большое количество исследований и исследователей привело к открытию новых неизвестных проблем, свидетельствующих о широте исходной («материнской») проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Осознание новых контуров проблемы безопасности закономерно повлекло за собой понимание острой теоретической недостаточности. «Сложившуюся ситуацию, – пишет О.А. Зайцев (автор первой докторской диссертации, защищенной в рамках исследуемого нами научного направления), – крайне усложнила слабая теоретическая разработанность ранее неизвестных проблем, связанных с массовым противоправным воздействием на участников судопроизводства. Существующее научное знание в области уголовно-процессуального права и смежных с ним наук оказывается недос-

таточным для решения новых задач познания, ответы на которые явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений» [13].

Сказанное является лишь одним из многих доктринальных подтверждений обострения потребности в синтезе и углублении полученных знаний о природной сущности безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства. О.А. Зайцев определил глубину рассматриваемой проблемы термином «государственная защита участников уголовного процесса». В качестве решения им была предложена теоретическая концепция государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности, объектом которой являются деятельность правоохранительных органов по обеспечению государственной защиты участников судопроизводства, ее тенденции и закономерности, особенности расследования преступлений в специфических условиях, вызванных противоправными воздействиями на наиболее уязвимых субъектов процесса [12, с. 76–77].

Поднимаемый и решаемый О.А. Зайцевым вопрос, вне всякого сомнения, является крупной научной проблемой. Однако, по нашим представлениям, это не предел понимания ее величины и глубины, поскольку очевидно, что за границами проблемы (в представленном масштабе) остаются негосударственные формы защиты участников процесса. Кроме того, ограничен круг субъектов, которые могут быть подвержены опасности в ходе производства по уголовным делам.

Таким образом, факт появления объемного монографического исследования проблемы (события замечательного) – это не повод для ослабления научного интереса к проблематике, скорее, наоборот. Новая концепция имеет своим результатом не только оригинальное объяснение фактов, но и подчеркивает иной уровень проблемности, постановки оригинальных вопросов. Концепция, таким образом, является побудительным мотивом для других исследователей, и этот стимул тем сильнее, чем оригинальнее концепты.

Так, по нашим оценкам, еще более масштабной проблема безопасности личности в

сфере уголовного процесса предстала после обнародования результатов докторского исследования, предпринятого Л.В. Брусницыным. Суть проблемы безопасности Л.В. Брусницын видит в «незащищенности жертв, свидетелей преступлений и других лиц от посткриминального воздействия» [14]. Об увеличении масштаба проблемы, в частности, свидетельствует и используемая в работе терминология. Л.В. Брусницын, говоря о безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, использует понятия более высокой степени общности, нежели О.А. Зайцев. Углубление проблемы происходит и за счет расширения правовой географии.

Однако подходу Л.В. Брусницына также свойственны свои границы, задаваемые непосредственно целью исследования (здесь в первую очередь заметны ограничения по субъекту) и опосредованно степенью исследованности объекта. Кроме того, сужение рамок исследования в определенной степени продиктовано авторской установкой на правовую финитизацию проблемы² [15]. Решение проблемы автору видится в совершенствовании национального законодательства; этим же определяется и цель авторской концепции³ [14, с. 4].

Соглашаясь в целом с подобным подходом и признавая его большую практическую пользу, заметим, что институциональное совершенствование законодательства (принятие отдельных законов и введение процессуальных институтов) вряд ли будет ознаменовано полным разрешением проблемы. В этой связи нам представляется, что образ идеального решения проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства должен опираться, кроме всего прочего, и на *концептуальное* совершенствование законодательства.

Работа Л.В. Брусницына – вторая докторская диссертация, родившаяся в недрах темы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства. Полагаем, что предыдущим

анализом мы уже подвели читателя к пониманию того, что дальнейшее постижение сути проблемы уголовно-процессуальной безопасности объективно необходимо. Подчеркнем главную мысль: занимаясь одной тематикой, исследователи решают не совсем идентичные по своему составу проблемы, поскольку сама проблема (в ее системном понимании) постоянно эволюционирует. Эволюция обусловлена взаимодействием общего (совместного) объекта и персональных предметов исследования. Таким образом, совокупный предмет исследования в конечном итоге увеличивается и становится равным объекту.

Так, по сути, обстоит дело и в нашем случае. Безопасность личности в сфере уголовного процесса рассматривалась как объект, в рамках которого формулировались конкретные предметы. С каждым новым крупным исследованием предмет все более приближался к объекту. Сегодня предметом может являться то, что еще вчера обозначалось как объект. Это обстоятельство в свою очередь позволяет увидеть новый объект, в контексте которого должна решаться научная проблема безопасности в современном ее понимании. Таковым является безопасность личности в Российской Федерации. Последние трагические события в стране и мире подтвердили, что это является чрезвычайно важной проблемой. В этой связи уголовно-процессуальная безопасность личности должна оцениваться в контексте общей безопасности России, ее задач и принципов, рассматриваться как ее неотъемлемая составная часть. Думается, что не будет голословным и предположение о том, что исследуемая нами проблема генетически вписывается в проблематику международного значения.

Говоря об объекте и предмете, необходимо подчеркнуть, что предмет любого научного исследования теснейшим образом связан с проблемным знанием о нем. Эволюция предмета и объекта есть продукт углубления представлений о противоречиях, генерирующих проблемную ситуацию. Закономерная реакция проблемы на каждое незаурядное исследование – углубление и тогда исследователю откры-

² Под *финитизацией* понимаются представления автора о желаемом результате решения проблемы.

³ Эффективных гарантий безопасности российское законодательство, по мнению Л.В. Брусницына, не содержит.

ваются новые глубины знаний. Это углубление вряд ли стоит понимать плоско, как исключительно последовательное размеренное движение вперед. Так, очевидно, что исследования О.А. Зайцева и Л.В. Брусницына не представляют собой последовательных этапов научного поиска (разница в датах защиты диссертаций в несколько лет не означает, что имеет место научная эстафета). Сказанное касается и большинства других участников творческого поиска в сфере уголовно-процессуальной безопасности личности⁴. Исследователи, стартовавшие в одно время, не всегда движутся в одном направлении, пути их не обязательно параллельны и прямолинейны. Не всегда эти пути и пересекаются. Весьма разнятся дистанция и скорость продвижения.

Однако научная реальность такова, что всякий индивидуальный теоретический прорыв содержит коллективную подоплеку (отсюда и приветствуемая форма научного субъекта – «мы»). Иными словами, крупные научные проблемы «возводятся» и разрешаются лишь совокупными усилиями научного сообщества. Таким образом, мы не станем отрицать, что работы О.А. Зайцева, Л.В. Брусницына и других многочисленных исследователей оказали существенное влияние на формирование нашей авторской концепции. С другой стороны, и коллеги солидарны с некоторыми нашими размышлениями⁵ [12, с. 59].

В этой связи представляется уместным привести одну цитату из известной работы Т. Куна «Структура научных революций». В примечаниях к указанному сочинению он следующим образом характеризует совпадение своих научных позиций с взглядами Карла Поппера. «По-видимому, это широкое совпадение, – пишет он, – нельзя считать случайным. Хотя я не читал работ эра Карла вплоть до

выхода в 1959 году английского перевода его книги (1935), я не раз слышал обсуждение его основных идей. В частности, я слышал, как он излагал некоторые из них на своих лекциях в Гарвардском университете весной 1950 года. Поэтому мне трудно в точности определить размер моего интеллектуального долга сэру Карлу, но я не сомневаюсь в том, что он есть» [16].

Доктринальные усилия способствуют укрупнению проблемы уголовно-процессуальной безопасности личности не только прямо, но и косвенно, путем нормативного оформления научных достижений. Как известно, результаты уголовно-процессуальной науки материализуются через нормы соответствующей отрасли права. Совсем недавно имела место очень существенная материализация подобного рода. Мы имеем в виду закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [17]. В нем достаточно легко разглядеть не только следы зарубежных нормативных моделей, но и доктринальные предложения отечественных исследователей.

Появление указанного закона и первые опыты по его применению также способствуют укрупнению проблемы и повышают актуальность дальнейшей разработки темы уголовно-процессуальной безопасности личности.

Кроме того, принятие указанного закона свидетельствует о том, что проблема уголовно-процессуальной безопасности личности не является сугубо теоретической. Рождение закона, который много лет не мог вырваться из проектных оков, подтверждает жизненную необходимость защиты участников процесса и подвигает ученых к дальнейшей разработке этой темы.

Сказанным мы пытаемся подчеркнуть, что проблема, которую мы ставим и решаем, глубже и масштабнее проблем, поднимаемых ранее, в том числе и в докторских диссертациях. Отталкиваясь от этой установки, первоначально мы сформулировали предмет исследования: «проблема безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства, ее явные и скрытые аспекты и взаимосвязи ...».

⁴ В настоящем контексте термин «уголовно-процессуальная безопасность личности» используется как синоним «безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства». Однако подобное равенство условно.

⁵ Так, ссылки на нашу «Концепцию безопасности личности в уголовном процессе» (Сыктывкар, 2000) имеются в работе О.А. Зайцева.

Проблема в первую очередь есть инструмент познания. Однако в эвристическом смысле едва ли целесообразно увеличивать дистанцию между предметом познания и проблемой (как формой знания). Первое, что должен сделать исследователь, – это трансформировать теоретическую и эмпирическую информацию о предмете в проблемное знание. Говоря проще, исследование должно опираться на четкие формулировки проблемы.

Достижение углубленного понимания проблемы безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства (как важнейшая предпосылка ее концептуального осмысливания) также требует серьезного отношения к методике постановки проблемы.

Не умаляя заслуг наших коллег, заметим, что далеко не все из них уделяли этому особое внимание. Большинство вполне обходилось интуитивной формой постановки проблемы, ограничиваясь либо одним проблемным вопросом, либо констатацией того, что имеются некие проблемы. Подобный подход может быть отнесен к стихийной (врожденной) методологии: человеку от рождения свойственно чувство проблемности, ибо, как заметил Э. Фромм, «его (человека – А.Е.) собственное существование является проблемой; он должен ее решать и ему от нее не спрятаться» [18].

Однако глубокому целенаправленному проникновению в проблему способствуют специальные процедуры ее постановки. Во-первых, следя осознанным интеллектуальным приемам и правилам, исследователь вынужден размышлять о проблеме в таких ракурсах, о которых при интуитивной постановке речь чаще всего не идет. Во-вторых, правила вовремя позволяют увидеть, что проблема на самом деле таковой уже не является. В-третьих, они дисциплинируют самого исследователя, позволяют эффективно организовать исследование. В-четвертых, повышается психологическая готовность специалиста к познавательной деятельности, существенно улучшается «качество» проблемы и значительно ускоряется переход от замысла к решению [19]. Кроме того, исследователь должен иметь представление о том, что скрывается за термином «проблема».

В самом общем виде «проблема» может быть определена как атрибут человеческого бытия, который проявляется как затруднение в продолжении деятельности, требующее осмысления, рефлексии и диктуемое необходимостью действий по его устранению; при этом далеко не всегда ясно, что требуется предпринять [20, 21].

Большая часть дефиниций проблемы напрямую связывает ее со сложным теоретическим или практическим вопросом, требующим изучения, разрешения. Причем это должен быть такой вопрос, ответ на который не содержится в накопленном обществом знании [22, 21].

Вместе с тем жизнь показывает, что одним вопросом проблема никогда не исчерпывается. Она представляет собой целую систему, состоящую из центрального вопроса (того самого, который составляет существо проблемы и который часто отождествляется со всей проблемой) и некоторого количества вспомогательных вопросов, получение ответов на которые необходимо для ответа на основной вопрос [20, с. 189].

Так, например О.А. Зайцев, уточняет проблему государственной защиты участников уголовного процесса через ряд вопросов: кто и что является объектом государственной защиты? От чего следует защищать участников процесса?

Кроме того, формулирование проблемы включает в себя такие операции, как выявление противоречия, лежащего в основе проблемы, и предположение о конечных результатах исследования (М.П. Поляков). Однако исследователи, как правило, ограничиваются теми моментами, на которые мы указали: формулирование вопросов и выявление противоречия.

Итак, существо проблемы (познавательный запрос) кодируется в главном вопросе исследования. Даже если вопрос и не объявлен, его легко вычислить при помощи перевода заголовка работы в категорию вопроса «как?».

Таким образом, в нашей ситуации центральный вопрос проблемы можно сформулировать следующим образом: как сделать уголовный процесс безопасным для личности, попавшей в его сферу? Для того чтобы придать проблеме требуемую остроту, формулировку можно уточнить: как сделать уголовный про-

цесс безопасным всякий раз и для всякой личности?

Подобная постановка вопроса, по нашему мнению, диктуется конституционными положениями («человек – высшая ценность») и отчасти подтверждается нормативной формулой назначения уголовного процесса. Так, согласно ст. 6 УПК РФ, уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Нетрудно разглядеть в приведенной норме концептуальную установку на бережное отношение к личности. Это ключевая идея, лежащая в основе уголовно-процессуальной реформы. Вместе с тем в формулировке ст. 6 УПК РФ можно уловить следы противоречия. С одной стороны, уголовное судопроизводство рассматривается как средство защиты (безопасности) личности, но, с другой – это средство также может представлять собой источник опасности для прав и свобод этой же личности⁶. Казалось бы, сам факт активизации государственной машины, именуемой уголовный процесс, защищает личность от воздействия криминала. Однако практика показывает, что уголовное производство не только пресекает преступление и восстанавливает нарушенное право, но зачастую порождает цепочку новых преступлений. Детально описывает это явление Л.В. Брусицын, обозначая его как «посткриминальное воздействие». Вовлечение личности (даже законопослушной) в сферу уголовного процесса, таким образом, не всегда означает для нее исключение опасности, зачастую опасность возникает (умножается) вместе с началом производства по делу.

Примеров подобного рода в научной литературе более чем достаточно. Количество противоправных посягательств в отношении должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, увеличивается с каждым годом. Противоправному воздействию подвергаются как должностные лица, осуществляющие правосудие (судьи, прокуроры, следователи и др.), так и лица, содействующие им в установлении истины (потерпевшие, свидетели и пр.). Так, по результатам проведенного нами анкетирования, 62% судей считают, что закон их не защищает, а 44% – оценили свою судебскую безопасность как недостаточную. Кроме того, судьи подтвердили наличие в судебных стадиях производства фактов противоправного воздействия на потерпевших (35%) и свидетелей (40%). Несмотря на то, что 48% судей отрицают факты противоправного воздействия на них, 16% все же подтвердили наличие таких фактов в отношении себя либо других судей, и только 9% отметили их как единичные⁷.

Законодатель долгое время не замечал указанной проблемы. Признание ее на нормативном уровне произошло лишь 12 июня 1990 г., когда был принят Закон СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [23]. Статья 27¹ содержала принципиально важное положение: «При наличии достаточных данных, что потерпевшему, свидетелю или другим участвующим в деле лицам, а также членам их семей или близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными действиями, орган дознания, следователь, прокурор, суд обязаны принять предусмотренные законодательством ... меры к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества этих лиц, а также к установлению виновных и привлечению их к ответственности».

Мы процитировали текст закона не случайно. Приведенная формулировка лишь обозначила проблему, но не разрешила ее.

⁶ Пункт второй указанной статьи должен пониматься весьма широко, подразумевая не только обвиняемых и подозреваемых, но и всякую личность. Широкий подход должен распространяться и на понимание прав личности, включая право на жизнь, безопасность и т.д.

⁷ Здесь использованы результаты проведенного автором анкетирования судей, следователей и других прикосновенных к правоохранительной деятельности лиц Республики Коми в период 2000–2004 гг.

Проблематичность реализации этой позитивной нормы состояла в том, что характер угрозы ограничивался строго определенными рамками (убийство, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества). Между тем чаще всего характер противоправного воздействия в отношении субъектов процесса заключается в неопределенности самой угрозы (например, «подумай о своих детях, своем здоровье» и т.п.). Воздействие часто носит завуалированный характер. Кроме этого, способы и методы воздействия личность в сфере уголовного процесса могут вообще не подпадать под действие уголовно-наказуемого деяния (например, за свидетелем, идущим по улице домой, постоянно следует на малой скорости автомашина с затемненными окнами).

Противоречие, в центре которого лежит идея опасности для личности со стороны самого уголовного процесса, далеко не единственный очаг проблемности. Для того чтобы увидеть это, вернемся к центральному вопросу проблемы: как сделать уголовный процесс безопасным всякий раз и для всякой личности?

Этот вопрос вполне мог бы быть переведен в статус технической задачи, если бы в сфере уголовного процесса фигурировала одна единственная личность. Однако очевидно, что подобная ситуация невозможна в принципе, ибо уголовное судопроизводство многолюдно по определению. Но проявление множественности выражается не только количеством личностей, но и обилием интересов этих личностей, зачастую весьма противоречивых.

Указанные интересы пересекаются и в секторе безопасности. История показывает, что корни проблемы безопасности личности в сфере уголовного процесса ведут к противоречию между государственными задачами и потребностями личности.

Обеспечение уголовно-процессуальной безопасности личности, являющееся составной частью понятия «обеспечение законных интересов личности», – важнейшая функция каждого государства вне зависимости от специ-

фических форм организации этого обеспечения⁸.

Правовое государство, характерное в основном для стран Западной Европы, так же, как тягловое государство (по Н.Н. Алексееву) [24, 25], или государство обязанностей, государство Правды (по И.А. Пересветову) [26, 27], своеобразное евразийским государствам и особенно Руси, есть средство защиты интересов граждан, поданных этого государства от противоправных посягательств, средство примирения (согласования) противоречивых интересов. Государство, как и любая юридическая конструкция, есть средство примирения (согласования) противоречивых интересов: 1) личности; 2) личности и общества; 3) общества и государства. Т. Гоббс вообще видел в государстве средство реализации функции (инстинкта) самосохранения, оно, по его мнению, – единственный инструмент, который может сохранить народ от «войны всех против всех», от самоуничтожения. «Мир, – писал он, – возможен лишь при условии самообуздания и ограничения естественного права индивида на все» [28].

В связи со сказанным может быть понято действительное место прав, в том числе и получивших титул естественных, и свобод человека и гражданина в регламентации уголовного судопроизводства. Государство, с одной стороны, а его граждане, с другой, принимают на себя определенные обязательства, коим, естественно, корреспондируют обязанности другой стороны. Приверженцы теории общественного договора прямо формулировали: граждане отказываются от части своих естественных прав в пользу государственной власти, призванной охранять их собственность и безопасность.

Подчеркнем два момента. Во-первых, по совершенно справедливой мысли авторов этой теории, для того чтобы иметь возможность защитить права и свободы своих законопослушных граждан, государство должно иметь

⁸ Если понимать обеспечение законных интересов личности в широком смысле, то нужно сказать, что эта функция государства является не просто важной, а основной.

возможность целесообразного ущемления части этих прав. Добавим: каких именно прав и до какой степени возможно ущемление – это проблема ситуационная. Во-вторых, ради получения тех благ, которые создает существование в государстве, сами граждане поступают частью своих так называемых естественных прав [29].

Сказанное позволяет утверждать, что современная российская власть недостаточно хорошо выполняет обязанность обеспечивать безопасность и собственность своих граждан. Это относится как к предшествующей посягательству деятельности, так и к практике восстановления нарушенного преступлением права посредством привлечения виновного к уголовной ответственности, защите законных интересов личности в сфере уголовного судопроизводства. Закрепление в основополагающем законе Российской Федерации – Конституции – прав и законных интересов граждан перед общественными и государственными интересами предполагает установление механизма его реализации в отраслевых законах и подзаконных актах.

Вместе с этим, как нам представляется, в правовых отношениях *примата интересов одного из субъекта быть не должно*. Имевшее место в истории провозглашение приоритета общественных и государственных интересов ущемляло, порой существенно, интересы отдельной личности. Подобное положение нужно исправлять, но не путем перегибов в другую сторону, а путем установления компромиссов. Государство, в котором интересы отдельного гражданина противоречат общественным, – это перегиб, поскольку общество есть совокупность индивидов, множества личностей.

Поэтому речь может идти только о законных интересах, когда компромисс различных интересов достигается путем принятия закона (правовой нормы). И поиск этого компромисса также является проблемой⁹[30].

⁹ Компромисс сегодня может рассматриваться как некий методологический принцип. Об этом размышляют и другие исследователи.

Представляется, что всего вышесказанного довольно для общей характеристики проблемы. Задача состояла в том, чтобы показать величину проблемы, ее общие контуры и скрытые источники. На наш взгляд, сказанного достаточно для определения стратегии разрешения проблемы, но явно недостает для разработки конкретных решений. В этой связи актуализируется потребность в конкретизации проблемы, ее расщеплении на систему исследовательских задач и интеграции их в структуру авторской концепции безопасности личности в сфере уголовного процесса.

Список литературы

1. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. – М., 2004. – С. 371.
2. Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1992.
3. Зайцев О.А. Теория и практика участия свидетеля в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
4. Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1993.
5. Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
6. Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995.
7. Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1997.
8. Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998.
9. Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса по делам организованной преступности. – М., 1994.
10. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение личных, имущественных и иных прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. – М., 1994.
11. Демидов И.Ф. Проблема прав человека в российском уголовном процессе. – М., 1995.
12. Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения безопасности участия свидетеля на предварительном следствии. – М., 1995.
13. Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. – М., 1997.

14. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. – М., 2001. – С. 8.
15. Брусицын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт (процессуальное исследование). – М., 2001. – С. 4.
16. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород, 2001. – С. 47.
17. Кун Т. Структура научных революций. – М., 2003. – С. 359.
18. Федеральный закон от 20.08.04 // Российская газета. – 2004. – 25 августа.
19. Современный философский словарь. – М., 1998. – С. 702.
20. Спицнадель В.Н. Основы системного анализа. – СПб., 2000. – С. 193-194.
21. Прытков В.В. Проблема // Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. – М., 1998. – С. 701.
22. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 366.
23. Словарь иностранных слов и выражений. – М., 1997. – С. 381
24. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 26. – Ст. 495.
25. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Агриф, 1998.
26. Алексеев Н.Н. Основы философского права. СПб.: Юридический институт МВД РФ, 1998.
27. Пересветов И.А. Челобитные// Чтения Имп, общ. истории. СПб., 1908. С. 66.
28. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь: В 12 т. – М.: Науч. изд. «БРЭ», 1993. – Т. 4. – С. 59.
29. Томин В.Т. Обязанности государства перед законопослушным гражданином: сфера уголовного процесса (спасение утопающих – дело рук самих утопающих) // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина; под ред. В.Т. Томина и И.А. Склярова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. – С. 93–103.
30. Корнелюк О.В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.

В редакцию материал поступил 22.02.07.

УДК 343.13:340.15

А.А. ЮНУСОВ,
кандидат юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ В СТРАНАХ АНГЛОСАКСОНСКОЙ И КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

В контексте определения оптимальной формы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, предмета и пределов оценки суда исследуется уголовно-процессуальное законодательство Великобритании, США, Франции и ФРГ. В качестве предмета анализа выступают полномочия суда и сторон, связанные с порядком представления и исследования доказательств; виды (возможных) решений суда.

При исследовании вопроса об оптимальной форме подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на процессуальную форму предания обвиняемого суду в тех странах англосаксонской или континентальной системы права, уголовно-процессуальное право которых исторически служило образцом (нормативной моделью) для иных национальных систем.

При этом мы не ставим своей целью включить в предмет подобного анализа все многообразие, имеющихся процессуальных форм, с детальным рассмотрением всех процессуальных особенностей той или иной национальной формы предания суду. Речь, прежде всего, идет об уголовно-процессуальном законодательстве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритании), Соединенных Штатов Америки (далее – США), Республики Франции (далее – Франции) и Федеративной Республики Германии (далее – ФРГ).

Процессуальные формы предания суду по уголовно-процессуальному законодательству Великобритании. Анализ процессуальной формы подготовки дел к судебному разбирательству начнем с уголовно-процессуального законодательства Великобритании, где этот этап

производства по делу является факультативным и возможен лишь по делам о преступлениях, направляемых в суд с обвинительным актом [1, с. 113–123].

Именно эти категории дел, отличающиеся повышенной опасностью и определенной сложностью установления фактических обстоятельств, подлежат Суду короны и могут быть рассмотрены с участием коллегии присяжных заседателей. И, напротив, по делам суммарного производства уголовно-процессуальное законодательство Великобритании не предусматривает в качестве самостоятельной процедуры этап предания суду.

По действующему процессуальному законодательству предание суду (*committal proceedings*), как известно, отнесено к компетенции магистратских судов, а не органов обвинительной власти или суда (судьи), призванного к разрешению данного дела по существу¹. Тем самым, по идеи законодателя, во-первых, обеспечивается независимый судебный контроль за законностью и обоснованностью

¹ В контексте исследуемых нами вопросов отметим весьма принципиальный момент: срок, в течение которого в Англии существовал порядок квазипредания суду (порядок – «передача дел для судебного разбирательства») по всем уголовным делам, оказался весьма непродолжительным.

предания обвиняемых Суду короны; во-вторых, суд (судья), разрешающий дело по существу, как бы устраниется от предварительной оценки фактических оснований для (возможного) предания обвиняемого суду и, следовательно, не формирует (не предрещает) своего предварительного вывода о той или иной степени доказанности обвинения².

О реальной направленности стоящих перед магистратскими судами задач объективно свидетельствует и то, что, характеризуя их полномочия, названные суды, прежде всего, называют в качестве «проверяющих магистратов» (*preliminary examination*)³.

Соответственно этим контрольным полномочиям, суды магистрата, по правилам предварительного рассмотрения дела в суде (*preliminary enquiry*), призваны контролировать следующий круг обстоятельств:

Во-первых, наличие достаточных (фактических) оснований (по сути, обвинительных доказательств) для рассмотрения дела в суде, с тем чтобы никто без названных оснований не предстал бы от имени подсудимого перед Судом короны.

На предмет подобной проверки суда на том этапе правомерно, к примеру, указывают К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко и Б.А. Филимонов [2, 3], обращаясь к анализу сути категории «*prima facie case*», определить действительное наличие которой в материалах поступившего дела, и призван магистратский суд на этом этапе. Обозначая собой, хотя бы минимальные доказательства обвинения, свидетельствующие о том, что дело (*case*), инкриминируемое данному обвиняемому, имеет под собой *достаточное основание*, названная категория призвана, прежде всего, обеспечить права и законные интересы личности, на предании которой суду

настаивает сторона обвинения. Принципиально и то, что в целях установления данного основания магистратские суды вправе не только изучать письменные документы (материалы), представленные сторонами в суд⁴, но и непосредственно допрашивать свидетелей, в том числе процессуально закрепляя их показания. Знаковым является и то, что доказать наличие данного основания в указанном судебном заседании должна именно сторона обвинения, ибо именно она настаивает на внесении данного дела (*case*) в суд. Участие самого обвиняемого в подобном заседании при этом является обязательным.

Во-вторых, названный этап, как известно, предназначен для того, чтобы стороны (обвинения и защиты) смогли предварительно ознакомиться с доводами и материалами противоположной стороны; выразить к ним свое отношение; приступить к выработке линии (стратегии) защиты или обвинения или обдумать предложения о медиации, основные институты которой весьма широко применяются с момента поступления дела в суд.

В-третьих, именно к компетенции судов магистрата отнесен вопрос окончательного определения подсудности, по так называемым «гибридным» преступлениям, допускающим диспозитивное известное усмотрение обвиняемого в выборе того или иного состава суда.

В-четвертых, к компетенции магистратских судов отнесено решение вопроса о мере пресечения в отношении обвиняемого, выбор которой при этом не является обязательным для Суда короны, перед которым (в дальнейшем) предстоит предстать обвиняемому.

В-пятых, процедура предварительного рассмотрения дела в магистратских судах, как уже отмечалось, отчасти необходима для процессуальной фиксации показаний тех свидетелей (преимущественно – стороны обвинения), непосредственное участие которых в Суде

² Оговоримся, квазипорядок предания суду, характеризуемый как простая «передача дел для судебного разбирательства», по-прежнему является необходимым для дел о тяжких или серьезных мошенничествах; по отдельным категориям дел, где потерпевшими являются несовершеннолетние; по преступлениям, подпадающим под Закон о преступлениях и беспорядках 1998 г.

³ Именно так их полномочия сформулированы и в п. 3(а) ст. 44 Закона об уголовном процессе и расследованиях 1996 г.

⁴ Как известно, исследуемая система уголовно-процессуального права не предусматривает создания уже на этом этапе единого (письменного) уголовного дела по аналогии с уголовным судопроизводством России.

короны не всегда возможно. Правда, этот способ доказывания служит в качестве субсидиарного на данном этапе, не являясь императивом для возможного алгоритма действий суда.

Для понимания истинного характера действий суда и характера решаемых на этом этапе задач важно также понять *пределы* исследования доказательств, подтверждающих наличие оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду, ибо именно пределы исследования характеризуют (более или менее) качественную сторону внутреннего убеждения судей, принимающих решение о достаточности оснований для внесения дела в суд. Именно в этом контексте английский законодатель четко разграничил на данном этапе как субъектов доказывания, так и сами виды допустимых для реализации названной задачи доказательств. В первом аспекте, магистрат выслушивает лишь доказательства стороны обвинения; сторона защиты на этом этапе доказательств не представляет. Во втором – в качестве допустимых доказательств судом могут быть приняты лишь письменные показания свидетелей, данные под присягой, либо иные документы, допустимость (собирания) которых изначально определена законодателем.

Вместе с тем, налицо в данном процессуальном порядке и определенная формализация процесса доказывания, ибо суд вправе принять решение о предании суду, приняв во внимание не столько содержательную, сколько количественную характеристику представленных доказательств, не вникая при этом в исследование (в оценку) вопроса об относительности, достоверности и достаточности указанных сведений.

Исключения из этого правила, требующие учета именно содержательной характеристики представленных сведений, связаны с наличием только двух ситуаций: а) когда обвиняемый не имеет на этом этапе защитника; б) когда защитник обвиняемого прямо указывает на то, что представленные стороной обвинения доказательства, по сути, не служат достаточным основанием для законного и обоснованного предания обвиняемого суду.

Фактически предметом спора в названной ситуации служит обоснованность обвинения, инкриминируемого обвиняемому. Отсутствие подобного спора позволяет суду формально оценить вопрос о достаточности оснований для предания обвиняемого суду; наличие подобного спора – императивно обязывает включить в предмет непосредственной оценки суда вопрос о реальной фактической обоснованности имеющегося обвинения.

Таким образом, именно этот центральный вопрос формирует процессуальную форму проверки; определяет предмет и пределы активности суда на этом этапе; является основной задачей стадии предания суду, когда она является обязательной. При этом вопрос о предрешенности внутреннего убеждения суда о той или иной степени фактической доказанности названного обвинения *a priori* не является проблемой стадии предания суду в английском уголовном процессе, поскольку рассмотрение дела, по существу, будет реализовано (совершено) иным составом суда.

Казалось бы, это – идеальная правовая конструкция, призванная, в том числе, решить вопрос предвещающих выводов суда о существе обвинения, если не принимать во внимание процедуры, именуемые в английском уголовном процессе, как *preparatory hearing* (подготовительное слушание).

Являясь факультативным этапом, названная процедура, как известно, также реализуется в английском уголовном процессе лишь по делам, поступающим в суд с обвинительным актом, и, по сути, предваряет собой рассмотрение дела по существу. Достаточно известно и то, что именно в рамках названной процедуры судья, принявший дело к своему производству, имеет весьма широкий круг полномочий, ряд из которых непосредственно связан с оценкой (предварительной) судом фактической стороны обвинения.

Судья, к примеру, вправе предписать обвинению: представить суду (и, соответственно, стороне защиты) письменный документ, содержащий основные факты на которых основано обвинение, а также правовое обONO-

вание данного обвинения. Равным образом, суд вправе обязать обвинителя, чтобы он подготовил свои доказательства и иные материалы в такой форме, которая с точки зрения судьи, облегчит понимание сути дела присяжными заседателями или противоположной стороной [2, 3].

Насколько названная деятельность судьи связана с оценкой доказанности фактической стороны обвинения при этом, естественно, не поясняется. Как не поясняется и то обстоятельство, насколько тот же судья, возможно, «предрешает» при этом свои выводы о виновности обвиняемого еще до рассмотрения дела по существу, до непосредственного исследования доказательств стороны обвинения по правилам состязательной процедуры. Таким образом, по сути, либо процедуры *preparatory hearing* полностью нивелируют усилия законодателя по реализации процедур предания суду независимым судом магистрата; либо названные вопросы выглядят риторическими; либо для английского законодателя проблема «предрешенности» вопроса о виновности обвиняемого, предаваемого суду, является явно надуманной и, скорее, психологической, чем реальной правовой категорией.

Предварительные слушания в суде США (preliminary examination). Названная процессуальная форма предания обвиняемого суду в уголовно-процессуальном законодательстве США, как известно, предусмотрена лишь по делам об опасных преступлениях⁵. Как и в законодательстве Англии, полномочия по решению вопроса о предании обвиняемого суду принадлежат (преимущественно) суду магистрата или иного приравненного к нему должностного лица [3].

Принято считать, что в процессуальном контексте началом этого этапа служит момент регистрации обвинительного акта, поступившего в суд магистрата. Однако известно и то, что еще до официальной регистрации данного акта судья, безусловно, вправе, без

участия сторон и вне судебного заседания, изучить как фактическую, так и юридическую стороны названного акта, так и те материалы, которые призваны к фактическому его обоснованию. При этом по итогам подобного изучения судья вправе как истребовать дополнительные материалы от стороны обвинения, включая объяснения по сути самого акта, так и полностью прекратить производство по делу, не усматривая оснований для его дальнейшего рассмотрения по существу. И, конечно, судья вправе назначить дело к слушанию, формулируя указания о вызове необходимых лиц.

Остановимся на этих моментах, ибо в контексте исследуемых нами проблем прежде всего принципиальным является то, что предметом непосредственной оценки суда в названной ситуации является (вновь) фактическая доказанность внесенного в суд обвинения. Соответственно, решению этого центрального вопроса проверки, по сути, подчинен весь комплекс усилий и решений суда на этом этапе.

К примеру, § 180.60 Уголовно-процессуального закона штата Нью-Йорк, регламентируя порядок действий судьи на этом этапе, предусматривает:

- обязательное участие обвиняемого в судебном заседании; оглашение обвиняемому обвинительного акта;
- выяснение его отношения к данному акту;
- возможность допроса свидетелей обвинения под присягой, показания которых призваны подтвердить фактическую обоснованность обвинения, инкриминируемого обвиняемому.

В свою очередь, обвиняемый вправе как сам дать показания по существу инкриминируемого ему обвинения, так и ходатайствовать о вызове в суд тех свидетелей, которые, по его мнению, могут опровергнуть названное обвинение, как в целом, так и в его части.

К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов, оценивая данные процедуры *preliminary examination*, прямо указывают на то, что на практике такое слушание чаще всего используется стороной защиты для «прощупывания» основных доказательств, собранных стороной обвинения, поскольку свои доказательства

⁵ Принято полагать, что делам так называемого суммарного (упрощенного) производства процедуры предания суду отсутствуют в принципе.

сторона защиты, как правило, «приберегает» на этап рассмотрения дела по существу [1, 3].

Итогом названной процедуры служит решение суда о том, что основания для рассмотрения дела в суде либо установлены, либо – нет. Фактическим, а равно – юридическим, основанием данного решения служит вывод о том, что фактически обвинение достаточно обосновано (доказано).

Более того, в предмет непосредственной оценки суда на этом этапе, как элемент его законного и обоснованного предания суду, входит категория *доказанной вины* обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении. Чтобы исключить возможность двусмысленных подходов в этом вопросе сошлемся, к примеру, на п. «а» § 872 Каратального кодекса штата Калифорнии, в нормах которого прямо указывается на то, что, в случае подтверждения в ходе предварительного слушания факта совершения опасного преступления, магистрат вправе издать постановление или на жалобу обвинителя наложить резолюцию примерно следующего содержания: «Поскольку мне представляется, что преступление, о котором сказано в жалобе... совершено, и что есть достаточное основание считать виновным в нем названного _____ (обвиняемого – Примеч. авт.), я постановляю, чтобы он был привлечен к ответу (*be held to answer*) за это» [1, с. 241–242].

Оговоримся, названный акт с названным предрешающим выводом не является обязательным для суда, разрешающего дело по существу, во-первых, в силу актов медиации; во-вторых – в силу, безусловной, самостоятельности суда в этих вопросах.

По сути, предмет, пределы, процессуальная форма и полномочия суда тем ситуациям, когда правомочия, связанные с решением вопроса о предании суду, отнесены к ведению большого жюри присяжных. Как и в суде магистрата, основная функция этого жюри связана с определением достаточности фактических оснований для законного и обоснованного предания обвиняемого суду.

Как известно, заседания такого жюри носят негласный характер; предметом проверки и

оценки суда служат лишь доказательства стороны обвинения; мнение суда магистрата о виновности, сформулированное в акте о предании суду, не является для большого жюри обязательным. Как и в рамках предварительных слушаний (*preliminary examination*), допустимо непосредственное исследование доказательств стороны обвинения, включая допрос (под присягой) свидетелей стороны обвинения⁶. Аналогичны и виды возможных решений суда, принимаемых по итогам проверки.

Соответственно, в контексте исследуемых нами проблем, правомерно поставить вопрос: насколько названные процедуры «оберегают» судью, призванного к разрешению дела по существу, от предварительного ознакомления с материалами уголовного дела, от ознакомления с системой обвинительных доказательств, от «предрешающего» вывода о виновности подсудимого еще до рассмотрения этого вопроса по правилам состязательной процедуры?

Этот вопрос практически не является предметом исследования в теории российской уголовно-процессуальной науки. Тем не менее объективный анализ процедур, связанных с ознакомлением подсудимого с обвинением и выяснением его мнения по поводу сути данного обвинения, с совершением судом и сторонами процессуальных действий, подготавливающих судебное заседание, объективно указывает на то, что еще до рассмотрения дела по существу, до исследования и оценки системы доказательств сторон суд (судья) в обязательном порядке знакомится с материалами дела, дает им предварительную оценку, принимает активное участие в медиационных процедурах и т. п.

Таким образом, и в этом процессуальном порядке законодателю не удалось «оберечь» суд от предварительной, «предрешающей», по сути, оценки доказательств стороны обвинения, фактически нивелируя тем самым комплекс усилий, связанных с процедурой предания суду независимым и беспристрастным судом.

⁶ Фактически каждая из названных процедур выполняет роль процессуального фильтра, призванного к исключению из судебного разбирательства дел, не имеющих судебной перспективы, недостаточно обоснованных и т. п.

Процессуальные формы предания суду по уголовно-процессуальному законодательству

Франции являются кардинально отличными от ранее рассмотренных форм. Прежде всего, и структурно, и содержательно они отнесены к этапу окончания предварительного следствия, не образуя, по сути, самостоятельной стадии в уголовном процессе. Так, по окончании следствия и уведомлении об этом сторон (в письменной форме), следственный судья передает уголовное дело прокурору, о чем выносится отдельное постановление⁷. Цель указанных действий видится законодателю в том, чтобы прокурор, являясь стороной обвинения, независимо и беспристрастно проверил качество предшествующего производства по делу и возможность внесения данного дела в суд с поддержанием (качественным) по нему государственного обвинения.

Изучив указанное дело в течение месяца, если обвиняемый содержится под стражей, или в течение трех месяцев – в остальных случаях, прокурор вправе направить следственному судье требование: либо о продолжении (дополнении) следствия, либо об его прекращении (как не имеющем оснований для своего продолжения), либо о направлении дела в суд. Названное требование не является обязательным для следственного судьи, и прокурор, в случае несогласия с его указаниями, вправе обжаловать действия следственного судьи в апелляционном суде, решение которого и будет окончательным⁸.

Если следственный судья принимает решение о направлении уголовного дела в суд, он должен окончательно, в том числе и с учетом (возможных) указаний прокурора, квалифицировать деяние. Именно от названной квали-

⁷ Одновременно, по смыслу закона, следственный судья обязан уведомить об этом как потерпевшего, так и защитника обвиняемого, с тем, чтобы они могли апеллировать к прокурору все свои возражения.

⁸ Оговоримся, что в случае несогласия следственного судьи с требованием прокурора о продолжении (дополнении) следствия и обжаловании этого несогласия прокурором, дело принимает к своему производству следственная камера апелляционного суда, которая и будет окончательно решать вопрос о дальнейшем движении этого дела, включая вопрос о возможном предании обвиняемого суду.

фикации зависит подсудность дела, направляемого в суд.

При этом собственно *постановление о предании суду* следственный судья выносит в том случае, если данное дело подсудно суду ассизов. Таким образом, закон не требует составления отдельного обвинительного акта. По сути, его «замещает» названное постановление следственного судьи, по аналогии с названным актом, содержащее в себе как исчерпывающие данные о личности обвиняемого (обвиняемых), так и окончательную юридическую квалификацию содеянного. В качестве формулы обвинения следственный судья обязан указать лишь «...причины, по которым он пришел к выводу о наличии достаточных доказательств виновности», в инкриминируемом обвиняемому преступлении. Все доказательства обвинения при этом следственный судья приводить не обязан, поскольку стороны имели возможность не только ознакомиться с системой названных доказательств, но и получить копии важнейших процессуальных документов, уличающих обвиняемого⁹.

Само производство в суде ассизов не является предметом внимания и интересует нас только в контексте тех вопросов, которые являются проблемными для процессуальной формы предания суду в российском уголовном процессе. Центральным при этом, как и ранее, является вопрос о праве (о допустимости) суда (профессионального судьи) предварительно ознакомиться с делом и, соответственно, с системой обвинительных доказательств, имеющихся по данному делу.

Исследователи этого порядка предания суду, как правило, не выделяют специально этот вопрос, останавливаясь лишь на последовательности и характере действий суда и сторон по поступлении дела в суд [1, с. 352-353; 2, с. 692-693]. В данной связи о действительном характере действий судьи в исследуемом контексте можно судить лишь косвенно.

Прежде всего, отметим, что все действия

⁹ Последнее правомочие, естественно, не освобождает следственного судью от обязанности в кратчайшие сроки ознакомить стороны с названным постановлением.

суда, которые могут быть реализованы до собственно судебного рассмотрения дела, по существу, могут быть классифицированы на обязательные и факультативные.

Среди обязательных следует выделить те, которые связаны с вручением подсудимому копии следственного судьи о предании суду, разъяснением права на обжалование такого решения, с рассмотрением подобной жалобы и вступлением названного постановления в законную силу. Как известно, только по истечении пяти суток по вступлении названного решения в законную силу подсудимый должен быть доставлен для допроса к председателю суда ассизов. Все это время дело, естественно, находится в производстве суда.

Сам допрос носит, скорее, организационный (по сути, административный) характер, так как не затрагивает ни существа дела, ни фактической стороны обвинения, ни возможных возражений подсудимого и т.п. Цель данного допроса – максимально обеспечить права подсудимого в предстоящем судебном заседании (обеспечить право на защиту и т.п.). Судебное заседание (по общему правилу) при этом также не может быть назначено ранее пяти суток после указанного допроса.

К обязательным действиям суда и сторон следует отнести и действия по взаимному ознакомлению сторон со списками свидетелей, экспертов и т. п., подлежащих вызову в судебное заседание. Однако, наибольший интерес в исследуемом контексте вызывают отдельные из факультативных действий суда, реализуемых на этом этапе. К примеру, правомочие суда на соединение или разъединение нескольких уголовных дел, поступивших в суд; о дополнительном производстве ряда следственных действий; об отложении дела слушанием, как пока не готового к рассмотрению.

Объективный анализ каждого из названных полномочий явно свидетельствует о том, что фактической основой для их законного и обоснованного производства является, безусловно, ознакомление судьи (распоряжающегося) с материалами уголовного дела, с фактической обоснованностью постановления следственного судьи о предании обвиняемого суду.

Только зная материалы уголовного дела, фактическую и юридическую сторону обвинения, суд может принять решение о соединении в одно производство нескольких уголовных дел или, напротив, об их выделении в отдельное производство, как не связанных единой фабулой. Только сомнения в доказанности (надлежащей) фактической стороны обвинения может, на наш взгляд, побудить суд к производству дополнительных следственных действий по делу, уже фактически оконченному расследованием.

Таким образом, и в этом процессуальном порядке судья, принявший к своему производству уголовное дело для его рассмотрения по существу, не только вправе, но и объективно обязан знакомиться с материалами уголовного дела, с системой обвинительных доказательств, с фактической стороной обвинения, внесенного в суд. Вопрос о возможной «предрешенности» выводов судьи в этом контексте, мы уже не затрагиваем.

Процессуальные формы предания суду в уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ. Занимая промежуточное место среди стадии предварительного расследования преступлений и собственно судебным рассмотрением дела, стадия предания суду (открытия судебного заседания) в германском уголовном процессе является обязательной и реализуется по всем категориям дел. Компетентным органом предания суду при этом выступают: либо единолично судья – по делам, подсудным суду шеффенов или участковому суду; либо трое профессиональных судей – по делам, подсудным большой палате земельного суда; либо сенат в составе пяти профессиональных судей – по делам, подсудным высшему земельному суду¹⁰ [2, с. 695–696].

Предмет и пределы проверки суда при этом определены непосредственно в уголовно-

¹⁰ По закону предание суду не является обязательной стадией по делам, рассматриваемым участковым судьей и судом шеффенов в порядке так называемого ускоренного (суммарного) производства. См.: Уголовный процесс России. Особенная часть: учебник для студентов юридических вузов и факультетов; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб., 2005. – С. 695–696.

процессуальном законе. Согласно § 203 УПК, суд принимает решение об открытии судебного заседания (предании обвиняемого суду – Примеч. авт.), если результаты расследования, по мнению суда, свидетельствуют о достаточном подозрении обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления. При этом, по прямому указанию закона, в постановлении суда не может предрешаться вопрос о доказанной виновности обвиняемого.

Именно этот, достаточно «известный» нам в ходе исследования, вопрос, как и в русском уголовном процессе, послужил причиной многочисленных «реформ» стадии предания суду в германском уголовном процессе вплоть до полного исключения подобного порядка из структуры норм УПК и до его естественного восстановления по прошествии времени.

Основным аргументом при этом, как и в российской научной доктрине, послужили аргументы о том, что решение о предании суду, принимаемое судом, разрешающим (в дальнейшем) это же дело по существу, по сути, равнозначно признанию (предрешению) до судебного рассмотрения обвинения, инкриминируемого обвиняемому (Э. Шмидт, Г. Кольхас, Г. Геншен). Достаточно известны и аргументы, призванные к решению данной проблемы, предлагаемые в научной (немецкой) доктрине: введение обвинительного (прокурорского) порядка предания суду; создание независимого судебного органа, ведающего исключительно вопросами предания суду и т.п.¹¹

Поскольку разумного компромисса найти так и не удалось – стадия предания суду сохранила свое место в структуре германского уголовно-процессуального законодательства, а законодатель счел необходимым лишь формально оговориться в вопросе о том, что в постановлении (определении) о предании обвиняемого суду в качестве фактического обоснования указывается лишь о допуске обвинения к рассмотрению в судебном заседании (ч. 1 § 207 УПК), а не об его доказанности материалами дела.

Исследование этого основания предполагает не только право суда к непосредственному исследованию доказательств по делу на этом этапе, но и к производству дополнительных следственных действий, которые проводятся либо непосредственно членом суда (палата по уголовным делам земельного суда), либо по поручению участковым судьей.

О действительном предмете и пределах проверки суда на этом этапе свидетельствует и правомочие суда, связанное с отказом в предании обвиняемого суду. Как известно, подобное определение выносится как по фактическим, так и правовым (юридическим) основаниям. При этом при наличии фактических оснований суд прямо указывает на то, что у него нет достаточного подозрения в совершении обвиняемым инкриминируемого ему преступления, и объясняет, какие именно фактические обстоятельства опровергают выдвинутое прокуратурой обвинение. Таким образом, и в этом моменте без непосредственной оценки судом (доказанности) фактической стороны обвинения принятие законного и обоснованного решения становится практически невозможным.

Список литературы

1. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головко, Б.А. Филимонов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2001. – С. 113–123.
2. Уголовный процесс России. Особенная часть: учебник для студ. юрид. вузов и фак.; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб., 2005. – С. 685.
3. А.В. Смирнов Уголовный процесс : учебник для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общей ред. А.В. Смирнова. – СПб. : Питер, 2004. – С. 480–482.

В редакцию материал поступил 18.12.06.

¹¹ О том, что и в этом случае суд, принимающий дело к своему производству, просто обязан предварительно ознакомиться с материалами дела, естественно, упоминать было не принято.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 293-11-25, 293-08-57, 292-61-69).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях или могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. В приложенной к статье отдельной справке необходимо указать следующие сведения:

- список авторов;
- сведения об авторах (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, лицо, с которым вести переговоры по возникающим вопросам);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- список литературы;
- подписи автора(ов) (с надписью «Статья публикуется впервые и не направлена в другое издание») и дата;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания);

Все поступающие статьи проходят обязательное научное рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегия может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

Требования к оформлению рукописей

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – не более 10 строк. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература приводится в конце статьи в порядке очередности упоминания в тексте. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке. **Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.**

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО “Таглиммат“» 250 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань. (за журнал)

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высыпаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаться по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 293-38-08

Тел. (843) 293-11-25, 293-08-57, 293-07-05

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкаровна Дарчинова